

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII ВЕКА

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра истории русской литературы и теории литературы

Русская литература XVIII века

Учебно-методическое пособие

Ижевск
2018

УДК 821(091)“17”(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)51я73
Р 827

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Е. В. Широкова

Р 827 Русская литература XVIII века: учебно-методическое пособие /
сост. Н. С. Рубцова. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский универси-
тет», 2018. — 168 с.

Пособие содержит программу учебного курса по русской литературе XVIII века, рассчитанного на семестр, тематическое планирование, темы и вопросы практических занятий, а также учебно-методические материалы и методические рекомендации студентам, темы для самостоятельной работы, основную и дополнительную учебную и научную литературу, хрестоматии, интернет-ресурсы и периодические издания, контрольные вопросы по курсу и дополнительные задания для студентов, не набравших необходимое количество баллов. Пособие нацелено на формирование общекультурных и профессиональных компетенций на базовом уровне.

Издание предназначено для студентов ВО, изучающих курс русского устного народного творчества в рамках базовой части гуманитарного, социального и экономического цикла ФГОС.

УДК 821(091)“17”(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)51я73

© Н. С. Рубцова, 2018
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2018

Предисловие

XVIII век открывает новую страницу в истории русской литературы. Изменения, произошедшие в ней за несколько десятилетий, представляются важными. В литературном процессе всегда имеют место две взаимосвязанные тенденции: преемственность и новаторство. Каждая из них немыслима без другой, но соотношение между ними в разные эпохи неодинаково. В XVIII веке потребовалось радикальное обновление всех сфер общественной и духовной жизни, в том числе и литературы. Историческим рубежом между старой и новой Россией были реформы Петра I, затронувшие разнообразные области политики русского государства, в том числе и идеологическую сферу. Рождалась культура, резко отличавшаяся от предшествующей.

Предлагаемое учебно-методическое пособие нацелено на изучение русской литературы XVIII века, связанной с изменением ее социально-культурного статуса, формированием нового типа писателя, становлением и эволюцией жанровой системы, сменой и взаимодействием литературных направлений, ростом личностного начала в творчестве писателей.

Пособие ориентировано на студентов-бакалавров первого курса направлений подготовки «Народная художественная культура» (институт искусств и дизайна), «Специальное (дефектологическое) образование» (институт педагогики, психологии и социальных технологий), «Библиотечно-информационная деятельность» (институт математики, информационных технологий и физики), «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» и «Филология» (институт языка и литературы), однако может быть полезным и журналистам в качестве вспомогательного материала при изучении русской литературы XVIII века. С учетом контингента выбирается и материал для занятий.

Практическая значимость пособия predetermined его структурой: в нем содержится семестровый план занятий. Следовательно, основная практическая цель пособия – сопровождать аудиторные занятия студента в ходе семестра.

В целом данное пособие направлено на формирование следующих общекультурных компетенций на базовом уровне:

- культура мышления; способность к восприятию, анализу и обобщению информации;
- готовность к работе в коллективе (группе), микрогруппе;
- планирование самостоятельной работы по тематике курса.

Сферу профессиональных компетенций составляют

- знание особенностей историко-литературного процесса, основных литературоведческих понятий;
- владение навыками освоения научной литературы и способность применять знания основных положений и концепций в области интерпретации текста, истории литературы, искусства;

- умение анализировать художественный текст на жанрово-родовом, сюжетно-композиционном, идейно-тематическом, образном уровнях;
- умение вычленять критерии формирования художественного вкуса;
- способность анализировать общественное мнение (мнение группы, коллектива) и стимулировать дискуссию.

Пособие состоит из семи разделов. В построении курса сочетаются исторический и жанровый принципы. Развитие литературы напрямую связано с историческим процессом. Поэтому целесообразным представляется изучение двух важных категорий – мира и человека – в русской литературе в зависимости от того или иного исторического этапа. Что касается жанра, он не менее значим, поскольку является одной из основополагающих категорий поэтики вообще. В I и II разделах внимание уделяется прежде всего системе жанров, с ее стремлением к трансформации, что отражает «неустойчивость» исторического процесса, изменение хода жизни и приоритетов для мира и человека. Кроме того, вопросы поэтики каждого жанра постоянно остаются в центре внимания.

В разделе I представлен план лекций и практических занятий, рекомендована литература для подготовки к практическим занятиям.

Раздел II в основном составляют конкретные художественные произведения, гарантированно рассматриваемые на практических занятиях. Полный список художественных текстов дан в соответствующем разделе. Кроме текстов, во второй раздел включены задания по некоторым темам.

Учебно-методические материалы (список художественной литературы, основная и дополнительная учебная и научная литература, хрестоматии, справочная и периодическая литература, интернет-ресурсы, ЭБС) включены в раздел III.

В разделе IV описана самостоятельная работа студентов по курсу.

Методические рекомендации студентам сформулированы в разделе V.

Контрольные вопросы по курсу содержатся в разделе VI.

В разделе VII предложены художественные тексты (в некоторых случаях фрагменты) главным образом для определения жанра, а также автора и названия произведения. Из 10 вариантов каждому студенту, не набравшему необходимое количество баллов на зачете / экзамене, предлагается один вариант, содержащий четыре текста. Все тексты взяты из списка рекомендованной художественной литературы.

По причине ограниченного количества часов не все лекционные темы даются на занятиях, однако нехватку информации студенты могут восполнить самостоятельно, обратившись к рекомендуемой литературе, в том числе и к интернет-ресурсам, тем более что самостоятельная работа по дисциплине предусмотрена. При проведении лекций используются как традиционные техноло-

гии, предполагающие передачу информации в готовом виде, формирование учебных умений по образцу лекций, так и инновационные: лекция-визуализация, лекция с ошибкой.

Разработка практических занятий включает перечень вопросов и заданий по теме занятия, список рекомендуемой литературы, письменную работу, как правило, тестового характера на знание материала. В основном практические занятия проводятся в интерактивной форме – в форме беседы, актуальной для студентов-первокурсников нефилологических факультетов, если учесть, что студенческая аудитория только сформирована. Помимо этого, на практических занятиях предполагаются выступления студентов с сообщениями, докладами, презентациями, с дальнейшим обсуждением и вопросами докладчику. Применяется и групповая форма работы.

Определенную сложность для студентов-нефилологов представляет обращение к художественным текстам, что обусловлено в первую очередь особенностями русского языка XVIII века. Поэтому темы практических занятий даются студентам заранее.

Аудиторные занятия предусматривают изучение основных теоретических понятий. Понятийный аппарат тесно связан и с поэтикой отдельных произведений, и с жанрами, и со своеобразием историко-культурной эпохи, и с литературными направлениями, и с творческой индивидуальностью автора.

Самостоятельная работа преимущественно включает в себя изучение основной и дополнительной литературы по дисциплине, конспектирование рекомендуемой литературы, чтение художественных текстов, подготовку к практическим занятиям, контрольной работе и зачету / экзамену. При необходимости студенты могут проконсультироваться с преподавателем по возникшим вопросам.

Методические рекомендации по выполнению различных видов работ (составление словаря, подготовка сообщения и доклада, создание презентации, конспектирование научной работы) призваны помочь студентам при подготовке к практическим занятиям.

Оценка сформированности базового уровня компетенций (знаний, умений и навыков) студентов проводится посредством учета посещаемости (в течение семестра) и активности их работы на практических занятиях (устные и письменные ответы, выступления с сообщениями, докладами, презентациями по теме), а также контроля выполнения самостоятельных заданий и проверки конспектов предлагаемых научных трудов. Итоговый контроль осуществляется в конце семестра по результатам работы в целом и промежуточных контрольных работ.

Кроме студентов, пособие может послужить подспорьем для преподавателей, читающих аналогичные курсы.

РАЗДЕЛ I. ПЛАН ЛЕКЦИЙ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ

Тема 1. Общая характеристика литературы XVIII в.

Введение. Конец XVII – начало XVIII в. как переходная эпоха. Основные идейные и художественные связи литературы XVIII в. с литературой предшествующей и последующей.

Основные тенденции развития русской литературы XVIII в. Развитие русской народности в русскую нацию. Формирование национального сознания. Реформы Петра I во всех направлениях государственной, социальной, культурной жизни России.

Новая культура и литература. Развитие демократизма и связь с древнерусской литературой и фольклором, с европейской культурой. «Секуляризация» литературы. Особенность русской литературы XVIII в. как литературы века Просвещения. Усиленное внимание к воспитательной функции литературы: литература как средство формирования общественного мнения. Особая роль русских писателей в развитии философской, социальной и эстетической мысли. Литература и жизнь: к вопросу о взаимоотношениях. Два способа функционирования литературы. Писательство как служение. Патриотизм и гражданский пафос литературы.

Формирование литературных направлений – классицизма, сентиментализма, предромантизма. Реформа литературного языка, стихосложения. Эволюция жанровой системы.

Проблема периодизации литературы XVIII в. «Смена власти» и «стадии национального процесса» (О.Б. Лебедева) как критерии деления литературы на периоды.

Тема 2. Литература Петровской эпохи (первая треть XVIII в.)

Характеристика эпохи. Петровские реформы. Образование Российской империи. Развитие просвещения, науки, системы образования. Процесс «европеизации России»: положительные и отрицательные стороны. Процессы «обмирщения» в идеологии, культуре, быту. Переход от старой культуры к новой. Значение слова в политической борьбе; публицистика; пропаганда новых моральных и бытовых норм.

Переводная проза, ее роль в развитии русской литературы Петровской эпохи («Юности честное зерцало», «О разорении Трои», «О законах брани и мира» и др.). Рождение журналистики: газета «Ведомости».

Расцвет ораторского искусства. Жанры проповеди, слова. Их идеологическое наполнение: восхваление деяний Петра I. Поэтика жанра. Ораторская деятельность Стефана Яворского, Феофана Прокоповича.

Рукописная литература – старая по форме, но новая по содержанию бытовая повесть, переводные романы, переделки произведений древнерусской литературы.

Оригинальные повести эпохи – безавторские истории («*Гистория о российском матросе Василии Кориотском*», «*Гистория об Александре, российском дворянине*», «*Гистория о некоем шляхетском сыне...*» и др.). Отличие от повестей конца XVII в. Особенности поэтики: светскость содержания, вымышленный сюжет, развивающийся по линии раскрытия характера главного героя, чья судьба – результат его поступков, а не действия рока, как в древнерусских повестях. Отражение в повестях просветительских и публицистических идей петровского времени. Барочные элементы в повестях, своеобразие композиции и стиля.

Развитие стихотворства. Новые жанры: любовная песня, кант. Панегирики, их публицистическое начало. Поэзия Стефана Яворского, Феофана Прокоповича. Традиции барокко в поэзии петровского времени. Визуальный стих.

Народная литература петровского времени. Различная оценка личности и дел Петра. Сатира на личность Петра I и его сподвижников в «лубочной» литературе («*Мыши kota погребают*») и в народной драме («*Царь Максимилиан*»).

Театр и драматургия Петровской эпохи. Школьный театр. Поэтика пьес школьного театра. Попытки организации светского театра. Интермедии как прообраз русских комедий.

Барокко как литературное направление Петровской эпохи. Возникновение барокко под влиянием польско-украинско-белорусских воздействий, а также внутренних потребностей. Поэтика барокко. Новые жанры, новые идейные веяния, новый стиль. Просветительский характер русского барокко.

Феофан Прокопович (1681–1736) – выразитель идей и духа Петровской эпохи, идеолог и сподвижник Петра I. Общественно-государственная и педагогическая деятельность Ф. Прокоповича.

Ораторская проза Ф. Прокоповича. Панегирический стиль. Трансформация жанра проповеди. Политическая направленность проповедей Ф. Прокоповича. Риторические приемы в проповедях. Светское ораторское «слово» Ф. Прокоповича («*Слово о власти и чести царской*», «*Слово похвальное о флоте российском...*», «*Слово на похвалу блаженный и вечнодостойныя памяти Петра Великого...*»).

Языковая реформа Ф. Прокоповича. Сближение церковнославянского и разговорного языков. Десакрализация Слова («*Духовный регламент*»).

Взгляды на литературу. Основные положения «Поэтики» и «Риторики».

Поэзия Ф. Прокоповича, жанровое своеобразие.

Драматургия. Трагедокомедия «Владимир»: использование исторического материала, система образов, своеобразие жанра, проблематика.

Традиции и новаторство в творчестве Ф. Прокоповича. Проблема художественного метода. Творчество Ф. Прокоповича в контексте историко-литературного процесса Петровской эпохи.

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744). Общественно-политическая деятельность, участие в «Ученой дружине», борьба за сохранение и продолжение петровского дела. Эстетические и философские взгляды А.Д. Кантемира. Творческий диапазон А.Д. Кантемира.

Перевод А.Д. Кантемиром книги Б. Фонтенеля «Разговор о множестве миров». Разрыв с древнерусской литературой. Связь с просветительской программой. Публицистические задачи перевода.

А.Д. Кантемир как «первый светский поэт на Руси» (В.Г. Белинский). Обращение к жанру стихотворной сатиры. Связь сатир А.Д. Кантемира с мировой и русской сатирической традицией. Эстетика отрицания. Структура сатир, роль композиции в раскрытии идейно-художественного содержания сатиры. Сатиры А.Д. Кантемира как литературное средство общественно-политической борьбы. Публицистичность и морализм его сатир. Поэтика, стих, язык и стиль сатир.

Значение творчества А.Д. Кантемира в истории русской литературы XVIII в.

Тема 3. Классицизм как творческий метод и мироотношение. Специфика русского классицизма¹

Понятие классицизма: классицизм как художественный метод в искусстве и литературе, классицизм как мироотношение.

Особенности европейского классицизма. Рационалистическая картина мира, философия Р. Декарта, концепция личности и типология конфликта в литературе классицизма. Эстетика классицизма. Нормативность как главное свойство классицизма.

Зарождение классицизма в России, его философские, общественно-политические и художественные основы. Эволюция и национальная специфика русского классицизма. Поэтика. Связь с просветительством, древнерусским искусством и фольклором, современностью. Обличительная направленность русского классицизма. Жанровая система и теория штилей. Ода как ведущий жанр классицизма. Реформа стихосложения. Реформа литературного языка.

Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1768). Личность и жизненный путь. В.К. Тредиаковский в оценках современников.

¹ Теоретический материал о классицизме оформляется преподавателем как лекция-презентация.

Перевод романа П. Тальмана «*Езда в остров Любви*». Попытка обмирщения литературного языка. Идейное содержание романа – раскрепощение человека от условностей старого быта. Поэтизация любовного чувства.

Реформа русского стихосложения. Основные положения трактата «*Новый и краткий способ к сложению российских стихов*». Конкретные предложения В.К. Тредиаковского по введению силлабо-тонического стихосложения. Разработка основных понятий стиховедения. Роль В.К. Тредиаковского в реформе стихосложения.

Жанровое своеобразие лирики В.К. Тредиаковского. Эволюция поэтических жанров и их значение для становления русского классицизма. Одическая поэзия. «*Ода торжественная о сдаче города Гданска*» и «*Рассуждение об оде вообще*». Выражение просветительских идей в «*Элегии о смерти Петра Великого*».

Поэма «*Тилемахида*» (стихотворное переложение романа Фенелона «*Похождения Телемака*»). Poleмика вокруг перевода В.К. Тредиаковского. Создание В.К. Тредиаковским русского гекзаметра.

Место В.К. Тредиаковского в истории русской литературы XVIII в.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). Мифологизированная биография М.В. Ломоносова. Общественная, научная и просветительская деятельность.

Завершение реформы русского стихосложения М.В. Ломоносовым. «*Письмо о правилах российского стихотворства*». Poleмика с В.К. Тредиаковским по вопросам стихосложения. «*Ода на взятие Хотина*» как пример реформированного русского стиха.

Вклад М.В. Ломоносова в создание национальных норм русского литературного языка. «*Риторика*», ее просветительский характер и практические цели. «*Грамматика*». Трактат «*О пользе книг церковных в российском языке*». Разработка М.В. Ломоносовым «теории трех штилей».

Жанровое и тематическое своеобразие поэзии М.В. Ломоносова. Ода как основной жанр поэзии М.В. Ломоносова. Основопологающие принципы торжественной и духовной оды. «*Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года*»: выражение государственного патриотизма, программный характер оды, своеобразие авторского «я» в оде, язык, стиль. «*Ода, выбранная из Иова*» как вершина духовного жанра в творчестве М.В. Ломоносова.

«*Размышления*» как философствование о мире и человеке. «*Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния*» и «*Утреннее размышление о Божием величестве*».

Перевод оды Горация «*К Мельпомене*»: «*Памятник*» М.В. Ломоносова как начало русской традиции литературного памятника.

Отношение М.В. Ломоносова к «просвещенному абсолютизму». Образ Петра I как идеального монарха в поэзии и публицистике М.В. Ломоносова. Поэма «*Петр Великий*». «*Похвальное слово Петру Великому*».

М.В. Ломоносов-драматург. Исторические источники и характер историзма в трагедиях М.В. Ломоносова. Особенности развития сюжета, композиция, система образов, своеобразие конфликта, поэтика трагедий «*Тамира и Селим*» и «*Демофонт*».

Место и роль М.В. Ломоносова в развитии русского классицизма и русской литературы.

Александр Петрович Сумароков (1717–1777). Жизненный и творческий путь.

Эстетическая доктрина классицизма в эпистолах А.П. Сумарокова. «*Эпистола о русском языке*» и «*Эпистола о стихотворстве*». Структура эпистол, проблематика, характеристика жанра.

Поэзия А.П. Сумарокова. Poleмика с М.В. Ломоносовым по поводу жанра оды: создание иной одической традиции – «более умеренной и рационалистической». Разрушение оды как жанра. «*Вздорная ода*». Любовная лирика А.П. Сумарокова, ее жанровое разнообразие: песни, эклоги, идиллии, элегии. Выход за рамки образно-языковой системы классицистской регламентации в жанре песен. Выражение в песнях целой гаммы человеческих переживаний.

А.П. Сумароков – основоположник русской национальной драматургии. Жанр классицистической трагедии. «*Димитрий Самозванец*» как вершина трагедийного жанра. Подлинно историческая основа сюжета. Проблематика. Своеобразие жанра – первая в России тираноборческая трагедия. Тема народа и образ Москвы. Народ как действующее лицо – важная новаторская особенность тираноборческой трагедии. Насыщенность политическими аллюзиями, публицистическое начало в пьесе: сопоставление в подтексте трагедии «тирана на троне» Димитрия с Екатериной II. Соответствие «Димитрия Самозванца» канонам жанра классицистической трагедии.

Комедии А.П. Сумарокова. Pamфлетный характер ранних комедий («*Трескотиниус*», «*Третьейский суд*», «*Пустая ссора*»). Усиление социального начала в зрелых комедиях («*Опекун*», «*Лихоимец*»), усложнение комедийных характеров. Комедия «*Рогоносец по воображению*». Новаторство драматурга: индивидуализация языка персонажей, введение элементов простонародной речи, поговорок и пословиц, смешение смешного и серьезного в содержании пьесы. Место комедии А.П. Сумарокова в драматургии второй половины XVIII в.

Журналистская деятельность А.П. Сумарокова: статьи по философии, истории, филологии, педагогике.

Место и роль А.П. Сумарокова в развитии русского классицизма и русской литературы XVIII в.

Тема 4. Русская литература 1760–70-х гг. Общая характеристика

Историческая обстановка в России в 1760–70-е гг. Россия первых лет царствования Екатерины II. Политическое и экономическое состояние общества, культурная ситуация. Подъем общественной мысли, зарождение демократических идей, развитие публицистики. Социально-политическая программа и литературное просветительство XVIII в. Ранний (просветительский) реализм.

Журналистика 1769–1774 гг. Общественный подъем, вызванный работой комиссии по составлению нового Уложения. Политика Екатерины II в области литературы. Сатирические журналы: первый сатирический журнал «*Всякая всячина*» (правительственная ориентация); журналы «*Адская почта*» Ф.А. Эмина, «*Смесь*» (споры в литературоведении об издателях журнала), «*И то и сию*» М.Д. Чулкова (прогрессивное направление), полемика между ними.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. Полемика Н.И. Новикова с «улыбательной» сатирой: журнал «*Трутень*» против «*Всякой всячины*»; споры о задачах и о своеобразии сатиры, крестьянский вопрос. Роль журналистской полемики в резком идеологическом размежевании литературных сил, формировании общественного самосознания. Сатирические произведения на страницах «*Трутня*» («*Копии с отписок*»). Журнал «*Живописец*». Задачи журнала и сатирические материалы в нем («*Отрывок путешествия в *** И*** Т****», «*Письма к Фалалею*»). Приемы и цели литературной мистификации в журнале. Журнал «*Кошелек*» – отход от социальной сатиры, борьба с галломанией как основная тема журнала.

Повествовательная проза. Пути развития русской художественной прозы. Первый шаг к профессионализации писательского труда. Первый опыт соотнесения человеческого характера как духовно-интеллектуальной категории с исторической эпохой и социальной средой, в которой он формируется. Жанровое своеобразие: имитация документа, эпистолярный, автобиографические записки, записки о путешествии и т. д. как принципиально важный фактор, определяющий новые эстетические отношения искусства и действительности.

Жанровые модели романа-путешествия и романа-воспитания чувств в творчестве Ф.А. Эмина («*Непостоянная fortuna, или Похождения Мирамонда*», «*Приключения Фемистокла...*»).

Поэтика и жанровое своеобразие романа М.Д. Чулкова «*Пригожая повариха*» – первого бытового нравоописательного романа в России. Роман М.Д. Чулкова «*Пересмешник*»: проблематика и жанровое своеобразие, полемическая направленность против норм классицистической поэтики. Борьба против классицистической иерархии жанров, утверждение новых жанров: рассказа, фельетона, бытового очерка.

Драматургия. Жанр «слезной комедии» в творчестве В.И. Лукина («*Мот, любовью исправленный*»). «Слезная драма» М.М. Хераскова («*Друг не-*

счастных»). Драматургия Екатерины II. Екатерина II как писательница. Жанр комической оперы.

Тема 5. Русская литература 1770–80-х гг. Общая характеристика

Культурно-историческая ситуация 1770–80-х гг. Пугачевское восстание и социальная ситуация 1770-х гг. Крушение идеологии классицизма. Изменения в жизни и иерархии жанров. Появление масонства. «Мистическое» масонство как «спасительная» сила, позволяющая интеллигентам-дворянам закрывать глаза на социальные противоречия. Становление сентиментализма. Поиски человеческой души.

Возникновение жанров-контаминаций, соединяющих признаки высоких и низких жанров. Бурлеск как эстетическая категория литературы. Ироикомиическая поэма как бурлескная разновидность стихотворного эпоса.

Поэзия. Становление поэзии сентиментализма. Опыты Н.А. Львова, М.Н. Муравьева. Стихия «чистой» эмоциональности в песнях Ю.А. Нелединского-Мелецкого.

Сумароковская традиция в одах В. Майкова. Развитие сатирических и пародийных жанров в поэзии. Ироикомиическая поэма В. Майкова *«Елисей, или раздраженный Вакх»*.

«Душенька» И.Ф. Богдановича и развитие «легкой поэзии». Миф и фольклор в сюжете поэмы.

Элементы сентиментализма в лирике М.М. Хераскова. Поэма М.М. Хераскова *«Россиада»*: история и современное в поэме, ее публицистическая направленность, жанровое своеобразие, особенности художественного метода.

Журналистика 1775–1780-х гг. Журнал *«Собеседник любителей русского слова»*. Издатели (Е.Р. Дашкова, О.П. Козодавлев) и авторы журнала: Екатерина II (*«Записки касательно российской истории»*, *«Были и небылицы»*), Г.Р. Державин (оды), Д.И. Фонвизин (*«Опыт русского сословника»*, *«Челобитная российской Минерве от российских писателей»*), И.Ф. Богданович, В.В. Капнист. Общественно-литературная позиция журнала, его место в русской журналистике второй половины XVIII в.

Журнал *«Санкт-Петербургский вестник»*. Направленность, тематика и структура журнала, его место в журналистике XVIII в.

Журналы Н.И. Новикова 1770–1780-х гг. *«Санкт-Петербургские ученые ведомости»* – первый в России критико-библиографический журнал. Журнал *«Утренний свет»* и его нравственно-религиозная и философская направленность, тезис «познай себя», просветительские цели журнала. Опыт журнала для женщин – *«Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета»*.

Организация Н.И. Новиковым типографии, открытие сети книжных лавок в России. Создание Н.И. Новиковым для организации издательского дела «Дружеского ученого общества», а затем «Типографской компании».

Газета «Московские ведомости» и приложение к ней («Прибавление к Московским ведомостям»). Приложение к «Московским ведомостям» «Детское чтение для сердца и разума» как первый русский журнал для детей и юношества. «Городская и деревенская библиотека» и продолжение традиций «Трутня».

Журнал Д.И. Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум».

Тема 6. Творчество Д.И. Фонвизина (1744–1792): Д.И. Фонвизин как завершитель русского Просвещения XVIII в.

Жизнь и творчество писателя. Просветительский реализм в творчестве Д.И. Фонвизина.

Раннее творчество. Стихотворная сатира. «Лисица-кознодей». «Послание к слугам моим...».

Драматургия Д.И. Фонвизина. Новые принципы драматургии Д.И. Фонвизина в социально-бытовой комедии «Бригадир». Комедия как жанр. Функции сатиры. Комедия о нравах русского дворянства. Проблематика. Система образов. Поэтика. Говорение как драматическое действие комедии.

Комедия «Недоросль» как вершинное достижение драматургии XVIII в. Жанровые традиции сатиры и оды в комедии, проблема жанрового своеобразия. Речевая стихия «Недоросля». Каламбурное слово. Проблематика. Особенности конфликта. Система образов. Эстетическое достоинство этически полярных персонажей. Народность комедии и ее общественно-политическое звучание. Значение комедии в истории русской общественной мысли и литературы.

Публицистический характер позднего творчества Д.И. Фонвизина. Кризис просветительской идеологии Д.И. Фонвизина. Выступления на страницах журнала «Собеседник любителей русского слова». Полемика с Екатериной II: «вопросы» Д.И. Фонвизина и «ответы» Екатерины. Попытка издания собственного журнала «Друг честных людей, или Стародум». «Всеобщая придворная грамматика» как образец политической сатиры.

Место и значение Д.И. Фонвизина в истории русской литературы.

Тема 7. Творчество Г.Р. Державина (1743–1816): разрушение жанровой системы классицизма

Жизненный и творческий путь Г.Р. Державина.

Поэзия Г.Р. Державина как «первый шаг перехода от риторики к жизни» (В.Г. Белинский). Эстетические взгляды Г.Р. Державина. Диалог с европейской культурой своего времени.

Раннее творчество. Влияние Н.А. Львова и осознание собственного пути в поэзии. Отказ от попыток подражания поэтическим кумирам. Первые анонимные произведения в журнале «Санкт-Петербургский Вестник»: «Ключ», «На рождение порфирородного отрока», «На смерть кн. Мещерского» (ранняя редакция). Яркие образы природы, словесная живопись («Ключ») как дань немецкой романтической поэзии. Глубина философской мысли: судьба человека и природы в общей концепции жизни мироздания; лиризм индивидуальной человеческой души; сближение со страстной поэзией смерти, с поэзией раннего английского романтизма («На смерть кн. Мещерского»).

Разрушение поэтики классицистической оды. Новаторство Державина-одописца. Ода «Бог»: ломоносовские традиции и идейно-философские переключки с И.Г. Гердером и Э. Юнгом. Человек как «связь миров». Слияние человека с природой, с мирозданием. Ода «Фелица»: соединение похвалы с сатирой. Опосредованный эстетический идеал «государственной личности». Лирическое «Я» и его особенности в оде. Смещение высокого и низкого стилей. Собирательный образ мурзы. Исторические элементы и их роль в поэтике оды. Поэтическое произведение как зеркало мира.

Сатирические, гражданско-обличительные произведения Г.Р. Державина. «Властителям и судиям». «Вельможа».

Победно-патриотические оды Г.Р. Державина. «На взятие Измаила». «На победы в Италии». «На переход Альпийских гор». «Снигирь». Следы Ломоносовской традиции и новаторство в военно-патриотических жанрах Г.Р. Державина. Образ «росса» – русского воинства. Личность Суворова в одах Г.Р. Державина. Гражданственность позиции поэта.

Философская лирика Г.Р. Державина. «На смерть князя Мещерского». «Водопад». «Вечные» темы и их разработка Г.Р. Державиным. Горацианские мотивы.

Творческая история сборника «Анакреонтические песни». Жанровое своеобразие и новаторство державинской анакреонтики. Психологизм державинских анакреонтических песен.

Стремление к изяществу стиля и стиха, к овладению «искусством уловления и выражения мимолетных настроений, мимолетных живых картинок природы, человека, быта» (Г.А. Гуковский). Образ народной пляски в стихотворении «Русские девушки». «Говорящая живопись» в поэзии Г.Р. Державина.

Реалистическое изображение жизни, быта, природы в послании «Евгению. Жизнь Званская». Поэтизация обыкновенного. Эпопея обыденного быта.

Тема творчества и образ поэта в лирике Г.Р. Державина. Традиции и новаторство Г.Р. Державина в разработке темы поэта и поэзии. «Видение мурзы». «Памятник». «Храповицкому». «Мой истукан». «Лебедь».

Значение творчества Г.Р. Державина и его художественного метода в русской литературе.

Тема 8. Литература русского сентиментализма²

Сентиментализм как творческий метод и мироотношение. Этимология понятия. Исторические предпосылки возникновения сентиментализма. Политическая, идеологическая и культурная активность третьего сословия. Тенденция к демократизации социальной структуры общества и демократизации литературы. Философские предпосылки. Кризис рационалистического мировосприятия. Сенсуализм Д. Локка.

Иррациональность и идеалистическая философия предромантизма. Чувствительность, культ нравственных чувств. Природная «естественность» чувства. Культ природы. Сентименталистские представления о сложной и неоднозначной природе эмоции. Высокая эмоциональная культура и жизнь сердца как высшая духовная способность человека. Проявление тонкости и подвижности эмоциональных реакций на окружающую жизнь в сфере частной жизни человека (интимная жизнь души, любовный и семейный быт). Приоритет индивидуального над общественным. Самостоятельная значимость человеческой личности.

Типологический конфликт сентиментализма: характер психологической и нравственной коллизии.

Бурный расцвет прозаических повествовательных жанров (повесть, роман – психологический, семейный, воспитательный). Язык «чувства и сердечного воображения» и формы повествования от первого лица (эпистолярный, дневник, исповедь, записки о путешествии). «Слезный» слог.

Изменение функций пейзажа в литературе сентиментализма. Зарождение «пейзажа души».

Особенности русского сентиментализма. Влияние Э. Юнга, Д. Томсона, С. Ричардсона, Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо и др. на русский сентиментализм. Переводные произведения западноевропейских писателей в 1760-е гг. Влияние европейской сентиментальной прозы на роман Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры», сентиментальной драматургии на пьесы В.И. Лукина и «Бригадир» Д.И. Фонвизина.

Эпоха русского сентиментализма – «век исключительно усердного чтения» (П.Н. Берков). Эстетика восприятия литературы душой и сердцем.

Неоднородность русского сентиментализма. Два типа сентиментализма: радищевский политический радикализм и карамзинский психологизм. Обоснованность деления сентиментализма на два типа сегодня.

Отсутствие законченной эстетической теории русского сентиментализма (в отличие от западноевропейского). Обнаружение сентименталистских принципов и формулирование их в тексте произведения. Герой-автор как личностная модель сентиментального мирозерцания.

² Теоретический материал о сентиментализме оформляется преподавателем как лекция-презентация.

Прочная просветительская основа русского сентиментализма. Принципы «воспитательного романа» и методологические основы европейской педагогики. Чувствительность и чувствительный герой, устремленный не только к раскрытию «внутреннего человека», но и к воспитанию, просвещению общества на новых философских основах.

Интерес русского сентиментализма к проблемам истории. Герой-автор как «сочувственник». Отражение исторических событий в человеческой душе.

Система жанров русского сентиментализма. Повесть как ведущий жанр. «Чувствительные повести» Н.М. Карамзина. Сентименталистская поэзия.

Александр Николаевич Радищев (1749–1802). Мифологизированная биография писателя: «Радищев – первый русский революционер». Творчество А.Н. Радищева как наиболее последовательное и универсальное воплощение связи идеологии с искусством слова. Идеология А.Н. Радищева. Трагедия жизни писателя. Радищевский революционный сентиментализм и реалистические тенденции этого общеевропейского стиля (Г.А. Гуковский).

Начало литературной деятельности. «*Письмо к другу, живущему в Тобольске по долгу звания своего*». Соотношение формы (жанр письма) и содержания (доверительная интонация частного письма и оценка личности Петра и его роли в русской истории, полемика с Ж.-Ж. Руссо).

«*Житие Федора Васильевича Ушакова*». Автобиографизм повествования. Жанровые традиции жития, исповеди, воспитательного романа. Историческая аналогия с французской внутривосточной ситуацией. Евангельская метафора (эпизод с пощечиной) и неизбежность бунта.

«*Путешествие из Петербурга в Москву*». Сложность определения жанра, стилистического состава, композиционных особенностей.

Структура повествования как модель процесса познания. Посвящение как ключ к «Путешествию». Последовательность сенсуалистской концепции познания: ощущение – эмоции – аналитическая мысль. Трехкомпонентная структура повествования «Путешествия»: пластическое очерковое бытописание; субъективно-лирические и патетические фрагменты; аналитические публицистические размышления.

Отношение «Путешествия» к жанровой форме путевых заметок писателей-сентименталистов (Л. Стерн и его «Сентиментальное путешествие»). Художественные возможности формы путешествия. Символический смысл путешествия: «Путешествие» – форма обобщения, типизации многочисленных поездок автора по России, сведений о жизни страны.

Книга А.Н. Радищева как обличительное произведение. Сложность книги в тематическом отношении. Основные темы, проходящие через главы произведения. Особенности композиции. Главы «Путешествия» как самостоятельные художественные системы. Проблематика произведения. Образ народа и проблема крепостничества. Проблемы политического бытия России и образ монар-

ха. Образ путешественника в соотношении с автором. Революционный пафос произведения. Ода «*Вольность*» в тексте «Путешествия».

«Путешествие» как своеобразная энциклопедия. Исторические экскурсы, демографические наблюдения, политические теории, фольклорные записи автора, его замечания и предложения.

Процесс А.Н. Радищева и ссылка в Сибирь. Философский трактат «*О человеке, его смертности и бессмертии*».

Позднее творчество А.Н. Радищева. Психологический этюд «*Дневник одной недели*» как одно из самых загадочных произведений писателя. Проблема датировки произведения. Poleмика с воспитательной концепцией Ж.-Ж. Руссо.

Поэзия А.Н. Радищева. Тематика, выражение авторской позиции и мировосприятия, новаторство.

Значение творчества А.Н. Радищева в русской литературе.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) как основоположник русского сентиментализма. Жизненный и творческий путь Н.М. Карамзина. Дворянин и литератор. Писательство как профессия.

Художественный метод Н.М. Карамзина. Карамзинский консервативный сентиментализм и его романтические тенденции (Г.А. Гуковский). Субъективизм как закон творчества Н.М. Карамзина. Мир искусства как мир мечты. Художественное произведение как вид душевной беседы автора с читателем-другом.

Поэзия Н.М. Карамзина. Родоначальник «чувствительной поэзии», поэзии «сердечного воображения». Жанровое многообразие (элегия, романс, баллада, песня, надпись, эпитафия, эпиграмма, послание, эпистола и др.) и отход от «чистых» жанровых форм. «Высокая простота» как определяющая черта поэзии Н.М. Карамзина. Поэзия, воздействующая на воображение. Пейзажные мотивы как способ проникновения личностного начала в стихотворение и проявления лиризма. «Чувствительный» лирический герой.

Стихотворение «*Поэзия*» как своеобразный литературный манифест Н.М. Карамзина. «*Меланхолия*» как выражение доминирующего чувства эпохи.

Продолжение традиций русской метрики В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова (дактило-хореический размер). «Белый» стих. Новая поэтическая лексика и усовершенствованный поэтический синтаксис.

Проза Н.М. Карамзина. «*Письма русского путешественника*». Реальное путешествие и художественный текст. Особенности жанра записок о путешествии. Европейские истоки жанра (Л. Стерн, Ш. Дюпати, Ж.-Ж. Руссо и др.). Синтез субъективного (эмоционального), объективного (описательного) и рационально-аналитического аспектов повествования. Очерковый, публицистический, художественный аспекты как прообраз романной структуры. Личностный аспект повествования: проблема жизнестроительства и ее реализация в оппозиции «автор – герой».

Сентиментальные повести Н.М. Карамзина. Принципы изображения мира и человека. Классический сентименталистский сюжет в повести «Бедная Лиза». Жизнеподобие конфликта. Образный строй. Манера повествования. Музыкальность. Образ рассказчика (рассказчик как особо значимая категория). Волна подражаний Н.М. Карамзину («Бедная Маша» А. Измайлова; «Обольщенная Генриетта» И. Свечинского; «Даша, деревенская девушка» П. Львова; «Несчастливая Маргарита» неизвестного автора; «Прекрасная Татьяна» В. Измайлова; «История бедной Марьи» Н. Брусилова).

Предромантические тенденции в повестях «Остров Борнгольм» и «Сиерра-Морена».

Эволюция жанра исторической повести. «Наталья, боярская дочь». «Марфа-посадница». Личностный аспект восприятия исторических событий.

Поэтика романного повествования в «Рыцаре нашего времени».

Н.М. Карамзин-историограф. «История государства Российского». Открытие для русского народа его прошлого.

Н.М. Карамзин в истории литературного языка. «Новый слог» Н.М. Карамзина, его роль в литературе XVIII – начала XIX в. Место Н.М. Карамзина в русской литературе.

ПРОГРАММА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Система жанров русской литературы XVIII в.

К данному занятию необходимо составить словарь жанров русской литературы XVIII в. В Материалах к практическим занятиям (тема 1) дана таблица, которую можно взять за основу. Жанры разделены на три колонки: Петровская эпоха, классицизм, сентиментализм. В каждой колонке должно быть не только обозначение жанра, но и его определение, основные черты, примеры.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Общая характеристика жанровой системы русской литературы XVIII в. Тенденция к «размыванию» четких жанровых границ во второй половине XVIII в.
2. Жанровая система литературы Петровской эпохи: определение, основные черты, примеры.
3. Система жанров русского классицизма: определение, основные черты, примеры.
4. Жанры русского сентиментализма: определение, основные черты, примеры.
5. Определение жанровой принадлежности произведений, предложенных преподавателем на практическом занятии, с опорой на словарь жанров, составленный самостоятельно.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/index.html#1>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Минералов, Ю.И. История русской словесности XVIII века: учеб. пособие для вузов рек. МО РФ / Ю.И. Минералов. – М.: Владос, 2003. – 255 с.
4. Панченко, А.М. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века / А.М. Панченко, Г.Н. Моисеева // История русской литературы: в 4 т. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII в. / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, 1980. – С. 408–445.
5. Смирнов, А.А. Литературная теория русского классицизма / А.А. Смирнов. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
6. Кочеткова, Н.Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания / Н.Д. Кочеткова; Рос. АН, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). – СПб.: Наука, 1994. – 279 с.

Тема 2. Человек в литературе Петровского времени

К данному занятию необходимо прочитать «Гисторию о российском матросе Василии Кориотском».

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Жанровое определение повести. Отличие оригинальных повестей петровского времени от повестей конца XVII в.
2. Особенности безавторских гисторий:
 - анонимность и рукописность как черты древнерусской литературы и характерные признаки повестей Петровской эпохи;
 - типологический авантюрный сюжет – признак западноевропейской модели жанра;
 - ориентация на свою историческую современность. Новизна русского общественного быта начала XVIII в;
 - новый тип сознания безымянных авторов.
3. «Гистория о российском матросе Василии Кориотском»:
 - проблема датировки произведения и «приметы времени» в нем;

- содержание и проблематика. Особенности изображения традиционных для отечественной словесности тем (тема воспитания, тема «отцов и детей», тема любви);
 - специфика композиционной структуры:
 - ✓ традиции фольклора, древнерусской литературы, западноевропейских повестей и романов, деловой письменности и их использование в различных частях истории;
 - ✓ двучастность композиции;
 - образ главного героя. Типичная биография молодого дворянина Петровской эпохи:
 - ✓ портрет молодого дворянина Василия Кориотского, решившего пойти на государеву службу. Традиции бытописательной литературы;
 - ✓ приключения героя в Европе. Традиции русских народных былин и разбойничьих сказок и западноевропейской любовно-авантюрной повести;
 - ✓ личные достоинства главного героя как новый критерий ценности человеческой личности;
 - ✓ Василий Кориотский как «герой времени»: гражданин, «удалой добрый молодец», «учтивый кавалер»;
 - любовный сюжет новая эмоциональная культура;
 - главный герой в системе образов.
4. «Гистория о российском матросе Василии Кориотском» в преддверии традиции исторического романа и романа о современности.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/pervtr.html#2>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Панченко, А.М. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века / А.М. Панченко, Г.Н. Моисеева // История русской литературы: в 4 т. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII в. / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, 1980. – С. 408–445.
4. Моисеева, Г.Н. Русские повести первой трети XVIII века / Г.Н. Моисеева. – М.-Л.: Наука, 1965. – 324 с.
5. Бакланова, Н.А. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII–XVIII веков / Н.А. Бакланова // Исследования и мате-

риалы по древнерусской литературе. – Вып. 3. Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.) / отв. ред. А.Н. Робинсон. – М.: Наука, 1971. – С. 160–170.

Тема 3. «Петербургский текст» русской культуры

К данному занятию необходимо законспектировать работу В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы». Занятие строится как ряд докладов, которые студенты готовят заранее.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Понятие «петербургского текста».
2. Основные черты «петербургского текста».
3. Становление «петербургского текста» в русской культуре XVIII в.
4. Семантика памятника Петру Великому Фальконе.

Рекомендуемая литература

1. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров // Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.
2. Топоров, В.Н. О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): фальконецкий памятник Петру I / В.Н. Топоров // Лотмановский сборник. Т. 1 / Тартуский ун-т, каф. русской литературы, каф. семиотики, Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед.; ред.-сост. Е.В. Пермяков. – М.: ОГИ, 1995. – С. 420–462.
3. Проскурина, В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй / В. Проскурина // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 72. – С. 103–132.
4. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Семиотика города и городской культуры: Труды по знаковым системам. Вып. 18 / ред. тома Э.А. Мальц. – Тарту, 1984. – С. 30–46.

Тема 4. Сатиры А.Д. Кантемира

К данному занятию необходимо прочитать две из восьми сатир А.Д. Кантемира («На хулящих учения. К уму своему», сатира I; «О воспитании. Никите Юрьевичу Трубецкому», сатира VII), а также выписать несколько словарных определений сатиры и на их основе выделить главные черты жанра.

Занятие начинается с двух сообщений на темы «Личность А.Д. Кантемира. Его философские и эстетические взгляды» и «История жанра сатиры». При подготовке последнего можно обратиться к книге Г.В. Москвичевой «Русский классицизм» (глава «Стихотворная сатира. Из истории и теории жанра»)³, а также к электронному ресурсу⁴.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Личность А.Д. Кантемира. Его философские и эстетические взгляды.
2. История жанра сатиры. Причины обращения А.Д. Кантемира к сатире. Связь сатир А.Д. Кантемира с ораторским искусством.
3. Два значения термина «сатира»: принцип художественного отражения действительности и особый жанр поэзии. Жанровое определение сатиры. Функция сатиры.
4. Тематика и идейное содержание сатир А.Д. Кантемира:
 - социально-политическая проблематика и особенности типизации;
 - критика пороков общества и личности;
 - русское дворянство в изображении А.Д. Кантемира;
 - тема воспитания;
 - идея служения отечеству.
5. Классификация сатир: «философические» и «живописные».
6. Особенности композиции: зачин, обращения к условному адресату сатирического послания, портреты-обличения, обобщающее заключение.
7. Художественные особенности сатир:
 - особенности названий;
 - диалогизм;
 - обилие риторических приемов;
 - принципы и приемы построения сатирических портретов:
 - ✓ выбор персонажей;
 - ✓ нравоописательные, бытовые элементы;
 - ✓ обобщающе-рационалистическое начало;
 - ✓ «двойной смысл» монологов персонажей как прием выражения авторской оценки;
 - ✓ мера комизма в произведении;
 - ✓ прием самораскрытия персонажей;
 - ✓ «галерея отрицательных типов».
 - авторская позиция и художественные способы ее выражения;
 - язык и стих:

³ См.: Москвичева Г.В. Русский классицизм. М., 1978. 128 с.

⁴ «Сатира». Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html?page=3,0

- ✓ отбор лексики;
- ✓ использование поэтических тропов (метафора, метонимия и др.);
- ✓ афористичность (связь с народно-пословишной традицией);
- ✓ степень индивидуализации речи автора и персонажей;
- ✓ тип стиха, соотношение стихотворного и интонационно-синтаксического строя речи.

8. Самостоятельный анализ выбранных для изучения на занятии сатир⁵.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/kantemir.html>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Москвичева, Г.В. Русский классицизм / Г.В. Москвичева. – М.: Просвещение, 1978. – 128 с.
4. Западов, А.В. Поэты XVIII века. А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. Литературные очерки / А.В. Западов. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 236 с.
5. «Сатира». Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html?page=3,0
6. Стенник, Ю.В. Русская сатира XVIII века / отв. ред. Г.Н. Моисеева, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 360 с.

Тема 5. Жанр оды в творчестве М.В. Ломоносова

К данному занятию необходимо прочитать две оды М.В. Ломоносова («Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»; «Ода, выбранная из Иова»), а также выписать несколько словарных определений оды и на их основе выделить главные черты жанра.

Кроме того, необходимо внимательно изучить работу Ю.Н. Тынянова «Ода как ораторский жанр» и составить план-конспект⁶.

⁵ Сатиры анализируются с учетом жанровой специфики, сатирической направленности, принадлежности к «философическому» или «живописному» типу, тематики, идейного содержания, художественных особенностей.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Жанровое определение оды. Этимология. Разновидности оды. Место оды в системе жанров классицизма.
2. Поэтика торжественной (похвальной) оды и «Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:
 - понятие одического канона (устойчивый метр и устойчивая строфика; единообразие жанра в его структурных и содержательных элементах);
 - ораторская природа торжественной оды;
 - авторская позиция (общенационально-социальное проявление авторской личности); голос автора как голос нации, собирательного россиянина;
 - типологические признаки торжественной оды (прикрепленность тематического материала торжественной оды к определенному «случаю»; тяготение к идеальным бытийным сферам и др.);
 - «высокая» тематика; политические и социальные идеалы М.В. Ломоносова; образ просвещенного монарха; темы родины, науки, национальных талантов. Программность содержания оды;
 - композиция (обращение к адресату; система риторических вопросов и ответов; трехчастность: формулировка тезиса, доказательство в системе последовательно сменяющихся аргументов, вывод, повторяющий начальную формулировку; «одический порыв» или «сближение далековатых идей»);
 - последовательность развертывания одического сюжета, обусловленная законами формальной логики;
 - особенности словоупотребления (оторванность одического слова от вещно-предметного бытового мирообраза; ассоциативно-поэтический принцип номинации); художественная образность,
 - соотношение риторического и лирического начал;
 - приемы создания художественного образа героя (Петр I, Елизавета Петровна). Идеализация, гиперболизм, роль мифологических образов;
 - образ России; природа, угол зрения в ее изображении.
3. Поэтика духовной оды и «Ода, выбранная из Иова»:
 - духовная ода как лирический жанр;
 - авторская позиция и формами ее проявления (индивидуально-частная, личная авторская эмоция);
 - духовная ода как форма выражения высокой лирической страсти;

⁶ См.: Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252. + Электр. ресурс. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/T77-227-.htm>

- понятийно-абстрактная, нематериально-символическая образность;
- духовные оды как стихотворные переложения псалмов;
- принципы отбора псалмодических текстов;
- эмоциональный характер взаимоотношений человека и властителя.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/lomon.html>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Александрова, И.Б. Поэтическая речь XVIII века: учеб. пособие / И.Б. Александрова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 368 с
4. Тынянов, Ю.Н. Ода как ораторский жанр / Ю.Н. Тынянов // Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов; отв. ред. В.А. Каверин, А.С. Мясников. – М.: Наука, 1977. – С. 227–252. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/T77-227-.htm>
5. Серман, И.З. Поэтический стиль Ломоносова / отв. ред. П.Н. Берков. – М.-Л.: Наука, 1966. – 260 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/critics/ling/sps/sps-001-.htm>
6. Лотман, Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 29–39.
7. Луцевич, Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии / Л.Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 607 с.

Тема 6. Русская трагедия XVIII в. «Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова

К данному занятию необходимо прочитать трагедию А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», а также выписать несколько словарных определений трагедии и на их основе выделить главные черты жанра.

Занятие начинается с доклада на тему «Трагедия как “высокий” жанр классицизма. А.П. Сумароков о целях и специфике трагедии. Роль А.П. Сумарокова в становлении театрального искусства в России».

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Трагедия как «высокий» жанр классицизма. А.П. Сумароков о целях и специфике трагедии. Роль А.П. Сумарокова в становлении театрального искусства в России.
2. Особенности художественного воплощения этико-эстетических представлений А.П. Сумарокова в трагедии «Димитрий Самозванец»:
 - два типа трагедий А.П. Сумарокова: политические и морально-психологические. Политический характер трагедии «Димитрий Самозванец»;
 - проявление философской, этической, эстетической, социальной и политической основ классицизма в трагедии;
 - основной конфликт в пьесе и особенности его решения;
 - идейно-художественная функция обращения драматурга к национальной истории. История и современность в трагедии А.П. Сумарокова;
 - сюжет и композиция. Основные сюжетные линии в пьесе и их взаимодействие. Роль любовной коллизии. Художественная роль «правила трех единств» в пьесе;
 - образ главного героя и система персонажей:
 - ✓ принципы построения характеров в трагедии А.П. Сумарокова. Своеобразие положения главного героя в системе образов произведения. Основные приемы создания образа Самозванца (статичность, отсутствие психологической разработки; прием изображения одной доминанты личности героя – злодейства; формы разоблачения героя: отношение к религии, народу, семье, «злодейское» понимание чувства; смерть героя как средство возмездия и осуждения);
 - ✓ честь как мерило поведения героев. Противопоставление страстям как стихийным и разрушительным силам;
 - ✓ деление персонажей на две категории: герои, руководствующиеся страстями, и герои, приобщившиеся к разуму;
 - ✓ подчинение страстей разуму как путь к идеалу праведного монарха. Трагедия Димитрия Самозванца: тиран, противостоящий закону. Проблема страсти в пьесе;
 - ✓ концепция зла в произведении. «Царь» и «истина» в представлении героев трагедии.
3. Творческое задание. Доклад на тему «Высмеивание штампов трагедии классицизма в шутотрагедии И.А Крылова “Трумф”».

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/sumarokov.html>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Гуковский, Г.А. О сумароковской трагедии / Г.А. Гуковский // Гуковский, Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / общ. ред. В.М. Живова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 214–229.
4. Стенник, Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма / Ю.В. Стенник. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 174 с.
5. Стенник, Ю.В. О художественной структуре трагедий А.П. Сумарокова / Ю.В. Стенник // XVIII век: сб. ст. / отв. ред. А.С. Орлов. – Сб. 5. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 273–294.
6. Бочкарев, В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. / В.А. Бочкарев. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

Тема 7. Русская комедия XVIII в. «Недоросль» Д.И. Фонвизина

К данному занятию необходимо прочитать комедию Д.И. Фонвизина «Недоросль», а также выписать несколько словарных определений комедии и на их основе выделить главные черты жанра.

Занятие начинается с доклада на тему «Комедия как “низкий” жанр классицизма. Д.И. Фонвизин о сущности сатиры».

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Комедия как «низкий» жанр классицизма. Д.И. Фонвизин о сущности сатиры.
2. «Недоросль» Д.И. Фонвизина как социально-политическая комедия:
 - жанровые традиции сатиры и оды в комедии. Элементы любовной, воспитательной, бытовой комедии в произведении;
 - основной конфликт в пьесе и особенности его решения;
 - многотемность пьесы. Нравственно-философская, политическая, социальная проблематика. Проблема воспитания;
 - особенности развития сюжета в пьесе:
 - ✓ основные сюжетные линии и их роль в общем идейном замысле комедии;
 - ✓ причины ослабленности любовной коллизии;
 - ✓ «правило трех единств» и способы создания широкой картины действительности;
 - система персонажей:

- ✓ социальная обусловленность системы образов пьесы;
 - ✓ принципы топологии героев (этический, социальный, сценический и др.);
 - ✓ художественная симметрия в системе действующих лиц, в построении отдельных сцен;
 - ✓ «говорящие» имена как один из способов создания персонажа;
 - ✓ роль второстепенных персонажей в комедии;
 - ✓ каламбурное слово и его функции в комедии. Характеристика речи героев;
- Стародум – идейный антипод Простаковой. Их отношение к просвещению, воспитанию, государственной службе, частной собственности, самодержавию, окружающим.
3. Проблема художественного метода Д.И. Фонвизина. Пути преодоления классицистической традиции. Споры о характере реализма в «Недоросле». Реалистические тенденции в пьесе. Значение комедии для становления реализма в русской литературе.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/fonv.html>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Лебедева, О.Б. Русская высокая комедия XVIII века. Генезис и поэтика жанра / О.Б. Лебедева. – Томск: Изд-во Томского университета, 1996. – 356 с.
4. Рассадин, С.Б. Сатиры смелый властелин / С.Б. Рассадин. – М.: Книга, 1985. – 264 с.
5. Стенник, Ю.В. Русская сатира XVIII века / отв. ред. Г.Н. Моисеева, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 360 с.
6. Макогоненко, Г.П. От Фонвизина до Пушкина: Из истории русского реализма / Г.П. Макогоненко. – М.: Художественная литература, 1969. – 511 с.

Тема 8. Синтез оды и сатиры в «Фелице» Г.Р. Державина

К данному занятию необходимо вспомнить жанровое определение оды и основные черты одной из ее разновидностей – торжественной оды.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Жанровый канон оды и его преодоление в русской поэзии XVIII в. Новое понимание специфики и задач жанра оды. Г.Р. Державин об одическом жанре и своем «особом пути».
2. Автобиографическая основа одического творчества Г.Р. Державина. Поэзия Г.Р. Державина как «воссоздание в художественном слове личности самого поэта, его неповторимой, конкретной индивидуальности» (Г.А. Гуковский).
3. Особенности торжественной оды в «Фелице»:
 - «высокая» – «Екатерининская» – тема;
 - трехчастная композиция;
 - одический размер. Строфика. Рифмовка;
 - идеальные черты монархини. Образ просвещенного монарха.
4. Особенности, разрушающие одический канон:
 - образ автора в оде «Фелица». «Раздвоение» автора; несовпадение автора и мурзы. «Чужая точка зрения»;
 - перераспределение акцентов: в центре внимания жизнь порочного «мурзы»;
 - введение бытового материала;
 - разрушение стилевого единства оды: хвалебные и шутливо-иронические интонации в оде; соединение высокой лексики с простой, сниженной;
 - опосредованное изображение Екатерины II. «Киргиз-Кайсацкая царица» как частное лицо в повседневной жизни и как правительница;
 - изображение героев, наделенных индивидуальными чертами; намеки на известных лиц (Потемкин, Нарышкин, Вяземский, Орлов);
 - порочный «мурза» как собирательный образ екатерининских вельмож и образ поэта (лирическое «я»). Прием саморазоблачительной характеристики порока;
 - включение образов «Сказки о царевиче Хлоре» как возможность пользоваться шуткой, остроумными намеками;
 - отсутствие ораторской природы.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/derzh.html>

2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Просцевичус, В.Э. «...Но всякий человек есть ложь» (Об отношениях «автор – адресат» в оде Г.Р. Державина «Фелица») / В.Э. Просцевичус // XVIII век: Язык, жанр, стих: сб. ст. – Донецк, 1996. – С. 57–63.
4. Западов, В.А. Державин и поэтика русского классицизма / В.А. Западов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и жанр: Межвузовский сб. научных трудов / ЛГПИ им. А.И. Герцена; отв. ред. В.А. Западов. – Л.: ЛГПИ, 1985. – С. 45–61.
5. Аверинцев, С.С. Поэзия Державина / С.С. Аверинцев // Аверинцев, С.С. Поэты / С.С. Аверинцев. – М: Языки русской культуры, 1996. – С. 121–137.

Тема 9. Эстетика и поэтика сентиментализма в повестях Н.М. Карамзина

К данному занятию необходимо прочитать повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и «Остров Борнгольм».

На занятии студенты делятся на три группы. Первая группа анализирует повесть «Бедная Лиза», вторая – «Остров Борнгольм», третья готовит выступление по обеим повестям на тему «Эмоциональный колорит повествования в повестях Н.М. Карамзина. Типология пейзажных зарисовок. Сентиментальный и предромантический пейзаж, его функции. Основные приемы изображения природы». Выступления групп сопровождаются обсуждением в аудитории и вопросами по теме.

Перечень вопросов, заданий, выносимых на практическое занятие

1. Причины появления и быстрого развития сентиментальной повести в русской литературе.
2. Этико-эстетическая программа Н.М. Карамзина. Роль искусства в развитии души и зарождении внутренней потребности к добру. Свобода искусства от нравоучения.
3. Поэтика повести «Бедная Лиза»:
 - классический сентименталистский сюжет о любви представителей разных сословий. Жизненная достоверность сюжета;
 - социальный конфликт. Тема неравной любви. Гибель героини как наиболее жизнеподобное разрешение конфликта;
 - образный строй повести. Три центральных образа повести – автор-рассказчик, бедная Лиза и Эраст. Сентименталистская концепция личности. Объединяющее героев начало: внесословные нравственные достоинства, чувствительность, сложность. Доминанта в каждом из героев: автор-рассказчик как основной носитель категории чувствительности; Лиза и идея внесословной цен-

ности человеческой личности; Эраст как воплощение сложности и противоречивости человеческой натуры;

- образ автора-рассказчика как своеобразный эстетический центр всей повествовательной структуры, к которому стягиваются все ее смысловые и формальные уровни. Автор-рассказчик как единственный посредник между читателем и жизнью героев, воплощенной его словом. Автор-рассказчик как основной генератор эмоционального тона повести, создаваемого авторским переживанием судеб героев как своей собственной, и проводник, по которому эмоция передается читателю;
 - музыкальность композиции;
 - погруженность истории любви Лизы и Эраста в картину жизни природы. Функции пейзажа.
4. Повесть «Остров Борнгольм» как образец русского предромантизма:
- сюжет «тайны» в повести. Сюжетные линии и характер их взаимодействия в произведении. Структура конфликта. Идея противостояния личности обществу;
 - «разорванная» композиция;
 - система образов. Образ повествователя. Антитеза «свобода – мораль» как источник нравственных противоречий героев. Мотив «заблуждения сердца». Сердце и разум как основа нравственных законов. Роль пейзажа в сюжете и характеристике повествователя;
 - предромантические мотивы двоемирия, мировой скорби, тайны, роковой любви.
5. Эмоциональный колорит повествования в повестях Н.М. Карамзина. Типология пейзажных зарисовок. Сентиментальный и предромантический пейзаж, его функции. Основные приемы изображения природы.

Рекомендуемая литература

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/karamzin.html>
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Кулакова, Л.И. Эстетические взгляды Карамзина / Л.И. Кулакова // Кулакова, Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века / Л.И. Кулакова. – Л.: Просвещение, 1968. – С. 206–234.

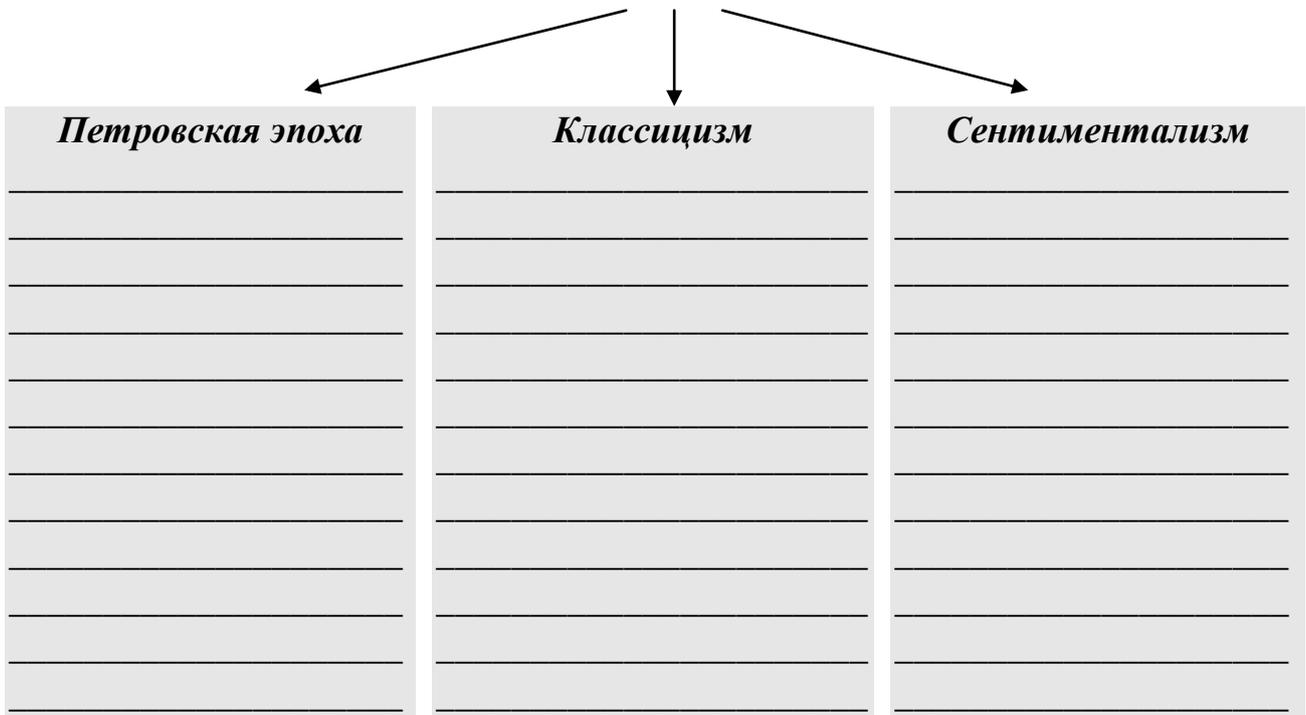
4. Иванов, М.В. Поэтика русской сентиментальной повести / М.В. Иванов // Русская литература. – 1975. – № 1. – С. 115–121.
5. Топоров, В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения / В.Н. Топоров. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – 512 с.
6. Казарин, В.П. Художественная символика повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» / В.П. Казарин // Вопросы русской литературы. – Вып. 2 (44). – Львов, 1984. – С. 65–71.
7. Вацуρο, В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» / В.Э. Вацуро // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX в. / под ред. П.Н. Беркова, Г.П. Макогоненко, И.З. Сермана. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 190–209. + Электр. ресурс. – Режим доступа: http://www.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/08_tom_XVIII/Vacuro/Vacuro.pdf

РАЗДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

В данном разделе представлены задания, художественные произведения, необходимые для проведения практических занятий.

Тема 1. Система жанров русской литературы XVIII в.

Русская литература XVIII в.

Тема 2. Человек в литературе Петровского времени

Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли

В Российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотской. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна. А оный дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи. Во едино же время оный его сын рече отцу своему:

– Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительского благословления, изволь меня отпустить в службу, – то мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления.

Выслушав же отец и даде ему благословление, отпусая от себя. Василий же, взяв от отца своего благословление, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И отослали его на корабль по определению; на корабле призываше его по обыкновению матросскому зело нелестно и прочих всех матросов; в науках пребываше и у всех персон знатных в услужении полюбился, которого все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за

его науку и услугу, понеже [потому что] он знал в науках матросских вельми остро, по морям, где острова, и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздуха. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младших матросов за моря в Голландию, для наук арифметических и разных языков; токмо оного Василия в старшие не командировали с младшими матросами, но оставлен бысть в Кранштате; но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матросами послать за моря в Голландию для лучшего познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Голландию с младшими матросами.

По отбытии из Кранштата, по некоторых днях прошедших, прибыли в Голландию матросы на кораблях и с ними Василий Кориотской. В Голландии учинили им квартиры, и поставлены были все младшие матросы по домам купецким, а ему, Василию, за его услуги и за старшинство – к знатному и богатому гостю в дом поставили равно со штатами. И оный матрос Василий у гостя стоял вельми смиренно и слушал его во всем. И оный голландский гость [купец] усмотрел его в послушании и в науках зело остра и зело возлюбил и послал его на своих кораблях с товарами в Англию, которому лучше всех своих приказчиков стал верить и во всем ему приказывал и деньги и товары ему вручил.

И как в Англию с кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявля все и спровад и принадлежащих в Голландию товаров на корабль взял и поехал обратно, – в которой он, Василий, посылке великий прибыток гостю голландскому присовокупил, також и накупи [покупки] всякие восприял и знатен был в Англии и в Голландии. К отцу своему в Россию чрез вексель послал четыре тысячи ефимков золотых двурублевых, которые отец его и получил и писал к нему, чтоб он к нему приехал повидаться ко отцу своему и благословление принять.

А как урочный термин [срок] пришел, чтоб ученикам матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали, а Василия Кориотского оный гость нача просити, чтоб в Россию не ездил, понеже он, гость, его, Василия, возлюбил, яко сына родного. Но токмо он, Василий Кориотской, нача от гостя проситися в дом ко отцу для свидания и объявил ему, что отец его в великой находится в древности; то он, гость, его приятно увещевал, дабы от него не отлучился, и обещался во всем, яко родного сына, наследником учинить. И рече оный гость:

– Любезнейший мой российский матрос, нареченный мой сын, изволь хотя еще чрез вексель послать ко отцу своему от имени моего, токмо ты, мой дражайший, не отлучался от меня.

Слышав же он, Василий, от него зело прослезился и любезно просился, чтоб его ко отцу в Россию отпустил взять благословление, и обещался к нему обратно быть. Видев же гость непреклонную его просьбу и просил его, чтоб он

во Францию с товарами и когда возвратится, то обещал его в дом отпустить, – по которому прошению он, Василий, не ослушался одного гостя, взяв корабли и убрався с товары, и отыде во Францию, и во Франции был два года, и спродав товар, возвратился в Голландию, и учинил одному гостю великий прибыток в хождении своем, что оный гость никогда такого прибытка не видал и сердечно его возлюбил.

Но токмо он, Василий, нача еже с прилежанием в Россию к отцу своему проситься, и видев гость его несклонную просьбу и по желанию его уволил ему ехать в Россию, и даде ему оный гость три корабля с разными товарами и суммы своей денежной казны довольно и просил его, чтоб, быв у отца своего, к нему возвратился, и отпустил его с великою печалью. И оный матрос Василий Кориотской, приняв корабли и работников-матросов и подняв парусы, побежали к Российской Европии. И по отбытии на кораблях оный Василий взял тысячу червонцев и зашил в кафтан свой в клинья тайно, чтоб никто не знал, для всякой приключаящейся между...¹ И минувших семи днех, как корабли из Голландии поплыли, восста время и неукротимая буря, яко всему морю возлятися, с песком смутитися; и корабли все врознь разбишася. И на котором кораблю был Василий, и оный корабль волнами разбит, и люди все утопоша. Токмо божию помощью единого Василия на доске корабельной прибило к некоему великому острову. И от великого ужаса пав на землю, яко мертв; а как волны утишилися, два корабля, видевшие, что корабль, на котором был Василий, разбиен был весь, и чаяли, что и Василий утопоша в волнах морских, возвратишася назад в Голландию и поведаша гостю о приключившемся несчастьи. Слышав же, гость вельми нача плаката и тужить не о кораблях и не о товаре, но о Василии Кориотском.

И как он, Василий, от великого ужаса, лежа на острове, очнулся и взыде на остров и велие благодарение воздав богу, что его бог вынес на сухое место живого: «Слава тебе, господи более, небесный царю и человеколюбче, яко не остави мя грешного за грехи моя погубити, в водах морских погрызнутися!».

Потом стоящу ему на острове, много мысляще и осматривающе семо и овамо [*туда и сюда*], в которые страны принесло и какой остров; токмо хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великий непроходимый лес и великие трясины и болота, что от моря никуды и проходу нет; а уже ему есть зело хотелось, и хотя у него червонцы были зашиты в клиньях в кафтане, токмо негде и не у кого было купить, и помощи ему в них никакой не было. И ходи по берегу на многие часы, усмотрел, как бы ему куда пройтить к жилищу, и, ходя, нашел маленькую тропку в лес, яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та стежка: ежели пойти, то зайти неведомо куда; и потом размышлял на долг час и, положась на волю божию, пошел тою стежкою в темный лес, тридцать верст, к великому буераку.

¹ В рукописи пропуск.

Виде великий, огромный двор, поприща [*старинная мера длины, около 40 км.*] на три, весь кругом стоящим тыном огорожен. И подошел ко двору близко к воротам, – те ворота крепко заперты; и хотел посмотреть на двор, токмо скважины не нашел, и страхом обдержим, и убоился. Помышлял потом, что конечно зашел к разбойникам, и думал, как сказать: ежели добрым человеком, то убьют; ежели сказать разбойником, то в разбоях не бывал. А в том дворе великий шум и крик, и в разные игры играют. И вздумал сказать разбойником и нача у ворот крепко толкаться; то оные услышали, вскорости ворота отворяли и спроша его: что за человек и откуда. Видев же Василий, что разбойники и множество их народа стояще и играюще в разные игры и музыки пьяных, то ответствовал им Василий:

– Аз есмь сего острова разбойник, един разбивал плавающих по морю.

И оные разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаман же, видев его молодца удалого и остра умом и зрачна, лицом прекрасна и осанкою добра зело, нача его вопрошати:

– Чего ради пришел к нам?

Василий же рече, яко:

– Единому мне жити скушно, и слышав вас, в сем острове живущих и весело играющих, того ради к вам приидох. И прошу, чтоб вы меня в товарищи приняли.

И атаман приняв его и определил к разбойникам в товарищи.

Минувшу же дни поутру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил:

– Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкие с товары.

Слышав то, атаман закричал:

– Во фронт!

То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фронт. Токмо российский матрос Василий един стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша [*сказали*] атаману:

– Что наш новоприемный товарищ стоит без ружья и не в нашем фронте; извольте приказать оружия выдать.

И атаман вскоре повеле ему оружия выдать и во фронт встать. И оный матрос хотя того не желал, но токмо чрез боязнь взял оружия и стал во фронт. И при командировании стал Василий просить атамана:

– Господин атаман и вы все, молодцы товарищи, прошу вас, пожалуйста увольте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль принести.

То слышав, атаман и все разбойники реша:

– Отпустим его одного и посмотрим прибыли от него.

И по командировке разбойники поехали на три партии, а Василия единого отпустили. Тогда матрос Василий пошел на морскую пристань и не желаше

разбивать, но токмо смотрел того, как бы ему путь сыскать; и пришел на берег моря, взираше семо и овамо, не идут ли паки суда, чтоб ему уехать. И смотрев, ходя по берегу весь день, токмо никого не видал и в великую печаль впаде, нача горько плакати и рыдати, господа бога на помощь призывати, чтоб его господь вынес из рук разбойнических; и в том размышлении и великой печали уснул крепким сном на берегу моря. И сном крепким спал, что уже ночь; и нача думати – с чем ему показаться, что добычи никакой не получил. И вспомнив, что у него в кафтане в клиньях зашиты червонцы, и распоров, вынул сто червонцев и завязал в платок шелковый; и пришел ко атаману и предложил пред него червонцы и сказал, что «некоторые люди в малом суднеплыли и только у них было, которые вам предъявляю». Видев же атаман и все разбойники зело тому начаша дивитися и все же его хвалили. И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которые его добычи как атаман и вси разбойники зело дивились, что счастлив.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о российском матросе, чтоб его поставить во атаманы, понеже видеv его молодца удалого и остра умом. И придоша вси ко атаману к старому и начаша ему говорить:

– Господин наш атаман, изволь свое старшинство сдать новоприемному нашему товарищу понеже твое управление к нам худо; изволь с нами быть в рядовых, и которая наша казна, извольте с рук сдать.

Тогда атаман им отвечал:

– Братцы-молодцы, буди по воле вашей.

И вси единогласно российскому матросу Василию реша:

– Буди нам ты атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать.

Тогда отвеча им Василий:

– Братцы-молодцы, пожалуйста оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал; рад бы с вами в товарищах быть, а атаманского управления не знаю.

И нача пред ними горько плаката; разбойники же, видеvше его зело плачуща, вси, яко люты звери, единогласно закричали:

– Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебя изрубим в пирожные части.

Видев же Василий зело убояшася, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им:

– Буди по воле вашей; токмо прошу вас: будете во всем мне послушны.

Тогда вси единогласно реша:

– Господин наш атаман, во всем слушать будем.

И старый атаман отдаде ему ключи и поведе его по погребам. Видев же Василий казны многое множество, злата, и серебра, и драгих камениев, и всяких драгих парчей, яко умом человеческим невозможно описать все суммы; и оную всю сумму принял, и ключи Василию разбойники отдали и стали его поздравлять:

– Здравствуй, наш господин атаман, на многие лета!

И нача пити и веселитися про его здравие и во всякие игры играть. Потом реша ему:

– Господин атаман, изволь с нами идти до некоторого чулана.

И как к тому чулану приидоша и ключи ему даша от него, точию [точно] реша ему:

– Господин атаман, изволь ключи принять, а без нас во оный чулан не ходить; а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быть.

Видев же Василий оный чулан устроен зело изрядными красками и златом украшен, и окна сделаны вверху оногo чулана, и рече им:

– Братцы-молодцы, извольте верить, что без вас ходить не буду, и в том даю свой пороль.

И в то время прибежал от моря есаул, и разбойники сказали ему, что «у нас атаман новый». И он, подошед к нему, отдал поклон и стал его поздравлять и говорить ему:

– Господин атаман, изволь сего часу отправлять всех молодцов на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкие из Ландона плывут.

Тогда новый атаман Василий крикнул великим гласом:

– Молодцы удалые, во фронт!

И вси разбойники – единым оком мгнуть – все во фронт стали, и Василий нарочно пред ними, якобы что знает волшебное, взяв два замка большие, привязал к ногам своим и около всех разбойников обежал, заговаривая им оружие, нога об ногу замками постукал и, обшел их, поклонился и выставил бочку вина, всем по ковшу поднес. Тогда вси разбойники между собою реша:

– Хорош, братцы, наш атаман новый, лучше старого; мы сами видим и знаем, что замками крепко заговаривает, и для бодрости по чарке вина поднес; а старый атаман был дурак; как и был в атаманах, заговоров не знал и во отпусках нам никогда вина пить не давал.

И весьма во отпуске им полюбился. И поехали на добычу в смелости и в надежде его заговору замками страсти никакой не возымели.

И как спустя их на добычу, думал сам: что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели, хотя ключ у него. И на долг час размыслил и осмелился отпереть чулан и дверь отворить и виде девицу зело прекрасну, в златом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно. И как увиде Василий, паде от ее лепоты на землю, яко Лодвик [герой лубочной «Повести о Лодвике»] королевич рахлинский, токмо не так, как Лодвик, себя отягчил любовью сильной и в болезнь впаде. Сей Василий, встав на коленки, рече:

– Государыня, прекрасная девица, королевна, ты роду какого и како сими разбойниками взята?

И отвеща девица:

– Изволь, милостивый государь, слушать, я тебе донесу. Аз есмь роду королевского, дочь великого короля Флоренского, а имя мое Ираклия; токмо единая была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли морем в наше государство из Европии кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шлюпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлюпках от кораблей поплыли, то оные разбойники набежали в буерах [*небольшая парусная лодка*] и всех гребцов у нас побили и девиц в море побросали, меня едину в сей остров уведоша и держат по сие время, – что между ими великая распря: тот хочет взять себе, а другой не дает; и за тем спором хотят меня изрубить. И я пред ними горько плакати... – И стала его вопрошати: – Молю тя, мой государь, ваша фамилия како, сюда зайде из которого государства, понеже я у них, разбойников, до сего часу вас не видала и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некоторого кавалера.

Тогда Василий нача ей о себе сказывать, исповедать:

– Государыня королевна, что я Российской Европии, послан для наук в Голландию и так был почтен от голландского купца, от которого ходил с товарами в Англию и Францию на кораблях, и оттуда возвратился и великие ему учинил прибитки, почтен был вместо сына родного; потом просился я у одного гостя в дом к отцу своему, по некоторому прощению был уволен, и дано мне было три корабля с товарами, и чтоб быв у отца, возвратился назад в Голландию. И по отбытии из Голландии семь дней на море были благополучно, а потом заста великая буря и корабли все разбила, меня единого в сей остров на доске корабельной принесло, в котором разбойников обрел и поставлен от них атаманом, чего не желал. Доношу вам, изволь верить: ежели меня бог вынесет от них, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться им, что я у вас был.

Королевна же, слышав от него, паде на коленки и нача его целовать любовно и просить, чтоб ее он не оставил, как сам пойдет. Василий же клятвою обещался не оставить и запер чулан и отыде в великой печали.

Потом разбойники приехавши с добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому, и вси ему веселым образом отдали поклон и объявили, что его счастием три корабля и семь галер талианских разбили и великую сумму казны получили и товаров. И начаша ясти и пити в великом веселии, что его крепким заговором великие получили прибыли. Потом реша ему:

– Господин наш атаман, изволь приказать на блюда хороших яств положить и ключи возьми от заповедного чулана.

Пришли, и отпер, и видел королевну, и введе к разбойникам, и кушанья велел поставить на уборный стол, а сам плюнул и вон пошел в свой покой. Видев же разбойники, что он на королевну нимало не стал смотреть, и реша к себе:

– Зрите ли, братцы-молодцы, каков наш атаман, что женский пол не хочет смотреть: не как наш прежний атаман – все глаза растерял; и можно верить во всем господину новому нашему атаману.

И с того времени наипаче стали верить, и как он их на добычу ни отпускал, и во отпусках его великие прибитки были. И отпускал их на городки португальские и других земель, и его счастием везде без урону и с великим прибитком приезжали. А как их ни отпустит, то всегда к королевне хаживал, и думали, как бы от них уйти.

В единое же время нача говорить Василий всем разбойникам, чтоб великие суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгие камни сыпать в сумы, и по его приказу множество сум пошили и начаша разбирать все порознь и в сумы сыпать. И как все разобраша, то атаман рече им:

– Братцы-молодцы, приведите мне коня, и я поеду по острову, погуляю.

Они же тотчас приведоша коня к нему и оседлаша драгим убором. Василий же ездил весь день по острову сему, но токмо кругом моря, а сухого пути следу нет. И узрев на одной стороне – пристают рыболовы; он же их спрашивает – что из которого государства.

– А приезжаем сюда для продажи в сем острове живущим разбойникам рыбы.

А того они не ведали, что их атаман. Он же рече им:

– Братцы-молодцы, пребудьте здесь два дня, и я вам дам великую плату; вывезите меня до цесарских *[австрийский]* почтовых буеров.

Они же обещалися подождать.

Потом приехал атаман Василий к разбойникам в великом веселии; они же тотчас у него коня приняли и с честью его приведоша до горницы и начаша все пити и веселитися. И как ночь прошла, то Василий тотчас велел всем собраться во фронт. Как скоро все во фронт собрались, то он нача к ним говорить:

– Братцы-молодцы, вчерашнего числа я видел, на море корабли плывут, семь кораблей с Португалии: извольте за ними гнать, а я признаю, что купецкие.

И они тотчас вси поехали на буерах. Матрос Василий тотчас взял двух коней и собрав роспуски *[вид повозки без кузова]* и наклав сум с златом и серебром и драгими камнями, елико можно было двум коням везти, и пришел к королевне и ее взял с собою. Тотчас поехали к морю, где рыбаки цесарские. И убрався, взяв судно и с королевною, и злато и серебро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребках *[на веслах]* поплыша морем к пристани, от которой пристани к Цесарии почтовые буеры бегают. И в то время разбойники вскоре возвратишася ко двору своему и не обретоша атамана, также и королевны. Тотчас бросишася на море к той пристани, где рыбаки пристают, и увидевше коней и роспуски; тотчас в малых суднах в погоню погнаша, а рыболовы уже морем далеко гребут, что насилу можно в трубку человеку видеть. Разбойники же начаша догонять и великим гласом кричать:

– Стойте, сдайте нам сих людей, а не отдадите, то мы вас живых не пустим.

Рыболовы убояшася и хотели возвратиться к ним. Василий же вынев свою шпагу и пихнул одного в море:

– Аще возвратитесь, то вас всех побью и в море побросаю.

Они уже убояшася и начаша елико мочно вдоль морем угрести, и по их счастью восста покосный ветер, и они подняли маленькие парусы и поплыша, из виду ушли. А у разбойников парусов нет, и тако возвратишася разбойники в великой печали. Потом приплыша рыболовы с российским матросом и с королевною на почтовую пристань. Тогда Василий вышел из судна и все имение выбрав и тем рыболовам дал едину суму злата, и они, рыболовы, той казне вельми были рады и обещались рыбы по морю не ловить и к тому острову разбойническому не ездить. А Василий нанял почтовое судно до Цесарии, в которое убравшись и с королевною Ираклией, и поехали морем до Цесарии. И приехали в Цесарию благополучно, и за наем по договору деньги заплатили.

Приплыша же в Цесарию, нанял некоторый министерский дом зело украшен, за который платил на каждый месяц по пятидесяти червонцев, и в том доме стоял и с королевной в великой славе. И нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым поделал ливреи вельми с богатым убором, что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою; а королевне нанял девиц самых лепообразных тридцать, которых зело украсил. Случися некоторый праздник, что российский матрос, убравшись в драгоценное платье, – великие лучи от него сияют, – также приказал и людям убраться, а карету приказал заложить златокованую и коней добрых, с богатым конским убором, яко во всей Цесарии такового сбора нет ни у кого, и поехал к церкви, в которой будет цесарь сам, и стал в церкви у правого крылоса [*клирос, место в церкви близ алтаря*].

Потом приехал и цесарь к церкви и, вшед в церковь и увидев Василия в богатом убранстве и чая, каков приезжий царевич или король, тотчас призвал к себе каморгера, которому спросить приказал его: что за человек? И он, каморгер, с почтением приступил к российскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человек и которого государства.

– Матрос, а фамилия моя небольшая – Василий Иванов сын Кориотской, а сюда привела меня некоторая нужда быть, – которой выслушал каморгер и цесарю объявил.

И как отслушал церковное пение, то цесарь просил к себе российского матроса. И обещал быть, его величеству поклон отдать. И цесарь поехал во дворец, а Василий остался в церкви для некоторой своей богу должности.

Потом поехал к цесарю во дворец; приехал и принят был от цесаря с великою славою, подобно яко некоего царевича. И как вошли внутрь царских палат, в палату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал российского матроса сажать за стол кушать, Василий же нача с почтением отговариваться:

– Пожалуй, государь великий царь, меня недостойного остави, понеже я ваш раб и недостойно мне с вашею персоною сидеть, а достойно мне пред вашим величеством стоять.

Тогда цесарь рече:

– Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу вас достойна разума, то вам жалую своим сердцем искренним; хотя бы мой который и подданный раб, а я его жалую, велю садиться с собою, и тот меня слушает; а ты, приезжий ко мне гость, извольте садиться.

Тогда российский матрос, поклонясь, рече:

– Буди воля вашего величества. – И сел за стол с цесарем кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и российского матроса спрашивать о его службе и походе. И он, Василий, его цесарскому величеству от начала своего похода и службы подробно объявил: как на кораблях разбило бурю, и как пришел к разбойникам и был атаманом, и как от них увез прекрасную королевну Ираклию Флоренскую, даже до прибытия его в Цесарию все по ряду. Слышав же, цесарь зело дивися российскому матросу:

– Государь мой братец, Василий Иванович, воистину всякой чести достойный! Я вам донесу, что сию королевну Флоренского короля за себя сватал, токмо такое несчастье учинилось, что безвременно пропала; от Флоренского короля адмирал старший послан ее искать по всей Европии, и где сыщут, то за него король обещал отдать оную королевну Ираклию и после себе наследником хочет учинить. И оный адмирал собою не млад. И я вас, мой государь Василий Иванович, иметь буду вместо брата родного, – которого велел во всей Цесарии за родного брата почитать.

И по откушании много было разговоров, и поехал цесарь с российским матросом, названным братом своим, гулять. И российский матрос послал своего раба к прекрасной королевне Ираклии, чтоб убралась хорошенько, понеже цесарь с ним будет. И как тот посланный приехал и объявил ей о приезде цесаревом, и королевна убралась хорошенько и с девицами. И как цесарь с Василием гуляли, то российский матрос Василий нача просить цесаря, чтоб к нему пожаловать на квартиру, и цесарь поехал с ним; и как приехали, и королевна их встретила, и цесарь в палатах долго беседовал и спрашивал королевну, как она увезена от Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самого вечера и поехал во дворец, а ему, матросу Василию, и с королевною велел переехать в свой особый дворец и от своего дворца все напитки и кушанья приказал отпускать и драбантам [*стражникам*] своим на карауле быть, и министрам, и пажам, и каморгерам неотступно быть; а королевне девиц фрейлин определил быть. И поутру российский матрос перебрался во дворец, данный от цесаря, и стал у цесаря в великой славе пребывать: а министрам, и пажам, и каморгерам, и драбантам всем давал великое жалованье; и все его министры возлюбили, паче цесаря почитали, а королевна Ираклия – всем вельми сердцем и говорила, что до законного брака сохранять во всякой девической

чистоте, а кроме его в супружество ни за кого иного не посягать; а ежели кто один из них какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать, и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей клятвою обещался, что хранить девичество ее. Прекрасная же королева Ираклия вельми была горазда играть на арфии и Василия Кориотского такожде выучила, как и сама играет, и говорила ему, что:

– В нашем Флоренском государстве, кроме меня, никто на арфии не играет и не умеет.

И всегда тем цесаря забавляла. И к цесарю во дворец беспрестанно езжали.

Во едино же время российский матрос Василий был у цесаря; в то время из Флоренского государства адмирал к пристани цесарской приехал и великую пальбу учинил из пушек. Тогда цесарь послал каморгера осведомиться, кто прибыл. И каморгер, осведомився, объявил, что адмирал Флоренского государства. Потом цесарь послал его просить к себе и, как адмирал Флоренский во дворец к цесарю прибыл и будучи в палатах, объявил, что: «Ваша королева у меня в Цесарии», – и показал, что: «У брата моего Василия, понеже он ее избавил от разбойников, и ежели вам он ее покажет или отдаст, в том воля его». Адмирал раболепно российского матроса просил, чтоб его государыне показал, и он велел быть на другой день поутру во дворец его. Адмирал поехал на пристань, а российский матрос в свой дворец. Приехавши, объявил прекрасной королеве Ираклии о приезде от отца ее адмирала. То королева слышав зело опечалилась всем сердцем; и просила королева у Василия, чтобы приказал сделать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сделано.

И поутру рано королева убралась в черное платье, и в то время с пристани адмирал приехал во дворец к нему и вшел в палатку к российскому матросу и раболепно поклон отдал, яко своему королю Флоренскому. А прекрасная королева была с девицами в особой палате. Потом адмирал просил российского матроса, чтоб его государыне показал, и Василий взяв его за руку и введе его в ту палату, где сидела прекрасная королева Ираклия. Вшел адмирал к королеве в палату, и королева против его не встала, сидела в великой печали. Адмирал же королеве, как должно своей государыне, поклонился до земли и, подшед, целовал ее руку:

– Государыня наша, великая и прекрасная королева Ираклия, многолетно и благополучно, государыня, здравствуй! О сем вам, государыня, представляю, что ваш батюшка, король Флоренский Евгер, здравствует и матушка такожде благополучно пребывает, токмо уже о вас, государыня, в великих печалех по вся дни сокрушается, а ныне им великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу вас, извольте со мною отправляться.

Слышав же это, королева воздохнув и слезы из очей испусти и рече:

– Благородный адмирал, я вам доношу, что к родителям моим рада ехать, токмо не моя воля, но того, который меня избавил от разбойников.

Тогда рече Василий адмиралу:

– Извольте вы ехать возвратно во Флоренское государство и донести королю своему, что его дочь, прекрасная королева Ираклия, благополучно в Цесарии обретается; и прошу вас все подробно представить, что как мною избавлена она от разбойников; и с вами ее не отпущу, дондеже [*до тех пор, пока*] сам ваш король, а ее родитель, будет в Цесарию.

Понеже слышав же адмирал поехал на пристань в великом сумлений и приказал убраться в поход совсем, а сам к цесарю поехал поклон отдать и объявил, что Василий не отдал ему королевну. И цесарю зело о том весело было, что российский Василий велел Флоренскому королю быть самому в Цесарию. И адмирал отдав цесарю поклон и объявил, что скоро в марш во Флоренцию плыть имеет, и поехал на корабли свои, в великую печаль впаде и думал, как бы ему королевну увезти. И вздумал к себе звать российского матроса на корабль и с королевною и увезти. И поехал во дворец, нача просить:

– Государь мой, Василий Иванович, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрашнего числа ко мне, рабу вашему, со всеми министрами и пажами, такожде, ежели возможно, и с прекрасною королевною Ираклиею на корабли погулять и наших кораблей посмотреть и убранства Флоренского.

И Василий рече ему:

– За вашу просьбу быть готов.

И которые были при адмирале Флоренском, всем Василий давал дары и напитки на корабли посылал. И на другой день поутру рано адмирал вторично просил Василия, и он обещал к нему быть. И нача просить Василий по просьбе адмиральской, звал с собою королевну на корабль. Тогда королева рече ему:

– Государь мой, я опасна того, что сей адмирал вороват, не сделал бы чего над нами; того ради весьма опасуюсь.

И рече Василий:

– Государыня, с нами много будет генералов, и министров, и пажей, и драбантов наших; что нам может сделать?

Королева же рече:

– Будь, государь мой, по воле вашей; я готова с вами хоть и смерть принять, а волю вашу исполнять.

И поехали Василий и королева во дворец к цесарю и о всем ему том объявили. И цесарь рече:

– Братец, изволь ехать и с собою изволь взять моих генералов и министров, также чтоб и драбанты были при нас.

И от цесаря Василий с королевной, с генералы и министры и множеством драбантов как к адмиралу на корабли поехали и как на пристань приехали, тогда адмирал с великою радостью встретил, и приняв Василия и королевну, пошли в корабль. А королева в черном платье была и в великой печали. И как в корабль пришли, тогда адмирал нача всякими напитками пойти жестоко всех генералов, и министров, и пажей, и драбантов; великие бочки вина выставил и

во всякие игры играть приказал. А как все пьяны стали, тогда адмирал вышел из корабля и велел своим офицерам и солдатам, чтоб цесарских генералов и министров с кораблей бросать, и драбантов бить, и подымать паруса, чтоб из Цесарии уйтить. И оный его офицеры приказ приняли и начаша всех с кораблей в море бросать и в цесарские суда пьяных метать. И поднявши парусы, побежали к Российской Европии. И оный адмирал вшел в корабль, нача Василия Кориотского бить по щекам и за власы терзать, и рече адмирал:

– Тебе ли, каналия непотребный, бестия, сею прекрасною королевною Ираклиею владеть?

И бивши его, едва жива оставил и велел своим офицерам, навязавши ядро пушечное, бросить в морскую глубину. Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю его к себе милость, взяв, положили в малую лодку и спустили на море, шляпу его с ядром пушечным с корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили и он в глубину морскую с ядром уйде, только шляпа его наверху плавает. Королевна же, видя сие приключившееся над ним несчастье, паде, обмерла от великой ужести, пала на землю. Адмирал же, приступив к королевне и подняв, дул в уши и лил на перси ее воду, дондеже могла прийти в чувство; и как прииде в память, нача горько плаката. Тогда адмирал вынев из ножен свою шпагу и с пристрастием рече:

– Ежели станешь плакать, сейчас главу твою отсеку.

И приведе ее к присяге, что отцу ее и матери о том своем несчастье не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взял. И она страху ради дала присягу, что по воле его сделать, и от той печали прииде в великую болезнь.

И как цесарю сказали, что такое несчастье учинилось и брата его Василия в море бросили, и весьма печалился о брате своем и распалился сердцем, скоро велел собрать войско четырех тысяч и с войсками послал своего генерала и кавалера Флегонта, с которым писал королю Флоренскому все подробно об его адмирале, как увез прекрасную королевну Ираклию и брата его Василия кинул в море, за которое непотребство при посланном его генерале и кавалере Флегонте велел бы с живого кожу снять и жилы все вытянуть. «А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю».

Василия же в том малом судне принесло к некому малому острову, на который остров вышел, нача горько плакати о своем несчастье, и призвал господа бога на помощь, и с той печали на том острове уснул крепким сном. И в то время приста некий муж, старый рыболов, и виде человека спяща в драгом одеянии и пришед, возбудил его. И виде Василий, паде на ноги его, плача и рыдая. Оный же муж его вопросы о приключившемся, како на сей остров заиде и которого государства. Василий же все ему подробно сказал. Слышав же, оный муж рече:

– Не плачь, брате, молися господу богу, бог все помогает, может тя и помиловать, и будешь в прежней своей славе. Аще хочещи в Цесарию или во Францию, аз тя имам отвезти.

Василий же нача просити, чтоб во Флоренское государство его отвезти, и старый муж, посадив его в свое судно, в три дни во Флоренское государство его поставил. Насилий же велие ему воздаде благодарение и вниде во Флоренское государство. И выпросился у некоторой старухи в богадельню, на которую дрова сек, и воду носил, и плетнем ее хижину оплел. А оная богадельня была на пути близ кирки [*кирха, лютеранская церковь*], в которую король хаживал. И виде король и королеву весьма печальных и спрашивал у старухи, чего ради король и королева в великой печали: она же ему говорит:

– Уже три года и слуху нет – пропала королевна и послан для искания ее адмирал по разным государствам, который еще и поныне не бывал.

Тогда уразуме Василий, что еще его прекрасной королевны Ираклии нет.

По прошествии же трех месяцев, как Василий во Флоренцию приде, прибыл Флоренский адмирал и с прекрасною королевною Ираклиею на пристань и начаша из пушек палить и в барабаны бить и во всякие игры играть. Тогда уведал король Флоренский, что адмирал его дочь, прекрасную королевну Ираклию, привез; тотчас и с королевою своею на пристань поехал и, увидевши дочь свою, от радости нача горька плакати; а королевна с печали насилу вышла и ни о чем не говорит, лицом помрачена. Видевше отец ее и мать начаша горько плакати и говорить:

– Государыня наша, любезная дочь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видом очень печальна?

Она же воздохнув жалостно и нача плакати и рекла:

– Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне я вижу вас, токмо мало порадовалась сердцем своим от печали своей, которая в сердце мое вселилась, не могу отбыть.

И поехавши во дворец король, и королевна весьма была печальна и в черном платье.

Потом адмирал объявил королю:

– Я королевну взял приступом.

И просил адмирал королевского величества, что она обещана отдать в жены, в чем и король свое королевское слово не преминет. И как утро в день наста, к законному браку совсем уготовился и пришед к кирке; а прекрасную королевну повеле убирати в драгоценное платье королевское. И адмирал поехал со всем убранством к кирке.

И король прииде к королевне Ираклии и рече:

– Возлюбленная моя дочь, прекрасная королевна Ираклия! Изволь убираться, время к законному браку.

Слышав же королевна от отца своего горько стала плакати и паде на ноги его и рече:

– Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй не отдавай меня в жену сему адмиралу.

– Чтоб тебя не отдать, я не хочу пороль свой оставить; изволь убираться и ехать до кирки.

И видев королевна, что уже никак у отца не отговориться, залилась слезами и, вздохнувши, рече:

– На что мне убираться, когда у меня единого нет: ежели б у меня едино было, то бы и веселилась.

Слышав же отец ее и мать начаша дивитися и ее вопрошати:

– Повеждь нам, милейшая наша дочь, прекрасная королевна Ираклия.

Королевна же в великой своей печали не отвеща, и поиде во уготованную палату, и вышла, и пала в карету в черном платье. И поехали к кирке и как стали подъезжать близ той богадельни, идеже российский матрос, Василий, взяв арфу, нача жалобную играть и петь арию:

Ах, дражайшая, всего света милейшая, как ты пребываешь,
А своего милейшего друга в свете жива зрети не чаешь!
Вспомяни, драгая, како возмог тебя от морских
разбойнических рук свободити,
А сеи злы губители повеле во глубину морскую меня утопити!
Ах, прекрасный цвет, из очей моих нынче угасаешь,
Меня единого в сей печали во гроб вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь.
Точию сей мой пороль объявляю
И моей дражайшей воспеваю:
Аще и во отечестве своем у матери пребыти,
Прошу верные мои к вам услуги не забыта!

Слышав же королевна играюща на арфе и поюща к ней арию тотчас повеле карете стати и разумела, что ее верный друг Василий жив, повеле спросити: кто играет? Паж прииде и поведе, яко некий кавалер играет. Королевна же из кареты тотчас сама встала и желала видеть, кто играет. И как увидела, что милый ее друг Василий Иванович, и пришед ухвати его, нача горько плаката и во уста целовати. И взяла его за руку и посадила в карету и повеле поворотить и ехать во дворец. Видев же сие министры и начаша зело дивитися, что такое несчастье, всем превеликое подивление. И как приехали во дворец, тогда королевна Василия взяла за руку, повела российского матроса Василия ко отцу своему и матери и рече:

– Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видеть, сие во очию мою ныне явилось!

И нача им подробно о всем предъявлять, како он ее избавил от разбойников, и как сам в Цесарии был назван от цесаря братом родным, и как ее адмирал увез из Цесарии и его бил, в море повеле бросити, и цесарских министров и драбантов били, – «за которое извольте ожидать от цесаря вскоре силы за продержость оногo нашего адмирала». Слышав то король и королева и приидоша в великий ужас; и вси кавалеры стали говорить, чтоб Флоренцы быть не разоренной. Тотчас послал каморгера и велел арестовать адмирала; каморгер арестовал.

Королевна же тогда просия красотою, яко солнце неододежное; черное сняла и в драгоценное платье убралась и бысть в великом веселии.

По прошествии трех дней прибыл из Цесарии генерал цесарский Флегонт с войском цесарским к Флоренскому государству и приказал беспрестанно бить из пушек и в барабаны; а сам генерал Флегонт взяв присланный лист от цесаря и поехал к королю Флоренскому; и как приехал, то объявил королю, чтоб приказал адмирала своего, который был в Цесарии и, брата цесарева Василия зазвав к себе на корабли с генералами и министры цесарскими, великое ученил непотребство, повеле в море побросать и прекрасную королевну увез, которая была избавлена от разбойников оным цесарским братом Василием, – и за оные его адмираловы непотребства чтоб пред войском цесарским учинить тиранственное мучение, с живого кожу снять. Король же Флоренский рече генералу цесарскому Флегонту, что Василий Иванович жив и в его королевстве, и взял его за руку. Видев же Флегонт Василия и королевну, яко своему цесарю, поклон отдал и вельми тому порадовался. Василий же повеле адмирала пред войском цесарским вывести и с живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренский и Василий даша великие дары и всему войску цесарскому жалованье.

И после той казни король Флоренский дочь свою, прекрасную королевну Ираклию, отпусти с Василием к законному браку к кирке. И венчались в той кирке, на котором их законном браке был генерал цесарский Флегонт и все генералы и министры Флоренские. И было великое веселие во всей Флоренцы три недели. И по прошествии трех недель генерала цесарского и с войсками Василий отпустил в Цесарию, писал с великим благодарением и обещался быть сам к цесарю.

И как к цесарю генерал Флегонт приехал и объявил, что Василий Иванович жив и в добром здоровьи обретается и совокупился законным браком и прекрасную королевну Ираклию взял, и подал от него присланный лист, который принял цесарь, в великой радости был, что его брат Василий Иванович жив, в добром здравии обретается. Василий спустя время сам ездил к цесарю, и благодарение цесаря за его прежнюю к себе милость получил, и возвратился во Флоренцию, и поживе в великой славе, и после короля Флоренского был королем Флоренским; и поживе многие лета и с прекрасною королевною Ираклиею и потом скончался.

1703

Источник: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западков. – М.: Просвещение, 1979. – С. 12–22.

Ф. Прокопович

Слово на погребение Всепреспетлейшего Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца всероссийского, отца Отечества, проповеданное в царствующем Санкт-Петербурге, в церкви святых первоверховных апостола Петра и Павла, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, Архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дня

Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямой сый отечества своего отец, которому по его достоинству, добрии российсти сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущего вси надеялися, – противно и желанию и чаянию скончал жизнь и – о лютой нам язвы! – тогда жизнь скончал, когда по трудах, беспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего слеп есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердии своем окаменей есть. Но что нам умножать жалобы и сердоболия, которые утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже если великие его таланты, действия и дела вспомянем, еще вяще утратою толикого добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликого лишился? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковой да бы в тебе могл явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную [имя «Петр» происходит от греческого «камень»] адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же встающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея держа-

вы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимые оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит [*речь идет о правительствующем Сенате*] и под ним главные и частные правительства, от него учрежденные! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасности миролюбных и ко обличению свирепых! Воистину оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаемь, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидимь был.

Се твой, России, Соломон, приемший от господы смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданские, и честные образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутри и отаве, несравненно, от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российской, и Давид и Константин. Его дело – правительство синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликие ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол, гнездящийся в вас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богумудрия и изряднейшего во всем исправления!

Но о многоименитого мужа! Кратким ли словом обьемем бесчисленные его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелях его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а и ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающесе, видим, слышателие, видим, беднии мы и несчастливи, кто нас оставил и кого мы лишились.

Не весьма же, россиане, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тале своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобноправного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, разиоличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил [*Екатерина была коронована 7 мая 1724 г., «наследницей» она была объявлена по смерти Петра (умер 28 января 1725 г.)*]. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь! Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери [*цесаревна Наталья Петровна умерла в шестилетнем возрасте, 4 марта 1725 г. Петр и его дочь были погребены в один день, 8 марта*] и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана сынове российсти, верностью и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси господеву нашему, тако посетившему нас, да яко бог щедрот и отец всякия утехы ее величеству самодержавнейшей государыне нашей и ее дражайшей крови – дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимые слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

1725

Источник: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 53–56.

Тема 3. «Петербургский текст» русской культуры

Для поэтов XVIII в. Петербург предстает как «преславный град», «Северный Рим», «Северная Пальмира». Им чуждо видеть в этом городе трагическое предзнаменование. В каких произведениях XVIII в. раскрывается подобный образ Петербурга?

<i>А.Д. Кантемир</i>	
<i>В.К. Тредиаковский</i>	
<i>М.В. Ломоносов</i>	
<i>А.П. Сумароков</i>	
<i>Г.Р. Державин</i>	
<i>А.Н. Радищев</i>	

Тема 4. Сатиры А.Д. Кантемира

А.Д. Кантемир

Сатира I. На хулящих учение. К уму своему²

- 1 Уме незрелый³, плод недолгой науки!
 Покойся, не понуждай к перу мои руки:
 Не писав летящи дни века проводить
 Можно, и славу достать, хоть творцом⁴ не слыти.
- 5 Ведут к ней нетрудные в наш век⁵ пути многи,
 На которых смелые не запнутя ноги;
 Всех неприятнее тот, что босы проклали
 Девять сестр⁶. Многи на нем силу потеряли,

² Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов, писана в конце 1729 года, в двадцатое лето его возраста. Насмевается он ею невежам и презирателям наук, для чего и надписана была «На хулящих учения». Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу «Гиралдия о богах и стихотворцах». Тому архипастырю следуя, архимандрит Кролик многие в похвалу творцу стихи надписал (которые вместе с Феофановыми в начале книжки приложены), чем он ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир.

³ *Уме незрелый, плод* и проч. Тут наука значит наставление, действие того, кто другого кого учит. Так, в поговорке говорим: Плеть не мука, да впрядь наука.

⁴ *Творцом не слыти*. Творец – то ж, что сочинитель или издатель книги, с латинского – автор.

⁵ *Нетрудные в наш век*. Слова в наш век посмешкою вставлены. Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ея приобретению.

- 10 Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами⁷ саду;
Овцу не прибавит⁸ он к отцовскому стаду.
- 15 Правда, в нашем молодом монархе⁹ надежда
Всходит музам¹⁰ немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин¹¹ славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого¹², и во всем обильно
- 20 Тщится множить жителей парнасских¹³ он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
- «Расколы и ереси¹⁴ науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
- 25 Приходит в безбожие¹⁵, кто над книгой тает, –
Критон¹⁶ с четками в руках ворчит и вздыхает,

⁶ *Всех неприятнее тот, что босы проклали девять сестр.* Всего труднее славы добиться чрез науки. Девять сестр – музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. Имена их: Клио, Урания, Евтерпе, Ератон, Фалия, Мелпомене, Терпсихоре, Каллиопе и Полимния. Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют. Босы, сиречь убогие, для того, что редко ученые люди богаты.

⁷ *Расцвеченна мраморами саду.* Украшенного статуями или столбами и другими зданиями мраморными.

⁸ *Овцу не прибавит.* Человек чрез науки не разбогатеет; каков от отца ему оставлен доход, таков останется, ничего к нему не прибавит.

⁹ *В нашем молодом монархе.* О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден быв 12 октября 1715 года.

¹⁰ *Музам.* Смотри примечание под стихом 7.

¹¹ *Аполлин.* Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан.

¹² *Чтяща свою свиту видел его самого.* В Аполлиновой свите находятся музы. Петр II собою показал образ почитания наук, понеже сам, пока не был обременен правлением государства, обучался приличным такой высочайшей особе наукам. Прежде восшествия на престол его величество имел учителя Зейкана, родом венгерца; а потом, в 1727 году, взят для наставления его величества Христиан Гольдбах, Санктпетербургской Академии наук секретарь. По прибытии своем в Москву его величество изволил подтвердить привилегии Академии наук, учредив порядочные и постоянные доходы профессорам и прочим служителям того училища.

¹³ *Жителей парнасских.* Парнас есть гора в Фоиде, провинции греческой, посвященна музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жителями называются. Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей.

¹⁴ *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти все ересей начальники были ученые люди, однако ж от того не следует, что тому причина была их наука, понеже много ученых, которые не были еретики. Таков есть святой Павел – апостол, Златоустый, Василий Великий и прочие. Огонь служит и нагревать и разорять людей вконец, каково будешь его употреблять. Пользует он, ежели употребление добро; вредит – ежели употребление зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но зол тот, кто их употребляет на зло. Между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются; суеверие же есть истое невежество порождение.

¹⁵ *Приходит в безбожие.* Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается; а невежество приводит в злые весьма о божестве мнения, как, например, богу уды и страсти человеческие приписывать.

- И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
30 Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подавая священному чину;
35 Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
40 Поместья и вотчины весьма не пристали».

- Силван¹⁷ другую вину наукам находит.
«Учение, – говорит, – нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
45 Гораздо в невежестве больше хлеба жали¹⁸;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, – должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах¹⁹ – подлых то есть дело,
50 Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы²⁰
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира²¹ и вещей выведать премену
Иль причину, – глупо он лепит горох в стену.
55 Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду

¹⁶ *Критон с четками в руках ворчит*. Вымышленным именем Критона (каковы будут все в следующих сатирах) означает тут притворного боготчения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти.

¹⁷ *Силван другую вину*. Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охудая то, что к распространению его доходов не служит.

¹⁸ *Гораздо в невежестве больше хлеба жали*. Не гораздо ли смешно приписывать наукам в вину то, что от одной леность земледельцев или от непорядочного воздуха происходит может.

¹⁹ *Довод, порядок в словах*. Тому учат витийство и наипаче логика, которая дело есть право о вещи какой рассуждать и то другому ясными доказать доводами.

²⁰ *Кто души силу и пределы*. В сем стихе о метафизике говорится, которая рассуждает о сущем вообще и о свойствах души и духов.

²¹ *Строй мира и вещей выведать премену иль причину*. Физика или естествословие испытает состав мира и причину или отменение всех вещей в мире.

- В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
 Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
 60 Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства²²,
 Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веда –
 Можно знать различие злата, серебра, меди.
 Трав, болезней знание²³ – голы все то враки;
 Глава ль болит – тому врач ищет в руке знаки²⁴;
 65 Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
 Дать хочешь. Слабеем ли – кровь тихо чрезмеру
 Течет; если спешно – жар в теле; ответ смело
 Дает, хотя внутрь никто видел живо тело²⁵.
 А пока в баснях таких время он проводит,
 70 Лучший сок из нашего мешка в его входит.
 К чему звезд течение числить²⁶, и ни к делу,
 Ни кстати за одним ночь пятном²⁷ не спать целу,
 За любопытством одним лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется, или мы с землею²⁸?
 75 В часовнике можно честь на всякий день года
 Число месяца и час солнечного восхода.
 Землю в четверти делить²⁹ без Евклида смыслим,
 Сколько копеек в рубле – без алгебры³⁰ счислим».

²² *Чтоб вызнать руд свойства.* Химия тому учит. Слово руда значит металл, каково есть золото, серебро, медь, железо и прочая.

²³ *Трав, болезней знание.* То есть медицина или докторство.

²⁴ *Ищет в руке знаки.* Докторы, желая узнать силу болезни, щупают в руке больного ударение жилы, от чего познают, каково течение крови и, следовательно, слабость или жестокость болезни.

²⁵ *Внутри никто видел живо тело.* То есть, хотя анатомисты и знают тела состав и состояние, однако нельзя от того рассудить о тех непорядках, которые в живом человеке случаются, понеже еще никто не видал, каково есть движение внутренних человека.

²⁶ *К чему звезд течение числить.* О астрономии тут слово идет.

²⁷ *За одним пятном.* В солнце и в планетах астрономы пятна с любопытством примечают, по оным признавая время, в которое они круг своего центра вертятся. При соединении двух планет живет то, что нижний пятном кажется в вышнем планете. В луне усматриваются подвижные пятна, которые чаятельно суть тени ея высоких гор. Смотри Фонтенелла «О множестве миров».

²⁸ *Солнце ль движется, или мы с землею* (Фонтенелл «О множестве миров», вечер 1-й). Два мнения имеют астрономы о системе (состав) света. Первое и старое есть, в котором Земля вместо средоточия всего система имеется и неподвижна стоит, а около ея планеты Солнце, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Пула и Венус вертятся, всякий в известное время. Система сие, по Птолемею, своему вымыслителю, называется Птолемаическою; другое есть, которое Солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляет, а прочие планеты, между которыми есть и Земля, в учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлес есть Земли, около которой круг свой совершает в 29 дней. Система сие выдумал Коперник, немчин, и для того Коперническою называется. Есть и третье система, Тихона Брахея, датчина родом, которое, однако ж, из прежних двух составлено, понеже он с Птолемеем согласуется в том, что Земля стоит и что солнце около ея вертится, но с Коперником всех прочих планет движение около солнца поставляет.

²⁹ *В четверти делить без Евклида смыслим.* Четверть есть часть земли или пашни в 20 сажень ширины и 80 длины. Евклид был славный математик александрийский, где во время Птолемея Лага математическое училище держал в лето по созданию Рима 454. Трудов его у нас, между прочим, остались «Елементы», содержащие в 15-ти книгах основание всей геометрии.

³⁰ *Без алгебры.* Алгебра есть часть математики весьма трудная, но и преползная, понеже служит в решении труднейших задач вся математики. Можно назвать ее генеральною арифметикою, понеже части их по большей мере между собою сходны, только что арифметика употребляет для всякого числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу служат. Наука сия, сказывают, в Европу пришла от арап, которых мнят

Силван одно знание слично людям хвалит:
80 Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Румяный, трожды рыгнув, Лука³¹ подпеваает:
«Наука содружество людей разрушает;
85 Люди мы к сообществу божия тварь стали³²,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я заприся
В чулан, для мертвых друзей³³ – живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
90 Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга – на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
95 Вино – дар божественный³⁴, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымаает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
100 Любовник легче вином в цель свою доходит³⁵.
Когда по небу сохой бразды водить станут³⁶,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
105 Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, –
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

быть ее изобретательми; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называют Алжабр Валмукабала, то есть навестать или соравнять.

³¹ *Румяный, трожды рыгнув, Лука.* Лука – пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая, говорит и проч.

³² *К сообществу божия тварь стали.* Бог нас создал для сообщества.

³³ *Для мертвых друзей.* То есть для книг.

³⁴ *Вино – дар божественный.* Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I: Quid non ebrietas designat? operta recludit: Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem; Sollicitis animis onus eximit: addocet artes Fecundi calices quem non fecere disertum! Contracta quern non in paupertate solutum! <Чего только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты!>

³⁵ *Любовник легче вином в цель свою доходит.* Свидетельство сему есть Лотова история, которого дочери, его вином упоивши, похоть свою исполнили. Святой Павел говорит: Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд.

³⁶ *Когда по небу.* Подражание из следующих Овидиевых стихов 7-й его Элегии: In caput alta suum labentur ab aequore retro Flumina, conversis solque recurret equis: Terra feret stellas, coelum findetur aratro, Unda dabit flammam, et dabit ignis aquas. <Глубокие реки потекут от моря назад к своему истоку, солнце побежит назад, поворотив своих коней, земля понесет звезды, небо будет разрезано плугом, волна загорится, а огонь даст воду.>

- Медор³⁷ тужит, что чресчур бумаги исходит
 На письмо, на печать книг, а ему приходит,
 Что не в чем уж завертеть завитые кудри³⁸;
 110 Не сменил на Сенеку³⁹ он фунт доброй пудры;
 Пред Егором двух денег Virgiliy⁴⁰ не стоит;
 Рексу – не Цицерону⁴¹ похвала достоин.
 Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
 Вот для чего я, уме, немее быть клуши
 115 Советую. Когда нет пользы, ободряет
 К трудам хвала⁴², – без того сердце унывает.
 Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
 Трудней то, неж пьянице вина не имети,
 Нежли не славить попу святую неделю,
 120 Нежли купцу⁴³ пиво пить не в три пуда хмелю.

- Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
 Что трудно злонравному добродетель славить,
 Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
 Науку должны хулить, – да речи их злобны
 125 Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
 Изряден, хвален твой суд⁴⁴; так бы то быть должно,
 Да в наш век злобных слова умными владеют.
 А к тому ж не только тех науки имеют
 Недрузей, которых я, краткости радея,
 130 Исчел иль, правду сказать, мог исчезеть смелея.

³⁷ *Медор*. Щеголь тем именем означен.

³⁸ *Завертеть завитые кудри*. Когда хотим волосы завивать, то по малому пучку завиваем, и, обертев те пучки бумагою, сверж горячими железными щипцами нагреваем, и так прямые волосы в кудри претворяются.

³⁹ *Не сменил на Сенеку*. То есть не сменил на книгу Сенекову фунт пудры. Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона – императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многие, и почти лучшие из древних, нравоучительные книги.

⁴⁰ *Пред Егором Virgiliy*. Егор был славный сапожник Москве, умер 1729 г. Virgiliy, стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Аиды в провинции Мантуанской, где родился 15 октября в 684 лето по созданию Рима, то есть в 27-е пред рождеством Христовым. В Рим приехав, за его превосходный ум охотно с ним дружбу свели многие из знатнейших города, между которыми были первые император Август, Меченат и Поллион. Весь свет дивится стихам его, которыми у всех достал себе имя князя стихотворцев латинских. Умер в Бринде, городе Калаврии, возвращаясь с Августом из Греции в лето по созданию Рима 735, в 51 своего возраста, и погребен близ Неаполя.

⁴¹ *Рексу – не Цицерону*. Рекс был славный портной в Москве, родом немчин; Марко Туллий Цицерон был сын римского некоего всадника из поколения Тита Тация, короля сабинского. Еще в юношестве своем Цицерон речи говорил в сенате, столь дерзновенны против друзей Катилиновых, что, убоявся за то на себя нападения, уехал в Грецию, где у знатнейших учителей обучившись, в такое совершенство привел латинское сладкоречие, что отцом того назван. В 691 лето по создании Рима выбран он с Антонином Непотом в консулы. Антониевым повелением убит в лето по создании 711, в 43 прежде пришествия Спасителя и 64 своего возраста, рожден быв 3 числа января лета по создании Рима 648.

⁴² *Когда нет пользы, ободряет к трудам хвала*. Всех наших действий два повода: польза или похвала. Не обыкли люди или редко следуют добродетели держаться для того, что добродетель собою красна.

⁴³ *Нежли купцу*. Имя купца значит посадского: известно, что они великие пиволюбцы и охотники к крепкому пиву, которого часто и в 5 пуд хмеля варю варят.

⁴⁴ *Твой суд*. Твое рассуждение.

Полно ль того? Райских врат ключари святые⁴⁵,
И им же Фемис⁴⁶ вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу⁴⁷.

- 135 Епископом хочешь быть – уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата⁴⁸
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата⁴⁹,
Клобуком покрой главу, брюхо – бороною⁵⁰,
Клюку⁵¹ пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневу
140 Трещит, всех благословлять нудь праву и леву⁵².
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпись позабудет⁵³,
145 Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны, и вся церкви слава.

- Хочешь ли судьейю стать – вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками⁵⁴,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
150 Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны права⁵⁵ –

⁴⁵ *Ключари святые*. Церковные пастыри, епископы.

⁴⁶ *Им же Фемис вески вверила златые*. То есть судьи. Фемис – богиня правосудия, дочь Земли и Неба, пишет с весками в руках.

⁴⁷ *Мало любят, чуть не все, истинну украсу*. Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно, невежество голо и срамно.

⁴⁸ *Риза полосата*. Епанча из шелковой парчи безрукавна, сшита на подоле и разных цветов полосами поперек расшита, которую сверх всего платья архиереи надевают. Обыкновенно мантиею называют.

⁴⁹ *Цепь от злата*. Архиереи повседневно сверх рясы, а в священнослужении сверх саккоса повешену имеют на шее цепочку золотую или серебряную, к которой привешен образ, на финифти написанный, Спасителя, богоматери или какого святого. Обыкновенно цепочку тую с образом панагиею зовут, от греческого слова пресвятая, прилагательное, которым обыкновенно богородица означает.

⁵⁰ *Брюхо – бороною*. Широкою бороду и по брюху распущенну невежды священническому чину за особливую украсу приписуют. Димитрий, митрополит Ростовский (писатель жития святых), целую книжицу сочинил против суеверия простолоудных о бороде. Напечатана в Москве в 1714 году. Раскольщики бороду брить в грех ставят.

⁵¹ *Клюку пред тобою*. То есть патерицу. Когда архиерей выезжает с двора, один из его певцов верхом везет патерицу епископскую в знак его церковной власти.

⁵² *Праву и леву*. Разумеется: руку.

⁵³ *Выпись позабудет*. Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.

⁵⁴ *Кто просит с пустыми руками*. То есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит.

⁵⁵ *Граждански уставы, иль естественный закон, иль народны права*. – Гражданские уставы суть законы, учрежденные от государей, для расправы в судах, каково у нас Уложение. Закон естественный есть правило, от самой природы нам предписанное, которое всегда неотменно и без которого никакое сообщество устоять не

- Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,
 155 Что подъячим должно лезть на бумажны горы⁵⁶,
 А судье довольно знать крепить приговоры.
- К нам не дошло время⁵⁷ то, в коем председа
 ла
 Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
 Будучи способ одна к высшему восходу.
 160 Златой век⁵⁸ до нашего не дотянул роду;
 Гордость, леность, богатство – мудрость⁵⁹ одолело,
 Науку невежество местам уж посело,
 Под митрой⁶⁰ гордится то, в шитом платье ходит,
 Судит за красным сукном⁶¹, смело полки водит.
 165 Наука ободрана, в лоскутах обшита,
 Изо всех почти домов с ругательством сбита;
 Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
 Как, страдавши на море, корабельной службы.
 Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
 170 Ученых хоть голова полна – пусты руки».
 Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
 Танцует, на дудочке⁶² песни три играет,
 Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
 Тому уж и в самые молодью леты
 175 Всякая высша степень – мзда уж невелика,
 Семи мудрецов⁶³ себя достойным мнит лика.
 «Нет правды в людях, – кричит безмозглый церковник, –
 Еще не епископ я, а знаю часовник⁶⁴,
 Псалтырь и послания⁶⁵ бегло честь умею,
 180 В Златоусте⁶⁶ не запнусь, хоть не разумею».

может. Народны правы суть законы, которые содержать должны народы разных властей для удобного взаимно-го сообщения и взаимной пользы.

⁵⁶ *Лезть на бумажны горы.* То есть шевелить, читать такое множество книг.

⁵⁷ *К нам не дошло время то* и проч. Не дошло к нам то время, когда от одной мудрости ожидать было должно человеку свое награждение и повышение в вышние чины.

⁵⁸ *Златой век.* Стихотворцы разделяют времена на четыре века, а именно: на золотой, серебряный, медный и железный, и говорят, что в златом веке люди все одной только добродетели прилежали, отдаваясь всяких злостей.

⁵⁹ *Мудрость одолело.* В сем месте мудрость есть винительного падежа.

⁶⁰ *Под митрой.* Митра есть шапка архиерейская, в священнослужении употребляема.

⁶¹ *Судит за красным сукном.* Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном.

⁶² *На дудочке песни три играет.* Дудочка тут значит косой флейт, который был, когда сатира сия писана, в славе, и почти все молодые люди на нем играть обучались.

⁶³ *Семи мудрецов.* Славные в Греции семь мудрецов были: Фалес, Питакус, Биас, Солон, Клеобул, Минос и Хилон. Некоторые вместо трех последних кладут Периандра, Анахарса и Эпаминонда; иные же – Писистрата, Трасибула, милетского тирана, и Феницида Сирийского. Смотри де Ларея в житии семи мудрецов, лист 1-й.

⁶⁴ *Часовник* – книга, содержащая повседневные молитвы греческой церкви.

⁶⁵ *Псалтырь и послания.* То есть книгу царя Давида и апостолов послания.

- Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец⁶⁷ тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным⁶⁸.
- 185 Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр⁶⁹ случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
- Таковы слыша слова и примеры видя,
190 Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая⁷⁰,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
- 195 Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729

Источник: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 63–67.

А.Д. Кантемир

*Сатира VII. О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому*⁷¹

- 1 Если б я, видя кого⁷², что с рук не спускает
Часовник⁷³ и пятью в день в церковь побывает,

⁶⁶ *В Златоусте не занпущь.* В Златоустовом толковании на Евангелие, которое переведено с греческого весьма неясно.

⁶⁷ *Писец.* То есть подьячий.

⁶⁸ *Письмом ясным.* Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому прилежат, что и не нужно то чают; для того, если желаешь какую книгу не разумеешь, отдай ее подьячему переписать.

⁶⁹ *Семь бояр.* Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении; потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили.

⁷⁰ *Мудрость всеблагая.* То есть бог, понеже он не только мудр, но самая премудрость, к тому ж и всеблаг.

⁷¹ Часто мы примечаем, что люди злых своих дел причину сваливают на слабость тела, на дряхлость ума, приписуя, таким образом, шалость свою несовершенству природы. Стихотворец наш старается сею сатиною опровергать такое вредное мнение и, напротив, доказать, что мы правильнее должны приписывать страсти свои воспитанию, которого потом некие правила предписывает.

Не должно в сем творении искать подробного исследования и сильных доводов так важного дела. Мало бы на то целой книги, не только стишков с триста, которые в забаву писаны во время его посольства при французском дворе 1739 года.

Начинает он сатиру, осмеывая неправо мнение людей, которые одной старости, как бы законное преимущество, разум приписуют, почитая, что здоровое рассуждение несовместительно возрасту молодых людей; а потом, изъяснив, каким образом такие неосновательные мнения в людях вкореняются, сводит слово к своему намерению, показывая, что повадка тому начало, что повадки, которые в детстве получаем, почти всегда в гроб сносим и что, следовательно, главная причина злых и добрых наших дел – воспитание.

⁷² *Если б я, видя кого* и проч. Легко усмотрит читатель, что здесь слово идет о человеке суеверном, который в наружных поступках и в одних обрядах являет себя богобоязливым, а в самом деле главную должность человека-христианина, сиречь любовь к ближнему, пренебрегает.

⁷³ *Часовник.* Известная молебная книга.

- Постится, свечи кладет⁷⁴ и не спит с женою⁷⁵,
 Хоть отняв у бедного ту, что за душою
 5 Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, –
 Если б я, видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
 Тем путем не войдешь в рай⁷⁶, и буде радеешь
 Душу спасти, отдай назад, чем худо владеешь».
 Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
 10 «Напрасно, молокосос, суешься с советом».

- И дело он говорит: еще я тридцатый
 Не видел возврат зимы⁷⁷, еще черноватый
 Ни один на голове волос не седеет;
 Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
 15 Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
 И чуть три зуба сберечь могли за губами;
 Кои помнят мор в Москве⁷⁸ и, как сего года,
 Дела Чигиринского сказуют похода⁷⁹?

- Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
 20 Что ум в людях не растет месяцем и годом⁸⁰;
 Что хотя искус дает разуму подпору⁸¹,
 И искус можно достать лише в поздню пору⁸²,
 Однако как время того, кто не примечает⁸³
 Причины дел, учинить искусным не знает,

⁷⁴ *Свечи кладет.* Пред иконами, сиречь.

⁷⁵ *Не спит с женою.* Знаю я таких людей, которые от возлежания с женою воздерживаются, забыв, что брак есть таинство и что потому исполнение брачной должности богу противно быть не может.

⁷⁶ *Тем путем не войдешь в рай.* Молитвы, пост, радетьство в украшении храма божественного подлинно служат к нашему спасению, да те одни способы не довольны, если лишаемся любви к ближнему, наипаче если обижаем ближнего, – тем путем не войдем в рай. С<вященное> п<исание> подтверждает сатирика нашего слова в многих местах, которые с почтения здесь включить оставляю.

⁷⁷ *Еще я тридцатый не видел возврат зимы.* Еще не исполнилось мне тридцать лет. Стихотворец наш родился 10 сентября 1709 года.

⁷⁸ *Мор в Москве.* Случился он в <1654> году.

⁷⁹ *Дела Чигиринского похода.* Чигирин, город столичный запорожских казаков, осажден турецким и от осады освобожден российским войском под руководством кн. Ромодановского в 1676 году («История Азовская», стр. 126). Сии два приключения, сиречь мор в Москве и Чигиринский поход, стихотворец напоминает как дела, кои показывают старость человека, о котором здесь слово идет.

⁸⁰ *Ум в людях не растет месяцем и годом.* Подлинно, ум в нас не растет по летам, но по прилежанию нашему. Напротиву, часто видим, что человек, который в младенчестве казался острого ума, в возраст пришел, становится туп, бессмыслен и почти бездушный болван, и то – за недостатком прилежности.

⁸¹ *Искус дает разуму подпору.* Через искус только мы получаем знание; искусом научаемся, о вещах и оных следствиях рассуждая, избирать добрые и отбегать злые, в чем одном состоит разум. Гораций, письмо 1-е, книга 2: *Nimirum sapere est abjectis utile nugis, / – Verae numerosque modosque ediscere vitae.* <Быть мудрым – значит уметь извлечь полезное из окружающих его мелочей и изучать меру и образ истинной жизни.>

⁸² *В поздню пору.* То есть в старости, которая есть поздняя пора нашей жизни. Для стяжания искусства многократное повторение случаев и оных примечание нужно, чего нельзя учинить разве со многим временем или со многим прилежанием.

⁸³ *Как время того, кто не примечает.* Сродным порядком слова так бы лежать должны: *как время не знает* (то есть, *не может*) *учинить искусным того, кто не примечает причины дел.* Голое видение разных случаев не

25 Так прилежность сильна дать искус в малы лета.

Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.

Не одно то мнение здравому разгласно⁸⁴

30 Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно

Подобны и злейшие. Одни тех держаться
Любят, что полезны им и законны зряся, –
Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
Другие, и зная вред, бороться не смеют

35 С упрямою волею, котора их нудит

Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.

Буде причину того спросишь у народа⁸⁵,

Скажет, что с зачатия нашего природа

Слабу душу нам дала, и к обману склонну,

40 И подчиненну страстям; и что ту законну

Над нами природы власть одолеть не можно.

Испытал ли истину он в том осторожно?

Не знаю, Никито, друг⁸⁶! то одно я знаю,

Что если я добрую, ленив, запускаю

45 Землю свою⁸⁷ – обрастет худою травною;

Если прилежно вспашу, довольно покрою

Навозом песчаную – жирнее уж станет,

И довольный плод с нея трудок мой достанет.

Каково б с природы рук сердце нам ни пало,

50 Есть, есть время некое, в коем злу немало

Склонность уйдем, буде всю истребить не можем,

И утвердиться в добре доброму поможем, –

может нас искусными учинить; нужно примечать, что им повод и причину подало, чтоб можно было основательно рассуждать о их состоянии и о их следствиях.

⁸⁴ *Не одно то мнение здравому разгласно* и проч. Представя образец неправого мнения, сатирик начинает исследовать, отчего подобные мнения происходят; и потом показывает, что от большей части худая повадка причина оным, а не природы совершенство. Одни держатся добровольно вредных мнений, для того что кажутся им или полезны, или приличны и, следовательно, нужны; другие не могут преодолеть свою волю, которая принуждает их держаться тех мнений, хотя употреблением смысла и здравого совета оных вред и неосновательство разумеют.

⁸⁵ *Буде причину того спросишь у народа*. Ежели спросишь у народа, для чего здравый смысл не может волю преодолеть. Речь *народ* тут значит то, что латинское *vulgus*, сиречь *простой народ, чернь, невежей*.

⁸⁶ *Никито, друг*. Писана сатира сия к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, приятелю нашего стихотворца, который и сам не худые стихи составлял.

⁸⁷ *Что если я добрую*. Изрядную землю запуская, обрастет худою травною, песчаная – трудами становится жирна и плодоносна; так и сердце человека можно исправить или повредить, каково будет воспитание.

Время то суть первые младенчества лета⁸⁸.

Чутко ухо⁸⁹, зорок глаз новый житель света⁹⁰

55 Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.

60 Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело.
И знал то высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш⁹¹, никаким трудом утомленный,

65 Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный

В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал⁹², чтоб подать собою

70 Пример в чужих братьях то, что над Москвою
Сыскать нельзя⁹³: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли, годные к мирным и военным
Делам, внукам памятни нашим отдаленным⁹⁴.

75 Но скоро полезные презренны бывают
Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
Детям уж богатое оставить наследство

⁸⁸ *Первые младенчества лета.* Когда младенец чуть из утробы матери вышел, нужно с самого того времени начинать воспитание, иначе дитя, уже в одну или другую дорогу направлен бывши, своротить его трудно.

⁸⁹ *Чутко ухо.* Причины, для которых повадки, в младенчестве принятые, отнять или трудно весьма, или невозможно суть: 1) состояние наших чувств, которые в том возрасте легче принимают в себя изображения предлагающих; 2) жадность к новизне.

⁹⁰ *Новый житель света.* Сиречь младенец.

⁹¹ *Петр, отец наш.* Император Петр Великий, названный, по достоинству, Отцом отечества.

⁹² *Сам странствовал.* Император Петр Великий дважды ездил в чужие края, в 1700 и в 1715 году, и в тех самых поездках не только сам себя в знаниях, потребных государю, наставлял, любопытно исследуя все, что хвальное у других народов примечал, но с собою в отечество вывез искусных людей во всяких науках и ремеслах, и к тому многих дворян с собою возил и посылал на своих иждивениях в разные европейские города для обучения.

⁹³ *То, что над Москвою сыскать нельзя.* Над Москвою, сиречь в *Москве*, где столичный город все государство значит, сыскать нельзя. Прибавить должно: *было*, понеже после принятых императором Петром Великим трудов, уже в России сыскать можно все то, что он искал в чужих краях.

⁹⁴ *Внукам памятни нашим отдаленным.* От трудов императора великого, которые были корень или начало нынешней российской славы, и от странствования дворян в чужих краях для принятия приличного воспитания произошли у нас люди, славные в делах мирных и военных, люди, которые в будущих веках будут памятни нашим потомкам. *Внуки* вместо *потомков*.

- 80 Печемся, потеем в том; каково их детство
Проходит – редко на ум двум или трем всходит;
И у кого не одна в безделках исходит
Тысяча – малейшего расхода жалеет
К наставлению детей; когда же шалееет
- 85 Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
Богатства сыну копил – презрел в сердце нравы
Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
Проживет, мало любим и свету презренный,
- 90 Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
- Главно воспитания⁹⁵ в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчье зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
- 95 И всегда желателен, – к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.
Суд трудный мудро решить⁹⁶, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
- 100 Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно⁹⁷ светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим⁹⁸; в твари всему знать исту причину –
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
- 105 Вышему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем ты звать, зря царства пределы,
Тобою расширенны, и вражии рати
И городы, стерты в прах. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
- 110 К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,

⁹⁵ *Главно воспитания.* Сатирик, показав, сколь воспитание полезно, начинает некие краткие правила того предписывать. Главное дело воспитания суть нравы, и о том вначале трудиться должно, чтоб младенца приобщить к добродетели; другие знания и науки за тем следовать и все к тому концу клониться имеют.

⁹⁶ *Суд трудный мудро решить* и проч. Все знания, все науки и искусства должно подавать младенцам в том намерении, чтоб разными способами, как бы по степеням, взводить их к благонравию, для того что благонравием только могут учиниться полезными отечеству и людям любезны и желательны. Знание прав правительства гражданского, искусное учреждение расходов и доходов государственных, мореплавание, астрономия, естественное и прочие искусства доставят человеку имя мудрого человека и, может быть, подадут способ достать себе какое высшее достоинство; но буде лишается добродетели, буде он яростен, горд, жестокосерд и проч., люди его любить не станут.

⁹⁷ *Числить всякого удобно.* Астрономия учит числить путь, который совершают светила небесные, и с какою беглостью они идут.

⁹⁸ *Сколь велика сила над другим.* Ньютон, философ аглинский, показал, что все тела в твари взаимно себя по неким правилам привлекают. Ту силу телес называет аттракциею, и об ней-то здесь слово идет.

- Ежели волю твою не правит смысл правый,
 Ежли развратны, одним словом, твои нравы –
 Дивиться станет тебе, но любить не станет;
 Хвалы нужда из его уст⁹⁹ твои потянет,
 115 Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
 Гнушаясь тебя¹⁰⁰, и той готов отшетиться¹⁰¹,
 Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает¹⁰²
 Твоя в мал час; позабыт человек бывает
 Скоро ненавидимый, и мало жалеет
 120 Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
 Добродетель лишь одна¹⁰³ может нам доставить
 Покойну совесть, предел прихотям уставить,
 Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину¹⁰⁴
 И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
 125 Добродетель потому над всем неотменно
 Нужно младенцам внушать, пока совершенно
 Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
 Им и других знаниях. Так в детях, достойных
 К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
 130 Если б предписан был с двух¹⁰⁵ выбор неотменный,
 С чистою совестью ум избрал бы я простой,
 И оставил бы я с злым сердцем разум острый.
 Вверил бы я все добро тому, кто с чужого
 Стыдится жиреть добра, хотя он немного
 135 Счету знает и рубить числа должен в палку¹⁰⁶;

⁹⁹ *Хвалы нужда из его уст.* Станет тебя хвалить не добровольно, но по нужде, сиречь или для того что тебя боится, или для того что тебе льстит, чтоб тобою пользоваться.

¹⁰⁰ *Гнушаясь тебя.* Пользоваться станет твоим искусством, но в сердце своем станет гнушаться тебя, как злонаправного.

¹⁰¹ *И той готов отшетиться.* Но и пользу свою презрит, если, наскучив твоими злонаправиями, сыщет способы тебя с плеч свалить, т. е. избыть тебя.

¹⁰² *Слава увядает.* Сколь человек ни искусен и ни украшен различными знаниями, больше еще скажу, сколь он ни принес пользы народу, если он не умел заслужить себе его любовь добронравием, недолго будет стоять его слава. Забудут его люди, как скоро с глаз их сойдет.

¹⁰³ *Добродетель лишь одна.* Не только добродетелию способны мы доставать себе любовь людей, что в житии должно быть всякого человека главное намерение; но к тому она одна сильна дать нам совесть покойную, умеренность в желаниях, постоянство и терпение во всяком счастья состоянии и смелость ждать нетрепетно смерть, – дары весьма драгоценные и которых злонаправный лишиться должен.

¹⁰⁴ *Счастья грудь и спину.* То есть доброе и худое счастье. Когда к нам счастье ласково, оно к нам смотрит; когда от нас уходит, спину нам показывает.

¹⁰⁵ *Если б предписан был с двух.* Конечно, должно всего прежде обучать младенцев быть добронравными, для того что ежели б кто из двух, добронравного, сиречь, человека, но простяка, но невежу в других знаниях светских, и плута искусного и всему потребному обученного, имел одного выбрать в какой чин, к какому делу полезнее народу и правильнее поступит, избрав честного простяка, чем искусного плута.

¹⁰⁶ *Рубить числа должен в палку.* Так безграмотные люди нарубливают на палочку числа: единицы – простою чертою, десятицы – крестиками.

А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
Глокает одну свернув дом, и лес, и пашни,
Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни¹⁰⁷.

- Бесперечь детям твердя¹⁰⁸ строгие уставы,
140 Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь;
Дай им время и играть; сам себя обманешь,
Буде чаешь поспешить, лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело.
- 145 Ласковость больше в один час детей исправит,
Чем суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
Смелость и невременно торопеть поведит.
Счастлив, кто надеждою¹⁰⁹ похвал взбудить знает
150 Младенца; много к тому пример способен¹¹⁰:
Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.

- Пример наставления всякого сильняе¹¹¹:
Он и скотов следовать родителям учит¹¹².
Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
155 Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают,
Утят, лишь из яйца выдут, плавать знают.
Не смысл учит, не совет – того не имеют,
Сего нельзя им подать – подражать умеют.
С двух братьев, кои росли под теми ж глазами¹¹³

¹⁰⁷ *Лучше всей Сухаревской башни.* В Сухаревской башне на Москве содержится училище, где дети обучаются началам арифметики, геометрии и других частей математики.

¹⁰⁸ *Бесперечь детям твердя.* Насаждение добродетели есть главнейшее дело воспитания. Следуют правила, по которым то намерение в действие производить должен: 1) Не должно чрезмерно утруждать детей, но наставлять их исподволь, и больше ласкою, чем строго, понеже, беспрестанным наставлением ум младенцев отягчен, становится ленив; а строгость вводит в них ненависть к обучению; 2) Не должно их обличать пред людьми, для того что таким образом притупишь в них любовь славы, любовь доброго имени; кто часто пред людьми опозорен, стыда уже не боится; 3) Не должно страшить детей угрозами и побоями, ибо тем пресечеши в них хвальную и нужную смелость; повалишь со всего торопеть, которая торопость в житии часто возбраняет нам пользоваться предлежащими полезными случаями.

¹⁰⁹ *Счастлив, кто надеждою.* Всего приличнее младенца побуждать к добрым делам надеждою похвал. Таким способом учинишь ему добродетель любезну.

¹¹⁰ *Много к тому пример способен.* Много способен пример возбуждать детей к благонавию. Для того что чрез глаза предлежащее способен доходит к сердцу, чем чрез слышание советов и наставлений.

¹¹¹ *Пример наставления всякого сильняе.* Свыше всякого совета, свыше всякого наставления пример силен. Ролен, следуя Сенеке, того ж мнения: Pour la vertu aussi bien que pour les sciences la voye des exemples est bien plus courte et plus sure que celles de presertes. (*Ролен. Правила Наставл., том I, стр. 49*) <Для добродетели, точно так же, как и для науки, гораздо короче и вернее путь примеров, нежели путь наставлений.>

¹¹² *Он и скотов следовать родителям учит.* Против того мнения, что воспитание есть причина нравов, сильнейшие противоположения суть: 1) *действия бессмысленных*, которые кажутся быть голое движение сродной склонности; 2) *различие нравов в двух братьях*, коим равное дано воспитание. Сатирик те самые противоположения употребляет в довод и утверждение своего мнения.

¹¹³ *Кои росли под теми ж глазами.* Коих вскормил тот же дядька, та же бабка, та ж кормилица.

- 160 И коих тот же крушил учитель лозами,
 Один добродетелей хвальную дорогу
 Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх¹¹⁴ ногу
 Его не могли; в своей должности он верен
 И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
 165 В бедности смотреть кого сухими глазами¹¹⁵
 Не может, сердцем дает, что дает руками¹¹⁶.
 Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
 Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
 Казну крадет царскую, и, тем сломя шею,
 170 Весь уж сед, в петлю бежит, в казнь, должну злодею.
 В том, по счастью, добрые примеры скрепили
 Совет; в сем примеры злы оный истребили.
- Если б я сыновнюю¹¹⁷ имел унять скупость,
 Описав злонравия¹¹⁸, и гнусность, и глупость,
 175 Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
 Над кучей золота, сух, печален и бледен,
 Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
 Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
 Руку его усмотрел, пальцем указал бы
 180 Тюрьму, где сидит Клеарх¹¹⁹, и всю рассказал бы

¹¹⁴ *Ни надежда свесть, ни страх.* Два сильные орудия к склонению сердца человеческого, скольким злочинствам награждений обещания или страх наказания причиною на всяк день бывают. Кто тем двум сильным советникам противиться может, много может.

¹¹⁵ *Сухими глазами.* То есть не может смотреть, не прослезаяся.

¹¹⁶ *Сердцем дает, что дает руками.* Сиречь охотно, от всего сердца дает. Гораздо такое подаяние приятно тому, кто оное получает, и подателю гораздо больше хвалы доставляет. Много своей цены теряет дар, который кому дает угрюмым лицом с гневом и как бы попрекая доуки просящего и его бедности.

¹¹⁷ *Если б я сыновнюю.* Пример, говорил сатирик выше сего, сильнее всякого наставления; теперь показывает, как должно пример употреблять к исправлению детей. Подражание следующих Горациевых стихов, сат. IV, книги I:

...Insuevit pater optimus hoc me,
 Ut fugerem, exemplis vitiorum quaeque notando.
 Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
 Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
 Nonne vides, Albi ut maie vivat filius utque,
 Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
 Perdere quis velit; a turpi meretricis amore
 Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.
 Ne sequerer moechas, concessa cum Venere uti
 Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
 Ajebat.

<Мой добрейший отец приучил меня избегать этого, показывая примеры всех пороков; когда он убеждал меня жить бережливо, порядочно и довольствуясь тем, что он мне оставит, то говорил: разве не видишь, как дурно живет сын Альбия или бедняк Барр? Вот сильное доказательство того, что не следует расточать отцовского наследства. Когда ж он меня отклонял от постыдной любви к продажной женщине, то говорил: яе уподобляйся Сектану. Когда он убеждал меня не волочиться за чужими женами, готовыми на супружескую неверность, в то время как я мог бы наслаждаться дозволенною любовью, он говорил: «Позорна слава Требона, уличенного в прелюбодеянии».>

¹¹⁸ *Злонравия.* Разумей того злонравия, сиречь скупость.

¹¹⁹ *Где сидит Клеарх.* Клеарх, который, промотав отцовское имение, должниками в тюрьму посажен.

Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
Если б к подлой похоти¹²⁰ видел склонность жадну,
Привел бы его смотреть Мелита в постели¹²¹
И гнусны чирьи¹²², что весь нос ему объели.

- 185 Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
Лучшую, бы сыну я избрал осторожно.
Не одни те растят нас¹²³, коим наше детство
Вверено; со всех сторон находит посредство
Поскользнуться в сердце нрав: все, что окружает
190 Младенца, произвести в нем нрав помогает.
Так, не довольно одно изрядное семя
Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
Умеренно и красно, без мразу, без зною,
Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
195 Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
Семя без всего того прельстит твою веру¹²⁴.
Филин вырос пьяница¹²⁵? – пьяница был сродник,
Что вскормил. Миртил бл*дун? – дядька его сводник.
У Савки век на губах правда не садится,
200 И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится? –
Лгуны бабушки его помним бесконечны
Басни, койми надоел язык скоротечный¹²⁶.
Сильвия круглую грудь¹²⁷ редко покрывает,
Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
205 Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
Бояся досадного в отказе ответа¹²⁸? –

¹²⁰ *К подлой похоти.* Сиречь к бл*довству.

¹²¹ *Смотреть Мелита в постели.* Где болезнь, нажитая с бл*ками, его держит.

¹²² *Гнусны чирьи.* Каковы нетрудно наживаются с невоздержными женами.

¹²³ *Не одни те растят нас.* Воспитание не от одних тех зависит, коим мы воспитать отданы, но все, что младенца ни окружает, сильно в нем нрав произвести; как для возвращения цвета или овоща одно семя не довольно, много других обстоятельств к тому нужно.

¹²⁴ *Прельстит твою веру.* Вместо *прельстит твою надежду.* Ты веришь, ты чаешь, ты надеешься иметь изрядный цвет, для того что посеял изрядное семя; но буде другие обстоятельства противны, семя изрядное произведет худой цвет или совсем в земле исчезнет.

¹²⁵ *Филин вырос пьяница.* Следуют примеры в довод тому, что все, что младенца окружает, сильно дать ему какой-либо нрав. Так, Филин вырос пьяница, для того что пьяница был его сродник, который его вскормил; Миртил – бл*дун, для того что дядька сводничал; Савка у бабушки своей лгать перенял; Сильвия – у матери предаваться в любовные забавы.

¹²⁶ *Язык скоротечный.* Сиречь бабушки его язык.

¹²⁷ *Сильвия круглую грудь.* Нетрудно читателю в сем и следующих стихах усмотреть, что стихотворец под именем Сильвии говорит о сластолюбных женах, кои всевозможное чинят для побуждения зрителей к невоздержным поступкам.

¹²⁸ *Бояся досадного в отказе ответа.* Бояся, чтоб тот, кому она откажет, не назвал ее *немилосердою, жестокою, каменною.*

- Такова и матушка была в ея лета.
 Обычно цвет чистоты первый¹²⁹ увядает
- 210 Отрока в объятиях рабыни; и знает,
 Унесши младенец что, небом и землею
 Отлыгаться пред отцом, – наставлен слугою.
 Слуги язва суть детей. Родителей – злее
 Всех пример. Часто дети были бы честнее,
- 215 Если б и мать и отец¹³⁰ пред младенцем знали
 Собою владеть и язык свой в узде держали.
 Правдой и неправдою¹³¹ куча мне копится
 Денег¹³², и нужусь всю жизнь в высоко добиться
 Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
- 220 В сладях всяких по уши себя погружаю;
 Одних счастливыми я зову лишь обильных,
 И сотью то в час твержу; завидую сильных
 Своевольству я людей, и дружбу их тщуся
 Всячески достать себе, убогим смеюся, –
- 225 А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
 Был малым, чтоб смирен был и собою волен
 Знал обуздать похоти, и с одними знался
 Благонравными, и тем подражать лишь тщался;
 По воде тогда мои вотще пишут вилы¹³³.

¹²⁹ *Обычно цвет чистоты первый.* Столь истинно есть, что все, что младенца окружает, сильно в нем нрав произвести, что обыкновенно дети лишаются своего девства в объятиях мамок и служанок домашних; и что буде крадут что у отца и отлыгаются, так тому наставлены бывают от своих слуг.

¹³⁰ *Часто дети были бы честнее, если б и мать и отец.* Дети были бы добронравнее, если б родители умели воздержаться пред ними от злочинств. Ювенал в сатире 14:

Plurima sunt, Fuscine, et fama digna sinistra,
 Et nitidis maculam ac rugam figentia rebus,
 Quae monstrant ipsi pueris traduntque parentes.
 Si damnosa senem juvat alea, ludit et haeres
 Bullantus, parvosque eadem movet arma fritillo.
 Там же:
 Sic natura jubet, velocius et citius nos
 Corruptum vitiorum exempla domestica, magnis
 Cum subeunt animos auctoribus.

<Фусцин, очень много дурного, пятнающего и растлевающего чистую натуру показывают и передают детям сами родители; если старика развлекают проклятые кости, то играет и несовершеннолетний его наследник, так же встряхивая кости в стаканчике... Так устроила природа, что домашние примеры пороков скорее портят нас, потому что переходят к нам от людей, которых мы уважаем.>

¹³¹ *Правдой и неправдою* и проч. по ст. 232. Ежели я сам сребролюбив, любочестен, ленив, сластолюбив или другими злонравиями изобилую и в оные пред сыном своим повседневно впадаю, весьма б безрассудно было мне требовать, чтоб мой сын тех злонравий отдался и держался противных добродетелей. Образец мой при нем будет важнейшей силы, чем мои советы, и будет он поступать так, как видит поступающа всегда отца своего.

¹³² *Куча мне копится денег.* Коплю, собираю деньги, богатство.

¹³³ *По воде тогда мои.* Вилами по воде писать – русская пословица, значит то же, что *напрасно труд свой терять*, понеже на воде букв изображение удержаться не может.

230 Домашний показанный часто пример¹³⁴ силы
Будет важной, и идти станет сын тропую,
Котору протоптану видит пред собою.

И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
Когда своим наставлять его не умеешь

235 Примером? когда в тебе видит повсечасно,
Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
Если молодому мать раку¹³⁵ обличает
Кривой ход: «Прямо сама пойдя, – отвечает, –
Я за тобой поплыву и подражать стану».

240 Нельзя ль добрым быть¹³⁶? – будь зол, своим не к изъяну;
Изряднее всякого убежать порока
Нельзя ль? – укрой лишнего от младенча ока.
Гостя когда ждешь к себе¹³⁷, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
245 И убирает весь дом, третий трет посуду,

¹³⁴ *Домашний показанный часто пример.* Ювенал в сатире 14: Sed reliquos fugienda patrum vestigia ducunt, / Et monstrata diu veteris trahit orbita culprae. <Остальные следуют по стопам отцов, увлекаемые привычным путем закоренелого порока.>

¹³⁵ *Если молодому мать раку.* Буде я худо живу, погружаясь в злонравиях, и за те самые журю сына, или ему добродетелей советую держаться, он отвечать может то, что в баснях Езоповых молодой рак отвечает своей матери, которая его обличала, что не умеет плавать прямо вперед, но идет всегда задом: *Пойди сама прямо, я буду тебе подражать.* – Живи ты сам благонравно, и тогда и я буду жить по тому же. Комедия Бурсова, притчи Езоповы

Ma mère, nous rassablons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La façon dont vous vivez:
Allez droit, si vous pouvez,
Je tacherai de vous suivre.

<Магушка, мы похожи друг на друга: в своем образе жизни я подражаю вам. Идите прямою дорогою, если можете, и я постараюсь пойти за вами вслед.>

¹³⁶ *Нельзя ль добрым быть.* Буде тебе трудно унять свои страсти и воздержаться от злонравий, по меньшей мере укрывай свои злые поступки от глаз детей твоих; будь зол, но не к вреду своих детей.

¹³⁷ *Гостя когда ждешь к себе.* Ювенал, сат. 14, ст. 59 и следующие:

Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre pavimentum: nitidas ostende columnas,
Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lavet argentum; vasa aspera tergeat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, ne stercore foeda canino
Atria displiceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus; et tamen uno
Semodio scobis haec emundat servulus unus:
Illud non agitas, ut sanctam filius omni
Adspiciat sine labe domum, citioque carentem!

<Когда к тебе намерен прийти гость, то ни один из твоих слуг не смеет сидеть сложа руки: один мети пол, другой вытирай колонны, чтобы тощий паук исчез с них вместе со своей паутиною; третий тут же чисти серебро; четвертый вытирай чеканные кубки. Хозяин, держа плетль, кричит что есть мочи. И ты же, несчастный, дрожишь, как бы твои покои, загаженные собачьим калом, не поразили неприятно очей ожидаемого друга, как бы портик твой не был залит помоями; а ведь это в полчаса может очистить при помощи полуведра опилок всего один раб. О том же ты не беспокоишься, чтобы твой сын видел тебя достойным уважения, незапятнанным и беспорочным.>

Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостей малейший сор, чтоб он не приметил
Малейшу нечистоту, – а ты же не тщишься
250 Побережь младенцев глаз, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
Большу бережь ты для них должен бы имети.

Не один острый судья¹³⁸, знаю, зубы скалить,
Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить,
255 И, качая головой, примолвит поважно:
«Смотри, наш молокосос какие отважно
Сказки нам рассказывает и, времени цену
Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
260 Вину, воспитанию склонность приписует
Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
Продерзость та родилась в мозгу нездоровом».
Никито, друг! может быть, слово то рассудно
Явится тем, кои, жизнь чая время скудно¹³⁹,
265 Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
Мысли, нежли выслушать доводы свободно.
Тех я людей уверять не ищу, негоден,
Да всяк открывать свое мнение свободен¹⁴⁰,
Если вредно никому и законов сила
270 Читательна нужду молчать в том ее наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы¹⁴¹.

¹³⁸ *Острый судья*. Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь: critique, которая жаль, что наш язык лишается.

¹³⁹ *Кои, жизнь чая время скудно*. Сколько таких людей, которые всякое предложение осуждают, не исследовав одного состояние и почти не ведая, о чем дело идет. Довольно им кажется презирать то, что не знают, и в том не тратить время, которое, по их мнению, лучше в забавах и в праздности употребляют.

¹⁴⁰ *Всяк открывать свое мнение свободен*. Сродным порядком так бы речи лежать должны были: *да всяк свободен* (волен) *открывать свое мнение, если никому вредно* (если оно никому не вредит) *и если читательная сила законов не наложила в том нужду молчать* (если законы не запрещают о таком деле говорить). Мы должны с подобострастием послушны быть *читательной силе законов*, и когда она молчание в чем предписывает, должны мы молчать по меньшей мере до тех пор, пока у нас совета будут требовать. Зная сие, наш стихотворец свое мнение о воспитании объявляет таким, которое никакой закон не запретил. Напротиву, законам и пользе общества оно согласное. Сколько бы большее число было благонравных граждан, если б за всякую нашу шалость ответственность были должны наши воспитатели, или если б родители наши были уверены, что нет такого младенца, которого бы доброе воспитание не могло учинить благонравным человеком.

¹⁴¹ *С досугу стишки пишу для твоей забавы*. Из сего стиха разумеется, что сатирик неповажно дело сие исследует, не философическое рассуждение пишет, но стишки в забаву приятеля. Потому не должно в них искать точного исследования сего дела и неоспоримых доводов.

- Ты лишь меня извини, что, одно я дело
Начав, речью отскочил на другое¹⁴² смело.
- 275 Порядок скучен везде и немножко труден:
Блится в сумятице умок – в чину скуден¹⁴³,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать и, не скончав одно, в недозрелом
Разговоре не вернуть некстати другое¹⁴⁴,
- 280 В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

1739

Источник: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 76–83.

Тема 5. Жанр оды в творчестве М.В. Ломоносова

М.В. Ломоносов

Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

- Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
- 10 Свое богатство по земли.

¹⁴² *Одно я дело начав, речью отскочил на другое.* Начал сатиру осмеянием суеверно злобного человека, а потом слово свел к воспитанию. Почти все Горациевы сатиры и письма таким образом составлены, что обыкновенно случается в разговоре, и для того он те сочинения назвал *Sermones* – разговоры, беседы.

¹⁴³ *Блится в сумятице умок – в чину скуден.* Часто живет, что человек, который острого ума кажется, когда беспорядочно говорит, что на ум взойдет, не углубляя рассуждение и поверхностней одних касаясь, становится туп и нем, когда его понудишь разговор свой порядочно учреждать и доводить свои слова одно за другим. Стих сей кажется быть подражание следующего Вольтерова («Генриада», песнь I, ст. 11): *Tel brille au second rang qui s'eclipse au premier.* То есть: Часто на второй степени блистает, кто на первой помрачается.

¹⁴⁴ *Не вернуть некстати другое.* Смеется тому сатирик, понеже и впрямь то смеха достойно, как Гораций изрядно изобразил, приуподобляя такой разговор живописи, в которой и написан зверь, составленный с женской головы, с гривы конской, с разных перьев, с различных удес разных скотов и кончается хвостом рыбьим. «Искусство стихотворное», ст. I и следующие:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit, et varias inducere plumas,
Undique contractis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem, mulier formosa superne.

<Если бы живописец захотел присоединить к человеческой голове лошадиную шею и покрыть ее разноцветными перьями, добавив члены от всех животных, так, чтобы женщина, прекрасная сверху, оканчивалась гадкою рыбою, то, допущенные взглянуть на это, удержались ли бы мы от смеха, друзья?>

Не напрасно речь *некстати* вставлена; служит она еще к оправданию самого нашего стихотворца, который отскочил от этого дела на другое *кстати*, понеже меж мнением суеверного, которому в начале сатиры смеется, некое сходство находится с мнением, что *старик трех молодых разумом потянет*, будучи оба погрешительны; и сие вяжется с следующим: что таким мнениям повадка причина, а повадке – воспитание.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, золото и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
20 И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
30 На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
40 Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;

50 Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не держайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищена
60 Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попанну,
70 С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с онога пути склонилась,
80 Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы

Чистейшего ума плоды».

Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает

90 Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив¹⁴⁵ рыданий наших слух,
Верхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали

100 В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана¹⁴⁶ постыдилась

110 С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет

120 И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,

¹⁴⁵ Услышав.

¹⁴⁶ Сена.

Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
130 Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
140 Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
150 Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
160 Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
170 Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
180 В твою державу от манжур¹⁴⁷.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы¹⁴⁸
190 Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен океан¹⁴⁹;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,

¹⁴⁷ В 1689 г. бассейн Амура был временно захвачен маньчжурскими феодалами.

¹⁴⁸ Ломоносов говорит об экспедиции А.И. Чирикова, достигшей западных берегов Северной Америки.

¹⁴⁹ Речь идет о Курильских островах и курильском океанском течении.

Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
200 Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски¹⁵⁰ копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
210 Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
220 Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
230 В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,

¹⁵⁰ Уральские горы.

О ангел мирных наших лет!
 Всевышний на того помощник,
 Кто гордостью своей дерзнет,
 Завидя нашему покою,
 Против тебя восстать войною;
 Тебя зиждитель сохранит
 Во всех путях беспреткновенну
 И жизнь твою благословенну

240 С числом щедрот твоих сравнит.

1747

Источник: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 120–126.

Тема 6. Русская трагедия XVIII в. «Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова

Основной конфликт трагедии составляет противопоставление главного героя – Дмитрия Самозванца – таким персонажам как Пармен, боярин Шуйский, его дочь Ксения и ее возлюбленный, князь Георгий Галицкий.

Составьте цитатные характеристики данных героев, отражающие характер каждого, отношение к власти, монарху как представителю власти, народу.

<i>Дмитрий Самозванец</i>	_____

Тема 8. Синтез оды и сатиры в «Фелице» Г.Р. Державина

Г.Р. Державин
Фелица

Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, –
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,

Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам – в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;

На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, золотой,
С собакой, шутком или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, ежжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,

Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, – но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает. –
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,

Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя! одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно

В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить,
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князя наседками не клохчут,
Любимцы вьявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! Правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи,
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтиса мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. –
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь, –
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья насладюсь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;

Тема 9. Эстетика и поэтика сентиментализма в повестях Н.М. Карамзина**Н.М. Карамзин*****Бедная Лиза***

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова¹⁵¹ монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, – печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон коло-

¹⁵¹ Симонова.

кола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на воротах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, – которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо биющемуся сердцу, называла божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила бога, чтобы он наградил ее за все то, что она делает для матери. «Бог дал мне руки, чтобы работать, – говорила Лиза, – ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь ходить на тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать: слезы наши не оживят батюшки». Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих – ах! она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. – «На том свете, любезная Лиза, – отвечала горестная старушка, – на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть – что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и покраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. – «Продаю», – отвечала она. – «А что тебе надобно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дешево. Вот тебе рубль». – Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. – «Для чего же?» – «Мне не надобно лишнего». – «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы: хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». – Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил ее на руку. – «Куда же ты пойдешь, девушка?» – «Домой». – «А где дом твой?» – Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» – «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» – «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и молю господу богу, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». – У Лизы навернулись на глазах слезы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза ее тихонько чего-то искали. Многие хотели у нее купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» – сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своем. – На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» – спросила испугавшаяся мать, которая подле нее сидела. – «Ничего, матушка, отвечала Лиза робким голосом, – я только его увидела». – «Кого?» – «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно. Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нем ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! – сказал он. – Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей – может быть, для того, что она его знала наперед, – побежала на погреб – принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, – схватила стакан, вымыла,

вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил – и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу и благодарил не столько словами, сколько взорами. Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своем горе и утешении – о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об ее трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал ее со вниманием, но глаза его были – нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молнии блещит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором. – «Мне хотелось бы, – сказал он матери, – чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». – Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щеки ее пылали, как зари в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правою рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других. – Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» – спросила старуха. – «Меня зовут Эрастом», – отвечал он. – «Эрастом, – сказала тихонько Лиза, – Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. – Эраст простился с ними до свидания и пошел. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Все Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» – Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь – мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза спала

очень худо. Новый гость души ее, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами света. Но Лиза все еще сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. – Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, – и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венки для шляпы твоей“. Он взглянул бы на меня с видом ласковым – взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошел мимо и с пестрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум весел – взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошел к Лизе и – мечта ее отчасти исполнилась: ибо он *взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку...* А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем – не могла отнять у него руки – не могла отворотиться, когда он приблизился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал ее, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! «Милая Лиза! – сказал Эраст. – Милая Лиза! Я люблю тебя», и сии слова отозвались во глубине души ее, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и... Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, – смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! – сказала она. – Всегда ли ты будешь любить меня?» – «Всегда, милая Лиза, всегда!» – отвечал он. – «И ты можешь мне дать в этом клятву?» – «Могу, любезная Лиза, могу!» – «Нет! мне не

надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» – «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» – «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» – «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». – «Для чего же?» – «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». – «Нельзя статься». – «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». – «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне не хотелось бы ничего таить от нее». – Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видаться или на берегу роки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непременно видаться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» – думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! – сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. – Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» – Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно, в самом деле, показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру. «Ах, Лиза! – говорила она. – Как все хорошо у господина бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме – Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не

знав тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». – Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» – Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать ее. «Я люблю ее, – говорила она, – и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил ее и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться – до самого того часа, как люта́я смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» – Эраст слушал ее с непритворным удовольствием. Он покупал у нее Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недоль. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза ее от слез покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» – «Ах, Эраст! Я плакала!» – «О чем? Что такое?» – «Я должна сказать тебе все. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». – «И ты соглашаешься?» – «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» – Эраст целовал Лизу, говорил, что ее счастье дороже ему всего на свете, что по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. – «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. – «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! – Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки ее не трогали его так сильно – никогда ее поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала,

ничего не подозревала, ничего побоялась – мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная отчего – не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал – искал слов и не находил их. «Ах, я боюсь, – говорила Лиза, – боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа мои... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?.. Боже мой! Что такое?» – Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! – сказала она. – Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков – казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. – Эраст старался успокоить Лизу и проводил ее до хижины. Слезы катились из глаз ее, когда она прощалась с ним. «Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!» – «Будем, Лиза, будем!» – отвечал он. – «Дай бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моем... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как все переменялось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы – одними ее любви исполненными взорами – одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, – а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение *всех* желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог *гордиться* и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всем, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала свое счастье. Она видела в нем перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» – Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», – и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец, пять дней сряду она не видала его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным лицом и сказал ей: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идет в поход». – Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал ее, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своем уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него

со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» – «Могу, – отвечал он, – но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». – «Ах, когда так, – сказала Лиза, – то поезжай, поезжай, куда бог велит! Но тебя могут убить». – «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». – «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». – «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». – «Дай бог! Дай бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!» – «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». – «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». – «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». – «Буду, буду думать об ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиной матерью, которая не могла от слез удержаться, слыша, что *ласковый, пригожий барин* ее должен ехать на войну. Он принудил ее взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». – Старушка осыпала его благословениями. «Дай господи, – говорила она, – чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя еще раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!» – Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на нее. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв ее и последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил ее – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее – и наконец скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для нее вместе с любезным ее сердцу. «Ах! – думала она. –

Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертью своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» – Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» – остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. – С сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце ее! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь в густоту леса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенанием. Но иногда – хотя весьма редко – золотой луч надежды, луч утешения освещал мрак ее скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как все переменится!» – от сей мысли прояснялся взор ее, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. – Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать ее лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила ей великолепная карета, и в сей карете увидела она – Эраста. «Ах!» – закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и повернула на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дому, как вдруг почувствовал себя – в Лизиных объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на ее восклицания, взял ее за руку, привел в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в карман, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой». – Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – но язык мой не движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? – Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» – вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая

женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память. Несчастливая открыла глаза – встала с помощью сей доброй женщины, – благодарила ее и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, – думала Лиза, – нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» – Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, – кликнула ее, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые – скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, – к Э... На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, – попроси, чтобы она меня простила, – бог будет ее помощником, – поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, – скажи, что бедная Лиза велела поцеловать ее, – скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза навек закрылись. – Хижина опустела. В ней воеет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец: там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могилке. – Теперь, может быть, они уже примирились!

1792

Источник: Карамзин, Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Н.М. Карамзин. – Л.: Художественная литература, 1964. – С. 605-622.

Н.М. Карамзин *Остров Борнгольм*

Друзья! прошло красное лето, золотая осень побледнела, зелень увяла, деревья стоят без плодов и без листьев, туманное небо волнуется, как мрачное море, зимний пух сыплется на хладную землю – простимся с природою до радост-

ного весеннего свидания, укроемся от вьюг и метелей – укроемся в тихом кабинете своем! Время не должно тяготить нас: мы знаем лекарство от скуки. Друзья! Дуб и береза пылают в камине нашем – пусть свирепствует ветер и засыпает окна белом снегом! Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки, и повести, и всякие были.

Вы знаете, что я странствовал в чужих землях, далеко, далеко от моего отечества, далеко от вас, любезных моему сердцу, видел много чудного, слышал много удивительного, многое вам рассказывал, но не мог рассказать всего, что случилось со мною. Слушайте – я повествую – повествую истину, не выдумку.

Англия была крайним пределом моего путешествия. Там сказал я самому себе: «Отечество и друзья ожидают тебя; время успокоиться в их объятиях, время посвятить страннический жезл твой сыну Маину¹⁵², время повесить его на густейшую ветвь того дерева, под которым играл ты в юных годах своих», – сказал и сел в Лондоне на корабль «Британию», чтобы плыть к любезным странам России.

Быстро катились мы на белых парусах вдоль цветущих берегов величественной Темзы. Уже беспредельное море засинелось перед нами, уже слышали мы шум его волнения – но вдруг переменялся ветер, и корабль наш, в ожидании благоприятнейшего времени, должен был остановиться против местечка Гревзенда.

Вместе с капитаном вышел я на берег, гулял с покойным сердцем по зеленым лугам, украшенным природою и трудолюбием, – местам редким и живописным; наконец, утомленный жаром солнечным, лег на траву, под столетним вязом, близ морского берега, и смотрел на влажное пространство, на пенистые валы, которые в бесчисленных рядах из мрачной отдаленности неслися к острову с глухим ревом. Сей унылый шум и вид необозримых вод начинали склонять меня к той дремоте, к тому сладостному бездействию души, в котором все идеи и все чувства останавливаются и цепенеют, подобно вдруг замерзающим ключевым струям, и которое есть самый разительнейший и самый пиитический образ смерти; но вдруг ветви потряслись над моею головою... Я взглянул и увидел – молодого человека, худого, бледного, томного, – более привидение, нежели человека. В одной руке держал он гитару, другою срывал листочки с дерева и смотрел на синее море неподвижными черными глазами своими, в которых сиял последний луч угасающей жизни. Взор мой не мог встретиться с его взором: чувства его были мертвы для внешних предметов; он стоял в двух шагах от меня, но не видал ничего, не слышал ничего. – «Несчастный молодой человек! – думал я. – Ты убит роком. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастлив!»

¹⁵² Во время древности странники, возвращаясь в отечество, посвящали жезлы свои Меркурию.

Он вздохнул, поднял глаза к небу, опустил их опять на волны морские – отошел от дерева, сел на траву, заиграл на своей гитаре печальную прелюдию, смотря беспрестанно на море, и запел тихим голосом следующую песню (на датском языке, которому учил меня в Женеве приятель мой доктор NN¹⁵³):

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце! может
Противиться тебе?
Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?
Люблю – любить ввек буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостные души,
Жестокие сердца!
Священная природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;
Твои дары благие
Украсили ее –
Природа! Ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!
Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви. –
О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;
Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!
Еще ли ты, о Лила!
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?
Явися мне, явися,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.

Тут, по невольному внутреннему движению, хотел я броситься к незнакомцу и прижать его к сердцу своему, но капитан мой в самую сию минуту взял меня за руку и сказал, что благоприятный ветер развевает наши парусы и что нам не должно терять времени. – Мы поплыли. Молодой человек, бросив гитару и сложив руки, смотрел вслед за нами – смотрел на синее море. –

¹⁵³ Готфрид Беккер.

Волны пенились под рулем корабля нашего, берег гревзендский скрылся в отдалении, северные провинции Англии чернелись на другом краю горизонта – наконец все исчезло, и птицы, которые долго вились над нами, полетели назад к берегу, как будто бы уstraшенные необозримостью моря. Волнение шумных вод и туманное небо остались единственным предметом глаз наших, предметом величественным и страшным. – Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть на открытом море, где *одна тонкая дощечка*, как говорит Виланд, *отделяет нас от влажной смерти*, но где искусный пловец, распуская парусы, летит и в мыслях своих видит уже блеск золота, которым в другой части мира наградится смелая его предприимчивость. «Nil mortalibus arduum est» – «Нет для смертных невозможного», – думал я с Горацием, теряясь взором в бесконечности Нептунова царства.

Но скоро жестокий припадок морской болезни лишил меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пеною бурных волн¹⁵⁴, едва билось в груди моей. В седьмой день я ожил и хотя с бледным, но радостным лицом вышел на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже к западу, море, освещаемое златыми его лучами, шумело, корабль летел на всех парусах по гудам рассекаемых валов, которые тщетно силились опередить его. Вокруг нас, в разном отдалении, развевались белые, голубые и розовые флаги, а на правой стороне чернелось нечто подобное земле.

«Где мы?» – спросил я у капитана, – «Плавание наше благополучно, – сказал он, – мы прошли Зунд; берега Швеции скрылись от глаз наших. На правой стороне видите вы датский остров Борнгольм, место опасное для кораблей; там мели и камни таятся на дне морском. Когда наступит ночь, мы бросим якорь».

«Остров Борнгольм, остров Борнгольм!» – повторил я в мыслях, и образ молодого гревзендского незнакомца оживился в душе моей. Печальные звуки и слова песни его отозвались в моем слухе. «Они заключают в себе тайну сердца его, – думал я, – но кто он? Какие законы осуждают любовь несчастного? Какая клятва удалила его от берегов Борнгольма, столь ему милого? Узнаю ли когда-нибудь его историю?»

Между тем сильный ветер нес нас прямо к острову. Уже открылись грозные скалы его, откуда с шумом и пеною свергались кипящие ручьи во глубину морскую. Он казался со всех сторон неприступным, со всех сторон огражденным рукою величественной природы; ничего, кроме страшного, не представлялось на седых утесах. С ужасом видел я там образ хладной, безмолвной вечности, образ неумолимой смерти и того неопisanного творческого могущества, перед которым все смертное трепетать должно.

Солнце погрузилось в волны – и мы бросили якорь. Ветер утих, и море едва-едва колебалось. Я смотрел на остров, который неизъяснимою силою влек

¹⁵⁴ В самом деле, пена волн часто орошала меня, лежащего почти без памяти на палубе.

меня к берегам своим; темное предчувствие говорило мне: «Там можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольм останется навеки в твоей памяти!» – Наконец, узнав, что недалеко от берега есть рыбачьи хижины, решил я просить у капитана шлюпки и ехать на остров с двумя или тремя матрозами. Он говорил об опасности, о подводных камнях, но, видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требование с тем условием, чтобы я на другой день рано поутру на корабль возвратился.

Мы поплыли и благополучно пристали к берегу в небольшом тихом заливе. Тут встретили нас рыбаки, люди грубые и дикие, выросшие на холодной стихии, под шумом валов морских и незнакомые с улыбкою дружелюбного приветствия; впрочем, не хитрые и не злые люди. Услышав, что мы желаем посмотреть острова и ночевать в их хижинах, они привязали нашу лодку и повели нас, сквозь распавшуюся кремнистую гору, к своим жилищам. Через полчаса вышли мы на просторную зеленую равнину, где, подобно как на долинах альпийских, рассеяны были низенькие деревянные домики, рощицы и громады камней. Тут оставил я своих матрозов, а сам пошел далее, чтобы наслаждаться еще несколько времени приятностями вечера; мальчик лет тринадцати был проводником моим.

Алая заря не угасла еще на светлом небе, розовый свет ее сыпался на белые граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка. Мальчик не мог сказать мне, кому принадлежал сей замок. «Мы туда не ходим, – говорил он, – и бог знает, что там делается!» – Я удвоил шаги свои и скоро приблизился к большому готическому зданию, окруженному глубоким ровом и высокою стеною. Везде царствовала тишина, вдали шумело море, последний луч вечернего света угасал на медных шпицах башен.

Я обошел вокруг замка – ворота были заперты, мосты подняты. Проводник мой боялся, сам не зная чего, и просил меня идти назад к хижинам, но могли любопытный человек уважить такую просьбу?

Наступила ночь, и вдруг раздался голос – эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчик от страха схватил меня обеими руками и дрожал, как преступник в час казни. Через минуту снова раздался голос – спрашивали: «Кто там?» – «Чужеземец, – сказал я, – приведенный любопытством на сей остров, и если гостеприимство почитается добродетелию в стенах вашего замка, то вы укроете странника на темное время ночи». – Ответа не было, но через несколько минут загремел и опустился с верху башни подъемный мост, с шумом открылись ворота – высокий человек, в длинном черном платье, встретил меня, взял за руку и повел в замок. Я оборотился назад, но мальчик, провожатый мой, скрылся.

Ворота хлопнули за ними, мост загремел и поднялся. Через обширный двор, заросший кустарником, крапивою и полынью, пришли мы к огромному дому, в котором светился огонь. Высокий перистиль в древнем вкусе вел к железному крыльцу, которого ступени звучали под ногами нашими. Везде было

мрачно и пусто. В первой зале, окруженной внутри готической колоннадой, висела лампада и едва-едва изливала бледный свет на ряды позлащенных столпов, которые от древности начинали разрушаться; в одном месте лежали части карниза, в другом отломки пиластров, в третьем целые упавшие колонны. Путеводитель мой несколько раз взглядывал на меня пронизательными глазами, но не говорил ни слова.

Все сие сделало в сердце моем странное впечатление, смешанное отчасти с ужасом, отчасти с тайным неизъяснимым удовольствием или, лучше сказать, с приятным ожиданием чего-то чрезвычайного.

Мы прошли еще через две или три залы, подобные первой и освещенные такими же лампадами. Потом отворилась дверь направо – в углу небольшой комнаты сидел почтенный седовласый старец, облокотившись на стол, где горели две белые восковые свечи. Он поднял голову, взглянул на меня с какою-то печальною ласкою, подал мне слабую свою руку и сказал тихим, приятным голосом: «Хотя вечная горесть обитает в стенах здешнего замка, но странник, требующий гостеприимства, всегда найдет в нем мирное пристанище. Чужеземец! Я не знаю тебя, но ты человек – в умирающем сердце моем жива еще любовь к людям – мой дом, мои объятия тебе отверсты». – Он обнял, посадил меня и, стараясь развеселить мрачный вид свой, уподоблялся хотя ясному, но хладному осеннему дню, который напоминает более горестную зиму, нежели радостное лето. Ему хотелось быть приветливым, – хотелось улыбкою вселить в меня доверенность и приятные чувства дружелюбия, но знаки сердечной печали, углубившиеся на лице его, не могли исчезнуть в одну минуту.

«Ты должен, молодой человек, – сказал он, – ты должен известить меня о происшествиях света, мною оставленного, но еще не совсем забытого. Давно живу я в уединении, давно не слышу ничего о судьбе людей.

Скажи мне, царствует ли любовь на земном шаре? Курится ли фимиам на олтарях добродетели? Благоденствуют ли народы в странах, тобою виденных?» – «Свет наук, – отвечал я, – распространяется более и более, но еще струится на земле кровь человеческая – льются слезы несчастных – хвалят имя добродетели и спорят о существовании ее». – Старец вздохнул и пожал плечами.

Узнав, что я россиянин, сказал он: «Мы приходим от одного народа с вашим. Древние жители островов Рюгена и Борнгольма были славяне. Но вы прежде нас озарились светом христианства. Уже великолепные храмы, единому богу посвященные, возносились к облакам в странах ваших, но мы, во мраке идолопоклонства, приносили кровавые жертвы бесчувственным истуканам. Уже в торжественных гимнах славили вы великого творца вселенной, но мы, ослепленные заблуждением, хвалили в нестройных песнях идолов баснословия». – Старец говорил со мною об истории северных народов, о происшествиях древности и новых времен, говорил так, что я должен был удивляться уму его, знаниям и даже красноречию.

Через полчаса он встал и пожелал мне доброй ночи. Слуга в черном платье, взяв со стола одну свечу, повел меня через длинные узкие переходы – и мы вошли в большую комнату, обвешанную древним оружием, мечами, копьями, латами и шишаками. В углу, под золотым балдахином, стояла высокая кровать, украшенная резьбою и древними барельефами.

Мне хотелось предложить множество вопросов сему человеку, но он, не дожидаясь их, поклонился и ушел; железная дверь хлопнула – звук страшно раздался в пустых стенах – и все утихло. Я лег на постелью – смотрел на древнее оружие, освещаемое сквозь маленькое окно слабым лучом месяца, – думал о своем хозяине, о первых словах его: «Здесь обитает вечная горесть», – мечтал о временах прошедших, о тех приключениях, которым сей древний замок бывал свидетелем, – мечтал, подобно такому человеку, который между гробов и могил взирает на прах умерших и оживляет его в своем воображении. – Наконец образ печального гревзендского незнакомца представился душе моей, и я заснул.

Но сон мой не был покоен. Мне казалось, что все латы, висевшие на стене, превратились в рыцарей, что сии рыцари приближались ко мне с обнаженными мечами и с гневным лицом говорили: «Несчастный! Как дерзнул ты пристать к нашему острову? Разве не бледнеют плователи при виде гранитных берегов его? Как дерзнул ты войти в страшное святилище замка? Разве ужас его не гремит во всех окрестностях? Разве странник не удаляется от грозных его башен? Дерзкий! Умри за сие пагубное любопытство!» – Мечи застучали надо мною, удары сыпались на грудь мою, – но вдруг все скрылось, – я пробудился и через минуту опять заснул. Тут новая мечта возмутила дух мой. Мне казалось, что страшный гром раздавался в замке, железные двери стучали, окна тряслися, пол колебался, и ужасное крылатое чудовище, которое описать не умею, с ревом и свистом летело к моей постели. Сновидение исчезло, но я не мог уже спать, чувствовал нужду в свежем воздухе, приблизился к окну, увидел подле него маленькую дверь, отворил ее и по крутой лестнице сошел в сад.

Ночь была ясная, свет полной луны осребрял темную зелень на древних дубах и вязах, которые составляли густую, длинную аллею. Шум морских волн соединялся с шумом листьев, потрясаемых ветром. Вдали белелись каменные горы, которые, подобно зубчатой стене, окружают остров Борнгольм; между имя и стенами замка виден был с одной стороны большой лес, а с другой – открытая равнина и маленькие рощицы.

Сердце все еще билось у меня от страшных сновидений, и кровь моя не переставала волноваться. Я вступил в темную аллею, под кров шумящих дубов и с некоторым благоговением углублялся во мрак ее. Мысль о друидах возбудилась в душе моей – и мне казалось, что я приближаюсь к тому святилищу, где хранятся все таинства и все ужасы их богослужения. Наконец сия длинная аллея привела меня к розмаринным кустам, за коими возвышался песчаный холм.

Мне хотелось взойти на вершину его, чтобы оттуда при свете ясной луны взглянуть на картину моря и острова, но тут представилось глазам моим отвер-

ствие во внутренность холма; человек с трудом мог войти в него. Непреодолимое любопытство влекло меня в сию пещеру, которая походила более на дело рук человеческих, нежели на произведение дикой природы. Я вошел – почувствовал сырость и холод, но решился идти далее и, сделав шагов десять вперед, рассмотрел несколько ступеней вниз и широкую железную дверь; она, к моему удивлению, была не заперта. Как будто бы невольным образом рука моя отворила ее – тут, за железной решеткой, на которой висел большой замок, горела лампада, привязанная ко своду, а в углу, на соломенной постеле, лежала молодая бледная женщина в черном платье. Она спала; русые волосы, с которыми переплелись желтые соломинки, закрывали высокую грудь ее, едва, едва дышащую; одна рука, белая, но иссохшая, лежала на земле, а на другой покоилась голова спящей. Если бы живописец хотел изобразить томную, бесконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цветами Морфея, то сия женщина могла бы служить прекрасным образцом для кисти его.

Друзья мои! Кого не трогает вид несчастного! Но вид молодой женщины, страдающей в подземной темнице, – вид слабейшего и любезнейшего из всех существ, угнетенного судьбою, – мог бы влить чувство в самый камень. Я смотрел на нее с горестию и думал сам в себе: «Какая варварская рука лишила тебя дневного света? Неужели за какое-нибудь тяжкое преступление? Но миловидное лицо твое, но тихое движение груди твоей, но собственное сердце мое уверяют меня в твоей невинности!»

В самую сию минуту она проснулась – взглянула на решетку увидела меня – изумилась – подняла голову – встала – приблизилась, – потупила глаза в землю, как будто бы собираясь с мыслями, – снова устремила их на меня, хотела говорить и – не начинала.

«Если чувствительность странника, – сказал я через несколько минут молчания» – рукою судьбы приведенного в здешний замок и в эту пещеру, может облегчить твою участь, если искреннее его сострадание заслуживает твою доверенность, требуй его помощи!» – Она смотрела на меня неподвижными глазами, в которых видно было удивление, некоторое любопытство, нерешимость и сомнение. Наконец, после сильного внутреннего движения, которое как будто бы электрическим ударом потрясло грудь ее, отвечала твердым голосом: «Кто бы ты ни был, каким бы случаем ни зашел сюда, – чужеземец, я не могу требовать от тебя ничего, кроме сожаления. Не в твоих силах переменить долю мою. Я лобызаю руку, которая меня наказывает». – «Но сердце твое невинно? – сказал я, – оно, конечно, не заслуживает такого жестокого наказания?» – «Сердце мое, – отвечала она, – могло быть в заблуждении. Бог простит слабую. Надеюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомец!» – Тут приблизилась она к решетке, взглянула на меня с ласкою и тихим голосом повторила: «Ради бога, оставь меня!.. Если он сам послал тебя – тот, которого страшное проклятие гремит всегда в моем слухе, – скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь, что сердце мое высохло от горести, что слезы не облегчают уже

тоски моей. Скажи, что я без ропота, без жалоб сношу заключение, что я умру его нежною, несчастною...» – Она вдруг замолчала, задумалась, удалилась от решетки, стала на колени и закрыла руками лицо свое, через минуту посмотрела на меня, снова потупила глаза в землю и сказала с нежною робостью: «Ты, может быть, знаешь мою историю, но если не знаешь, то не спрашивай меня – ради бога, не спрашивай!.. Чужеземец, прости!» – Я хотел идти, сказав ей несколько слов, излившихся прямо из души моей, но взор мой еще встретился с ее взором – и мне показалось, что она хочет узнать от меня нечто важное для своего сердца. Я остановился, – ждал вопроса, но он, после глубокого вздоха, умер на бледных устах ее. Мы расстались.

Вышедши из пещеры, не хотел я затворить железной двери, чтобы свежий, чистый воздух сквозь решетку проник в темницу и облегчил дыхание несчастной. Заря алела на небе, птички пробудились, ветерок свевал росу с кустов и цветочков, которые росли вокруг песчаного холма. – «Боже мой! – думал я. – Боже мой! Как горестно быть исключенным из общества живых, вольных, радостных тварей, которыми везде населены необозримые пространства природы! В самом севере, среди высоких мшистых скал, ужасных для взора, творение руки твоей прекрасно, – творение руки твоей восхищает дух и сердце. И здесь, где пенные волны от начала мира сражаются с гранитными утесами, – и здесь десница твоя напечатлела живые знаки творческой любви и благодати, и здесь в час утра розы цветут на лазоревом небе, и здесь нежные зефиры дышат ароматами, и здесь зеленые ковры расстилаются, как мягкий бархат, под ногами человека, и здесь поют птички – поют весело для веселого, печально для печального, приятно для всякого, и здесь скорбящее сердце в объятиях чувствительной природы может облегчиться от бремени своих горестей! Но – бедная, заключенная в темнице, не имеет сего утешения: роса утренняя не окропляет ее томного сердца, ветерок не освежает истлевшей груди, лучи солнечные не озаряют помраченных глаз ее, тихи о бальзамические изливания луны не питают души ее кроткими сновидениями и приятными мечтами. Творец! Почто даровал ты людям гибельную власть делать несчастными друг друга и самих себя?» – Силы мои ослабели, и глаза закрылись, под ветвями высокого дуба, на мягкой зелени.

Сон мой продолжался около двух часов.

«Дверь была отворена; чужестранец входил в пещеру», – вот что услышал я, проснувшись, – открыл глаза и увидел старца, хозяина своего; он сидел в задумчивости на дерновой лавке, шагах в пяти от меня; подле него стоял тот человек, который ввел меня в замок. Я подошел к ним. Старец взглянул на меня с некоторою суровостию, встал, пожал мою руку – и вид его сделался ласковее. Мы вошли вместе в густую аллею, не говоря ни слова. Казалось, что он в душе своей колебался и был в нерешимости, но вдруг остановился и, устремив на меня пронизательный, огненный взор, спросил твердым голосом: «Ты видел ее?» – «Видел, – отвечал я, – видел, не узнав, кто она и за что страдает в темни-

це». – «Узнаешь, – сказал он, – узнаешь, молодой человек, и сердце твое обольется кровию. Тогда спросишь у самого себя: за что небо излило всю чашу гнева своего на сего слабого, седого старца, старца, который любил добродетель, который чтит святые законы его?» – Мы сели под деревом, и старец рассказал мне ужаснейшую историю – историю, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она остается до другого времени. На сей раз скажу вам одно то, что я узнал тайну гревзендского незнакомца – тайну страшную! –

Матрозы дожидались меня у ворот замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Борнгольм скрылся от глаз наших.

Море шумело. В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись рукою за мачту. Вздохи теснили грудь мою – наконец я взглянул на небо – и ветер свеял в море слезу мою.

1793

Источник: Карамзин, Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Н.М. Карамзин. – Л.: Художественная литература, 1964. – С. 661-674.

РАЗДЕЛ III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Художественная литература

Гистория о российском матросе Василии Кориотском.

Гистория об Александре, российском дворянине.

Ф. Прокопович. Слово о власти и чести царской. Слово похвальное о флоте российском. Слово на погребение Петра Великого. Владимир (трагедо-комедия).

А.Д. Кантемир. Сатиры («На хулящих учения. К уму своему», сатира I; «О воспитании. Никите Юрьевичу Трубецкому», сатира VII).

В.К. Тредиаковский. Езда в остров Любви (5-6 стихотворений на выбор). Ода торжественная о сдаче города Гданска. Рассуждение об оде вообще. Элегия о смерти Петра Великого. Лирика (2-3 произведения из цикла «Стихи на разные случаи»). 2-3 басни.

М.В. Ломоносов. Похвальные надписи. Письмо о правилах российского стихотворства. Ода на взятие Хотина. Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года. Ода, выбранная из Иова. Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния. Утреннее размышления о Божием величестве. «Я знак бессмертия себе воздвугнул...».

А.П. Сумароков. Эпистола о русском языке. Эпистола о стихотворстве. Димитрий Самозванец. Рогоносец по воображению.

М.М. Херасков. Россиада. Лирика (Молитва. Время. О суетных желаниях).

В. Майков. Елисей, или раздраженный Вакх.

И.Ф. Богданович. Душенька.

Н.А. Львов. Лирика (Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго. Ночь в чухонской избе на пустыре. 2-3 перевода из Анакреонта).

М.Н. Муравьев. Лирика (Ночь. Роцца. Богине Невы. Путешествие. Сельская жизнь. Неверность. Дщицы для записывания. Письма к родным).

Ю.А. Нелединский-Мелецкий. Лирика («Ты велишь мне быть равнодушным...». «Наконец твои обманы...». «Милая вечор сидела...». «Если бы ты была на свете...». «Дни счастливы миновались...». «Гроза нас, Лиза, гонит...»).

В.И. Лукин. Мот, любвию исправленный.

М.Д. Чулков. Пригожая повариха.

М.И. Попов. Анюта.

И.И. Дмитриев. Модная жена. Чужой толк. 3-4 басни по выбору.

Д.И. Фонвизин. Лисица-кознодей. Бригадир. Недоросль.

Г.Р. Державин. На птичку. Ключ. На рождение порфирородного отрока. На смерть кн. Мещерского. Бог. Фелица. Властителям и судиям. Вельможа. На взятие Измаила. Снегирь. Водопад. Анакреонтические песни. Русские девушки.

Евгению. Жизнь Званская. Видение мурзы. Памятник. Храповицкому. Мой истукан. Лебедь.

И.А. Крылов. Ночи. Каиб. Басни (Ларчик. Кукушка и Петух. Тришкин кафтан. Ворона и Лисица. Квартет и др.).

А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Эпитафия.

Н.М. Карамзин. Лирика (Послание к Александру Алексеевичу Плещееву. Поэзия. К бедному поэту. Меланхолия. Осень. Странности любви, или Бессонница. Непостоянство. Выбор жениха. К милости. Тацит). Письма русского путешественника. Бедная Лиза. Остров Борнгольм. Сиерра-Морена. Наталья, боярская дочь. Марфа-посадница. Рыцарь нашего времени.

Основная литература

1. Александрова, И.Б. Поэтическая речь XVIII века: учеб. пособие / И.Б. Александрова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 368 с.
2. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 452 с.
3. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века: учеб. для вузов рек. МО РФ / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/index.html#1>
4. Минералов, Ю.И. История русской словесности XVIII века: учеб. пособие для вузов рек. МО РФ / Ю.И. Минералов. – М.: Владос, 2003. – 255 с.
5. Минералов, Ю.И. История русской литературы XVIII: учеб. пособие / Ю.И. Минералов. – М.: Высшая школа, 2007. – 382 с.
6. Орлов, П.А. История русской литературы XVIII века: учеб. для ун-тов / П.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 318 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/orlov/orl0.html>
7. Федоров, В.И. Русская литература XVIII века: учеб. для пед. ин-тов / В.И. Федоров. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 349 с.

Хрестоматии

1. Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – 446 с.
2. Хрестоматия по русской литературе XVIII века / сост. А.В. Кокорев. – М.: Просвещение, 1965. – 847 с.
3. Русская литература – век XVIII. Лирика / сост. Н. Кочеткова, Е. Кукушкина, К. Лаппо-Данилевский. – М.: Художественная литература, 1990. – 735 с.

4. Русская литература – век XVIII. Трагедия / сост. П. Бухаркин. – М.: Художественная литература, 1991. – 719 с.
5. Русская сатирическая проза XVIII века: сборник произведений / сост. Ю.В. Стенник. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 448 с.
6. Русская литература последней четверти XVIII века: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1985. – 432 с.
7. Русская поэзия XVIII века: хрестоматия / сост. С.А. Джанумов. – М.: Просвещение, 1996. – 350 с.

Справочная литература

1. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: библиографический указатель / сост. Е.В. Свиясов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 400 с.
2. Словарь русских писателей XVIII века / Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); отв. ред. А.М. Панченко. – Вып. 1. (А–И). – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1988. – 318 с.; Вып. 2. (К–П). – СПб.: Наука, 1999. – 508 с.; Вып. 3. (Р–Я). – СПб.: Наука, 2010. – 470 с.
3. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Дополнительная литература

1. Аверинцев, С.С. Поэзия Державина / С.С. Аверинцев // Аверинцев, С.С. Поэты / С.С. Аверинцев. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 121–137.
2. Архипова, А.В. О русском предромантизме / А.В. Архипова // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 14–25.
3. Бакланова, Н.А. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII–XVIII веков / Н.А. Бакланова // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Вып. 3. Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.) / отв. ред. А.Н. Робинсон. – М.: Наука, 1971. – С. 160–170.
4. Берков, П.Н. Жизненный и литературный путь А.П. Сумарокова / П.Н. Берков // Сумароков, А.П. Избранные произведения / А.П. Сумароков. – 2-е изд. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 5–46.
5. Берков, П.Н. История русской журналистики XVIII века / П.Н. Берков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
6. Бочкарев, В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. / В.А. Бочкарев. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

7. В.К. Тредиаковский и русская литература / отв. ред. А.С. Курилов. – М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Наследие, 2005. – 300 с.
8. Валицкая, А.П. Русская эстетика XVIII века. Историко-проблемный очерк просветительской мысли / А.П. Валицкая. – М.: Искусство, 1983. – 238 с.
9. Вацуро, В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» / В.Э. Вацуро // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX в. / под ред. П.Н. Беркова, Г.П. Макогоненко, И.З. Сермана. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 190–209. + Электр. ресурс. – Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/08_tom_XVIII/Vacuro/Vacuro.pdf
10. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1984. – 319 с.
11. Гаспаров, М.Л. Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова: некоторые коррективы / М.Л. Гаспаров // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 235–243.
12. Гончаров, Б.П. О реформе русского стихосложения в XVIII веке (К проблеме ее национальных истоков) / Б.П. Гончаров // Русская литература. – 1975. – № 2. – С. 51–69.
13. Гуковский, Г.А. О сумароковской трагедии / Г.А. Гуковский // Гуковский, Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / общ. ред. В.М. Живова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 214–229.
14. Живов, В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 25. – С. 24–83.
15. Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века / В.М. Живов. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 591 с.
16. Западов, А.В. Поэты XVIII века. А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. Литературные очерки / А.В. Западов. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 236 с.
17. Западов, А.В. Поэты XVIII века. М.В. Ломоносов. Г.Р. Державин. Литературные очерки / А.В. Западов. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 312 с.
18. Западов, А.В. Творчество Хераскова / А.В. Западов // Херасков, М.М. Избранные произведения / М.М. Херасков. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 4–55.
19. Западов, В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В.А. Западов. – СПб.: ИМА-Пресс, 1995. – 79 с.
20. Западов, В.А. Державин и поэтика русского классицизма / В.А. Западов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и

жанр: Межвузовский сб. научных трудов. / ЛГПИ им. А.И. Герцена; отв. ред. В.А. Западов. – Л.: ЛГПИ, 1985. – С. 45–61.

21. Иванов, М.В. Поэтика русской сентиментальной повести / М.В. Иванов // Русская литература. – 1975. – № 1. – С. 115–121.
22. Казарин, В.П. Художественная символика повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» / В.П. Казарин // Вопросы русской литературы. – 1984. – Вып. 2 (44). – С. 65–71.
23. Ключевский, В.О. Литературные портреты / В.О. Ключевский; сост. А.Ф. Смирнова. – М.: Современник, 1991. – 461 с.
24. Кочеткова, Н.Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания / Н.Д. Кочеткова; Рос. АН, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). – СПб.: Наука, 1994. – 279 с.
25. Кулакова, Л.И. Эстетические взгляды Карамзина / Л.И. Кулакова // Кулакова, Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века / Л.И. Кулакова. – Л.: Просвещение, 1968. – С. 206–234.
26. Курилов, А.С. Классицизм и сентиментализм: соотношение понятий / А.С. Курилов // Живая мысль. К 100-летию со дня рождения Г.Н. Пospelова / редколл: П.А. Николаев, М.Л. Ремнева, Л.В. Чернец [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 188–204.
27. Лебедева, О.Б. Русская высокая комедия XVIII века. Генезис и поэтика жанра / О.Б. Лебедева. – Томск: Изд-во Томского университета, 1996. – 356 с.
28. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПБ, 1994. – 399 с.
29. Лотман, Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю.М. Лотман // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII – начало XIX века) / ред. Т.Д. Кузовкина, В.И. Гехтма. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 13–346.
30. Лотман, Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 29–39.
31. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Семиотика города и городской культуры: Труды по знаковым системам. Вып. 18 / ред. тома Э.А. Мальц. – Тарту, 1984. – С. 30–46.
32. Луцевич, Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии / Л.Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 607 с.
33. Макогоненко, Г.П. Денис Фонвизин. Творческий путь / Г.П. Макогоненко. – М.-Л.: Художественная литература, 1961. – 443 с.

34. Макогоненко, Г.П. От Фонвизина до Пушкина: Из истории русского реализма / Г.П. Макогоненко. – М.: Художественная литература, 1969. – 511 с.
35. Моисеева, Г.Н. Русские повести первой трети XVIII века / Г.Н. Моисеева. – М.-Л.: Наука, 1965. – 324 с.
36. Москвичева, Г.В. Русский классицизм / Г.В. Москвичева. – М. Просвещение, 1978. – 128 с.
37. Панченко, А.М. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века / А.М. Панченко, Г.Н. Моисеева // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII в. / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, 1980. – С. 408–445.
38. Проскурина, В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй / В. Проскурина // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 72. – С. 103–132.
39. Просцевичус, В.Э. «...Но всякий человек есть ложь» (Об отношениях «автор – адресат» в оде Г.Р. Державина «Фелица») / В.Э. Просцевичус // XVIII век: Язык, жанр, стих: сб. ст. – Донецк, 1996. – С. 57–63.
40. Рассадин, С.Б. Сатиры смелый властелин / С.Б. Рассадин. – М.: Книга, 1985. – 264 с.
41. «Сатира». Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.htm
l?page=3,0
42. Серман, И.З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира / И.З. Серман. – Л.: Наука, 1973. – 284 с.
43. Серман, И.З. Поэтический стиль Ломоносова / отв. ред. П.Н. Берков. – М.-Л.: Наука, 1966. – 260 с. + Электр. ресурс. – Режим доступа:
<http://feb-web.ru/feb/lomonos/critics/ling/sps/sps-001-.htm>
44. Смирнов, А.А. Литературная теория русского классицизма / А.А. Смирнов. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
45. Стенник, Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма / Ю.В. Стенник. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 174 с.
46. Стенник, Ю.В. О художественной структуре трагедий А.П. Сумарокова // XVIII век. Сб. 5 / отв. ред. А.С. Орлов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 273–294.
47. Стенник, Ю.В. Русская сатира XVIII века / отв. ред. Г.Н. Моисеева, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 360 с.

48. Топоров, В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения / В.Н. Топоров. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – 512 с.
49. Топоров, В.Н. О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): фальконе-товский памятник Петру I / В.Н. Топоров // Лотмановский сборник. Т. 1 / Тартуский ун-т, каф. русской литературы, каф. семиотики, Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед.; ред.-сост. Е.В. Пермяков. – М.: ОГИ, 1995. – С. 420–462.
50. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров // Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.
51. Тынянов, Ю.Н. Ода как ораторский жанр / Ю.Н. Тынянов // Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов; отв. ред. В.А. Каверин, А.С. Мясников. – М.: Наука, 1977. – С. 227–252. + Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/T77-227-.htm>
52. Федоров, В.И. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В.И. Федоров. – М.: Просвещение, 1979. – 160 с.
53. Щеглов, Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира / Ю.К. Щеглов. – СПб.: Гиперион, 2004. – 720 с.

Периодические издания

1. Продолжающийся сборник «XVIII век».
2. Продолжающийся сборник «Проблемы истории русской литературы XVIII века».
3. Продолжающийся сборник «Россия в XVIII веке».
4. Продолжающийся сборник «Имперская Россия – Classical Russia. 1700–1825».

Интернет-ресурсы

1. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века [Электронный ресурс]: учеб. для вузов / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/index.html#1>
2. Орлов, П.А. История русской литературы XVIII века [Электронный ресурс]: учеб. для ун-тов / П.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/orlov/orl0.html>
3. Литература XVIII в. Образовательный портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/370/>
4. Русская виртуальная библиотека. – Режим доступа: <http://www.rvb.ru/>

5. Русская литература XVIII в. Электронная библиотека «E-Lingvo». – Режим доступа: http://e-lingvo.net/library_list_18_1.html
6. Русский филологический портал «Philology.ru». – Режим доступа: <http://www.philology.ru/>
7. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – Режим доступа: <http://feb-web.ru>
8. Электронные публикации ИРЛИ РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/>

Электронно-библиотечные системы

1. Научная библиотека Удмуртского государственного университета. – Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/>
2. Infolio. Университетская электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/>

РАЗДЕЛ IV. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

Самостоятельная работа студентов главным образом заключается в изучении списка основной и дополнительной литературы; чтении художественных текстов; подготовке к практическим занятиям, зачету / экзамену по дисциплине. Кроме того, в самостоятельную работу входят:

- 1) составление словаря жанров русской литературы XVIII в.;
- 2) подготовка сообщения;
- 3) подготовка доклада;
- 4) создание презентации;
- 5) конспектирование научной работы;
- 6) изучение тем практических занятий, по причине ограниченного количества времени не рассмотренных в аудитории.

Обязательным минимумом для знакомства с художественными текстами является изучение одной из хрестоматий по курсу:

1. Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. – 446 с. (Или: Хрестоматия по русской литературе XVIII века / сост. А.В. Кокорев. – М.: Просвещение, 1965. – 847 с.)

Изучение хрестоматийных текстов позволяет сэкономить время для поиска необходимого материала, однако это не исключает обращения к отдельным изданиям художественных произведений. Кроме того, их можно найти в электронном виде.

Рекомендуемые интернет-ресурсы:

1. Infolio. Университетская электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/authors.php> (авторы, алфавитный каталог)
2. Infolio. Университетская электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/subja.php?sid=9> (тексты по русской литературе XVIII в.)
3. Электронные публикации ИРЛИ РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>
4. Русская виртуальная библиотека. – Режим доступа: <http://www.rvb.ru/>

При необходимости студенты могут обратиться к преподавателю за консультацией. Время и место консультаций объявляются студентам в начале семестра.

В ходе выполнения самостоятельной работы студент должен проявить

Раздел IV. Самостоятельная работа студентов

- способность к самостоятельному поиску в русле выбранной проблематики;
- умение находить и использовать нужную информацию;
- умение строить научное монологическое (развернутое, аргументированное) высказывание.

РАЗДЕЛ V. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ СТУДЕНТАМ

В ходе изучения дисциплины предполагаются различные формы освоения студентами материала. Практическая часть дисциплины, помимо чтения художественных текстов, включает в себя составление словаря жанров, выступление с сообщением, докладом, презентацией, конспектирование научной работы. Методические рекомендации помогут студенту в подготовке к этим видам деятельности.

1. **Словарь** жанров представляет собой свод статей, отражающих суть жанров русской литературы XVIII в.

Словарная статья должна содержать следующие компоненты:

- определение жанра;
- этимология;
- 2-3 примера (достаточно указать названия произведений; если текст без названия, привести первую строчку).

Словарь может иметь два принципа расположения жанров: алфавитный и тематический. В рамках курса студентам предлагается тематический принцип, однако это не исключает алфавитный. При распределении жанров русской литературы XVIII в. учтена периодизация: Петровская эпоха, классицизм, сентиментализм.

При составлении словаря необходимо учитывать следующие критерии:

- статьи словаря должны быть набраны на компьютере (*Windows/Word*, кегель набора – 12 пт, интервал – полуторный, поля по 2 см (со всех сторон), шрифт *Times New Roman*, абзацный отступ – 1,25 см) и распечатаны;
- главный принцип составления словаря – принцип наглядности (названия жанров должны быть выделены полужирным шрифтом, а этимологическое значение – курсивом);
- после каждой статьи должно следовать указание на источник, из которого взято определение жанра (помимо названия источника, необходимо прописать место и год издания, обозначить цитируемую страницу / страницы); если задействован интернет-ресурс, необходимо указать его адрес;
- объем словаря не ограничен.

2. **Сообщение** предполагает краткое изложение достоверных фактов на заданную тему. В сообщении важны логическая последовательность материала, краткость и точность формулировок. На сообщение отводится 5-7 минут.

3. **Доклад** – устный рассказ на заданную или самостоятельно сформулированную тему; выступление с развернутым, аргументированным, подробным рассмотрением какой-либо проблемы.

Как правило, доклад представляет собой письменный текст, который зачитывается перед аудиторией.

Подготовка к докладу включает в себя следующие компоненты:

- чтение художественного произведения с точки зрения заданной темы;
- подбор критической литературы (с целью проведения доказательного анализа, подтверждения или опровержения мнения исследователей);
- составление плана-конспекта или развернутого плана, содержащего не только указания на последовательность мыслей, но и заметки по их аргументации, цитаты-примеры;
- подготовка тезисов, если докладчик хорошо владеет содержанием материала:
 - ✓ *Тезис* – греч. «положение, утверждение, которое автор или оратор намерен доказать, защитить или опровергнуть».
 - ✓ Обычно тезис – развернутое предложение или несколько предложений, формулирующих мысль-идею, которая будет обоснована в докладе.

Структура доклада:

- формулировка темы и цели доклада;
- введение (постановка проблемы; актуальность темы; указание на то, кто и каким образом рассматривал ее; обоснование собственного интереса к данной теме; методика анализа; задачи исследования);
- основная часть (раскрытие темы / проблемы на примере художественных произведений; привлечение теоретического / критического материала по теме; критическое осмысление уже существующих работ по выбранной теме; самостоятельно выполненный анализ текстов с точки зрения выбранного идейно-тематического комплекса);
- заключение (формулировка выводов исследования; если тема предполагает дальнейшее исследование – на примере других текстов, можно наметить перспективу изучения данной темы / проблемы; возможно указание литературы, которая привлекалась для подготовки к докладу).

На доклад отводится 10-15 минут, после чего следует его обсуждение – вопросы слушателей и ответы докладчика. В ходе обсуждения устанавливается правомерность выводов, к которым пришел докладчик.

4. Выполнение **презентации** предполагает:

- осмысление студентом материала одной из тем;
- структурирование и изложение этого материала;
- формирование визуального или аудиовизуального ряда для сопровождения материала;
- оформление презентации в приложении PowerPoint.

Объем презентации – не менее 10 слайдов.

Презентация оценивается по следующим критериям:

- использование текстовой информации;
- оформление текста:
 - ✓ количество шрифтов (не обязательно),
 - ✓ цвет,
 - ✓ начертание;
- подбор фотоматериалов / иллюстраций;
- дизайн слайдов:
 - ✓ фон слайда,
 - ✓ картинка;
- применение анимации (не обязательно);
- слайд-фильм:
 - ✓ количество слайдов,
 - ✓ эффект перехода (не обязательно).

5. **Конспект** предполагает письменное изложение материала (статьи, монографии и т. д.) в кратком виде.

Требования к выполнению конспекта:

- в начале конспекта обязательно должны быть указаны автор, название работы, ее выходные данные;
- конспект должен отражать постраничные выдержки из работы (с указанием страниц первоисточника), набранные на компьютере (*Windows / Word*, кегель набора – 12 пт, интервал – полуторный, поля по 2 см (со всех сторон), шрифт *Times New Roman*, абзацный отступ – 1,25 см) и распечатанные; в исключительных случаях конспект может быть сдан в письменном виде;
- главные мысли могут быть выделены цветом или особым шрифтом (полужирным, курсивом, подчеркиванием).

Конспект не должен быть простым копированием текстового материала, тем более в полном объеме. Такие работы не оцениваются.

РАЗДЕЛ VI. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО КУРСУ

Контроль усвоения знаний, умений и навыков по изучаемому курсу проводится устно. Студентам предлагается один вопрос. Если студент затрудняется с ответом, раскрывает вопрос не достаточно полно или не соглашается с оценкой, ему необходимо определить автора, название (если есть), жанр четырех произведений, данных преподавателем, а также назвать отличительные черты каждого жанра.

Вопросы по русской литературе XVIII в.

1. Основные черты русской литературы XVIII в. как литературы нового типа. XVIII в. – эпоха Просвещения. Периодизация русской литературы XVIII в.
2. Общая характеристика Петровской эпохи (особенности государственной политики и общественного сознания; периодическая печать и книгоиздание, театр, стихотворство). Литература и культура первой четверти XVIII в. Повести (истории) петровского времени. «История о российском матросе Василии Кориотском». Идеино-художественное своеобразие.
3. Феофан Прокопович – общественный деятель, писатель и теоретик литературы.
4. Понятие о классицизме (социально-исторические предпосылки и философская основа; концепция личности). Своеобразие русского классицизма. Этапы развития. Представители. Система жанров.
5. Сатиры А.Д. Кантемира: традиции и новаторство. Авторская позиция и способы ее выражения. Система образов. Анализ одной сатиры на выбор.
6. Творчество В.К. Тредиаковского. Жанрово-стилевое своеобразие лирики. Переводы западноевропейских романов. Теоретико-литературные труды.
7. Реформа русского стихосложения (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов).
8. Филологические труды М.В. Ломоносова. Теория «трех штилей» и ее роль в развитии русского литературного языка.
9. Торжественные оды М.В. Ломоносова («Ода на взятие Хотина», «Ода на день восшествия... 1747 года»). Понятие одического канона. Проблематика, композиция, изобразительно-выразительные средства. Позиция автора. Анализ одной оды на выбор.
10. Жанр духовной оды в творчестве М.В. Ломоносова. Переводы и переложения. Анализ одного произведения на выбор.
11. А.П. Сумароков – теоретик русского классицизма. «Эпистола о стихо-

творстве».

12. Драматургия А.П. Сумарокова. Трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»: проблематика, система образов, особенности конфликта, поэтика.
13. Основные тенденции в развитии русской литературы второй половины XVIII в. («века Екатерины»). Общая характеристика.
14. Сатирическая журналистика второй половины XVIII в. Деятельность Н.И. Новикова. Журналы «Трутень», «Живописец» и другие. Литературно-общественная позиция. Жанровые формы сатиры.
15. Г.Р. Державин: общая характеристика творчества. Новаторство поэта. «Забавный русский слог». Вопрос о творческом методе Г.Р. Державина.
16. Жанр оды в творчестве Г.Р. Державина. Торжественная ода. Идеино-художественное своеобразие оды «Фелица».
17. Философская лирика Г.Р. Державина и духовная ода. Анализ одного произведения на выбор.
18. Общая характеристика прозы 1760-80-х гг. (М.Д. Чулков, М.М. Херасков).
19. Поэмы второй половины XVIII в. Жанровые разновидности: героическая эпопея («Россиада» М.М. Хераскова), ироикомическая поэма («Елисей, или Раздраженный Вакх» В.И. Майкова, «Душенька» И.Ф. Богдановича). Анализ одного произведения на выбор.
20. Драматургия второй половины XVIII в. Основные направления развития. Жанры.
21. Творческий путь Д.И. Фонвизина. Сатирические произведения («Лисица-казнодей», «Послание к слугам моим...», «Всеобщая придворная грамматика»). Анализ одного произведения на выбор.
22. Идеинная направленность, жанровое своеобразие, система образов, особенности конфликта в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».
23. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. История создания и публикации. Содержание и проблематика. Жанрово-композиционное своеобразие. Образ путешественника. Вопрос о творческом методе писателя.
24. Своёобразие русского сентиментализма. Представители. Жанры.
25. Творчество Н.М. Карамзина. Литературно-эстетические взгляды.
26. Своёобразие «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина.
27. Жанр повести в литературе сентиментализма. Идеино-художественный анализ повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».
28. Предромантические тенденции в повестях «Остров Борнгольм», «Сьерра-Морена».
29. Историческая проза Н.М. Карамзина: «Наталья, боярская дочь», «Марфа-Посадница». Осмысление истории. Позиция автора. Поэтика.
30. Общая характеристика творчества И.А. Крылова. Журналы И.А. Кры-

лова. Сатирическая проза («Кайб»).

31. И.А. Крылов-баснописец. Своеобразие тематики, идейная направленность, художественные особенности. Анализ двух-трех басен на выбор.

РАЗДЕЛ VII. ТЕКСТЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА

Каждому студенту предлагается один вариант, содержащий четыре текста (в некоторых случаях фрагменты). Необходимо определить автора, название произведения, жанровую принадлежность каждого текста, обозначив критерии определения жанра. Все тексты взяты из списка рекомендованной литературы.

Вариант 1**1. (фрагмент)**

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей, и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

2. (фрагмент)

Филат (начав складывать дрова). Што ж пригорюнилась ты так, мой друг Анюша?

Анюта. Тебе что дела?

Филат. Мне? Тебя жо жаль, горюша!

Сама ты знашь, што я тебя люблю уж год,
А можот быть, твоим и мужем скоро буду.

Анюта. Ты! мужем! Едакой страмец, дурак, урод?

Филат. А ты красавица, я чаю; да откуда?

Анюта. Пошел же прочь, скотина!

Ин я ведь батюшку скажу.

Филат. Вот на! Сама ты животина!

На грозы я твои, голубка, не гляжу;

И батько твой

Со мной

Так борзо не хлопочот,

А выдать за меня тебя он верно хочот.

Анюта. Неволей никого не можно выдавать...

Добро! я знаю, что перед попом сказать.

Филат (ласково). Да чем жо я тебе, родима, не кажуса?

Ведь я и сам не худ, колды как на ряжу са!

Анюта. Ох! ужесть как пригож!

Да только лишь всегда на лешего похож.

Уж и такой страмец пригожством стал хвалиться!

Я чаю, и свинья тобою не польстится.

Филат. Ну! так и быть. Добро! теперь я замолчу,

А завтра, можот быть, и сам я заворчу

И как хочю

Поворочю;

А можот, и дубиной

По ребрам прихвачу:

Толды не станешь звать меня уж ты скотиной!

Анюта. Ах ты мерзавец! плут! Ты и грозить уж стал?

Знать, ты еще толчков за это не хватал?

Какая харя! двух сочень не разумеет,

А уж гордиться смеет,

И хочет властвовать другими...

Филат. Ну, добро!

Не выломлено, знать, ищо у те ребро?

Ей, деушка, не лайса!

А с нами знайса;

А то ведь без хлопот
 Назавтре не пройдет.
 Не гордися, сте, спесиха,
 Нет от спеси барыша;
 Хош гляжу я исподтиха,
 Да и я тяну гроша.
 Хош пригожа ты собою,
 Хош баска и щепетка,
 Только быть тебе за мною,
 Как теперь ты ни прытка.

Анюта. Я пригожством не горжусь,
 А глупцам всегда смеюсь. (*Хохочет.*)
 Такова моя извадка.
 Тут не надобна догадка,
 Что твоя дурная рожа
 В женихи ко мне не гожа.

Филат (*отходя*). Добро! и сами мы такие знам загвоздки;
 Да отольютца ведь мышачьи кошке слезки.

Анюта (*отходящему*). Пошол, пошол, дурак!
 Грози богатым так,
 Ин, может быть, они дадут тебе копейку,
 А мне так нечего, а разве по зашейку.

3. Случается нередко нам
 И труд и мудрость видеть там,
 Где стоит только догадаться
 За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
 Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
 Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
 Вот входит в комнату механики мудрец.
 Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом.

Так; он и без замка;

А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;

Не смейтесь так исподтишка!

Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:

В механике и я чего-нибудь да стою».

Вот за Ларец принялся он:

Вертит его со всех сторон

И голову свою ломает;

То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.

Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

4. (фрагмент)

Дунул северный ветер на нежную грудь нежной родительницы, и гений жизни ее погасил свой факел!.. Да, любезный читатель, она простудилась, и в девятый день с мягкой постели переложили ее на жесткую: в гроб – а там и в землю – и засыпали, как водится, – и забыли в свете, как водится... Нет, поговорим еще о последних ее минутах.

Герой наш был тогда семи лет. Во всю болезнь матери он не хотел идти прочь от ее постели; сидел, стоял подле нее; глядел беспрестанно ей в глаза; спрашивал: «Лучше ли тебе, милая?» – «Лучше, лучше», – говорила она, пока говорить могла, – смотрела на него: глаза ее наполнялись слезами – смотрела на небо – хотела ласкать любимца души своей и боялась, чтобы ее болезнь не пристала к нему – то говорила с улыбкою: «Сядь подле меня», то говорила со вздохом: «Поди от меня!..» Ах! Он слушался только первого; другому приказанию не хотел повиноваться.

Надобно было силою оттащить его от умирающей. «Постойте, постойте! – кричал он со слезами. – Маменька хочет мне что-то сказать; я не отойду, не отойду!..» Но маменька отошла между тем от здешнего света.

Его вынесли, хотели утешать: напрасно!.. Он твердил одно: «К милой!», вырвался наконец из рук няни, прибежал, увидел мертвую на столе, схватил ее руку: она была как дерево, – прижался к ее лицу: оно было как лед... «Ах, маменька!» – закричал он и упал на землю. Его опять вынесли, больного, в сильном жару.

Отец рвался, плакал: он любил супругу, как только мог любить. Сердцу его известны были горести в жизни; но сей удар судьбы казался ему первым несчастьем...

Вариант 2

1. Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! – весь я не умру; но часть меня большая.
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

2. (фрагмент)

Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запрუსя
В чулан, для мертвых друзей – живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга – на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино – дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки

И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, –
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу.

3. (*фрагмент*) Кого бо мы, и какового, и коликого лишился? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную (*Имя «Петр» происходит от греческого «камень».*) адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоя, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

4. Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валяются
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло –
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,

Всё обновится весной;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весной
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

Вариант 3

1. (фрагмент)

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревуший,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –

Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

2. (*фрагмент*) Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, особенно когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалье, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою.

3. (*фрагмент*)

Начальник

Великий государь, смущается народ,

И все волнуются, как бурей токи вод.
Иной отважился и ясно то вещает,
Что он против царя и скиптра ощущает.

Димитрий

Какой на площади плетется ими вред?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни бред.

Начальник

Не смею, государь, то точно повторяти.

Димитрий

Вещай! А россов я умею усмиряти.

Начальник

Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он во Угличе неложно умерщвлен.
Отрепьевым тебя в народе именуют,
Твою историю вот так знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел
И в Польше ты себе убежище нашел
И тамо обманул и тестя и невесту,
Дошел обманами к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглостей рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.

Димитрий

Надеждну стражу мне поляками умножь
И духа яростью еще не востревожь!
Внимать извергов сих не станет больше мочи.
Представь мне Шуйского и с дочерью пред очи!

4. (*фрагмент*) Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал, а что всего чуднее, то это и самому ему было не известно. Он чувствовал, что ему чего-то недостает, но не мог познать, в чем этот недостаток; ему казалось, что он один во всей вселенной, или, что еще ближе, как будто был иностранец между миллионами людей, им одолженных, которые не могли его разуместь, ни помочь его скуке.

Сперва подумал он, что сему причиною любовные желанья, и бросился искать счастья в серале; но самые скромные девушки показались ему кокетками, которые, желая ему угодить, искали только своей пользы; правда, всякая из них хотела, чтоб на нее брошен был султанский платок, но часто более для того, чтобы тем досадить своей совместнице, нежели сделать его счастливым. Желание ему нравиться было смешано во всех сердцах с желанием корысти или с честолюбием; он заметил по повторению, что все приветствия, все ласки вы-

учены были наизусть, и в месяц сераль так ему наскучил, что он перестал в него заглядывать и заключил, что не с этой стороны должен искать счастья.

Каиб вздумал потом, что скорее всего разгонит грусть свою новыми победами; повелел – и вдруг армия, многочисленнее древней, Ксерксовой, и не уступающая в храбрости грекам, умершим при Термопилах, была готова и двинулась собирать лавры. Война загорелась, – открылось поле славы для героев и для стихотворцев; сочинители мелкого разбору зачали заготовлять пирамиды од, надеясь при первом случае сбыть их за хорошую цену. Многие жены поседлых героев заранее любовались перед зеркалами, сколь пристанет к ним траур, и твердили науку упадать в обморок, чтобы пользоваться ею, когда принесут к ним весть о кончине их мужей; купцы возвысили цену на черные материи; сочинители эпитафий сделались неприступны.

Первые две победы, одержанные Каибовыми войсками, привели его в восхищение; третью новость о победе слушал он равнодушнее; наконец зачал уже зевать, слушая такие новости, и решился дать свету отдых. Войска возвратились, обремененные славою и корыстями, а Каибова зевота не уменьшилась, и он не без зависти взирал, что полунагие стихотворцы его более ощущали удовольствия, описывая его изобилие, нежели он, его вкушая.

Вариант 4

1. (*фрагмент*) Во едино же время оный его сын рече отцу своему:

– Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительского благословления, изволь меня отпустить в службу, – то мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления.

Выслушав же отец и даде ему благословление, отпустя от себя. Василий же, взяв от отца своего благословление, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И отослали его на корабль по определению; на корабле призываше его по обыкновению матросскому зело нелестно и прочих всех матросов; в науках пребываше и у всех персон знатных в услужении полюбился, которого все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже (*потому что*) он знал в науках матросских вельми остро, по морям, где острова, и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздуха. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младших матросов за моря в Галандию, для наук арихметических и разных языков; токмо оного Василия в старшие не командировали с младшими матросами, но оставлен бысть в Кранштате; но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матросами послать за моря в Галандию для лучшего познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Галандию с младшими матросами.

2. (фрагмент)

Жеривол. О висти сей веселой! Кого вижду, княже?

Ярополк еси, добре знаю. Коя же
Вини к нам пришел еси от мертвих?

Ярополк. Вас ради.

Жеривол. Како?

Ярополк. В бедах ваших вам желая отради.

Не прииде ли вам в слух, что ваш умишляет
Князь на ви?

Жеривол. Что новое? Он давно являет

Свирепство свое: уби тебе, брата родна.

Ярополк. Жертва великих богов несть к тому свободна.

Жеривол. Что слышу?

Ярополк. Христианский закон восприяти

Умысли, от богов же всячески отстати
Хочет.

Жеривол. Га! га! га! га! га! Истинное слово.

Аз сам без висти сея (повим нечто ново,
А вам несвидомое), аз (глаголю вирно),
Аз первый подзрел его, яко лицемирно
Начат богом служити: слиши тайну странну.
Первие он ко богом и жерцом пространну
Име руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздник, торжество, веселие наше
Бе тогда: воли толсти и тучние крави
Убиваеми бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имеяхом
И не токмо ни мало тогда не стужахом;
Но, – вируй ми, о княже! – жрец Перуна, бога,
Добре чрево исполнил от тука премнога
Со Перуном (веси, что имам глаголати),
Со Перуном могох мя в тили соравняти.
Но уже тую щедрость измени. О студа!
Даде вчера едина козла, тако худа,
Тако престарилото, тако бестилесна,
Тако изнуренного, иссохша, бесчестна,
Тонка, лиха, немощна, бескровна, бесплотна, –
Еще ножа не приях, а смерть самохотна
Постиже его. Гнив ли уби его божий,
Или яко не бе в нем кроме одной кожи
И под кожею костей, тилесе ни мало?

Что убо мнится тебе? Кое се настало
Время? Не нам се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрут бози.

Ярополк. Еще прежде глада
Побьет их Владимир: дерзнувий пролити
Кровь братнюю, дерзнет он и боги побити.

3. (фрагмент)

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

4. Лиза в городе жила,
Но невинною была;
Лиза, ангел красотою,
Ангел нравом и душою.
Время ей пришло любить...
Всем любиться в свете должно,

И в семнадцать лет не можно
Сердцу без другого жить.

Что же делать? где искать?
И кому *люблю* сказать?
Разве в свете появиться,
Всех пленить, *одним* плениться?
Так и сделала она.
Лизу люди окружили,
Лизе все одно твердили:
«Ты прельщать нас рождена!»

«Будь супругою моей! –
Говорит богатый ей. –
Всякий день тебе готовы
Драгоценные обновы;
Станешь в золоте ходить;
Ожерельями, серьгами,
Разноцветными парчами
Буду милую дарить».

Что ж красавица в ответ?
Что сказала? *да* иль *нет*?
Лиза только улыбнулась;
Прочь пошла, не оглянулась.
Гордый барин ей сказал:
«Будь супругою моею;
Будешь знатной госпожею:
Знай, я *полный* генерал!»

Что ж красавица в ответ?
Что сказала? *да* иль *нет*?
Генералу поклонилась;
Только чином не пленилась;
Лиза... далее идет;
Ищет, долго не находит...
«Так она и век проходит!...»
Ошибаетесь – найдет!

Лизе *суженый* сказал:
«Чином я не генерал
И богатства не имею,

Но любить тебя умею.
Лиза! будь навек моя!»
Тут прекрасная вздохнула,
На любезного взглянула
И сказала: «*Я твоя!*»

Вариант 5

1. Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

2. (*фрагмент*) В цветущей Андалузии – там, где шумят гордые пальмы, где благоухают миртовые рощи, где величественный Гвадальквивир катит медленно свои воды, где возвышается розмарином увенчанная Сиерра-Морена (*То есть Черная гора. (Примеч. автора.)*), – там увидел я прекрасную, когда она в унынии, в горести стояла подле Алонзова памятника, опершись на него лилейною рукою своею; луч утреннего солнца позлащал белую урну и возвышал трогательные прелести нежной Эльвиры; ее русые волосы, рассыпаясь по плечам, падали на черный мрамор.

Эльвира любила юного Алонза, Алонзо любил Эльвиру и скоро надеялся быть супругом ее, но корабль, на котором плыл он из Майорки (где жил отец его), погиб в волнах моря. Сия ужасная весть сразила Эльвиру. Жизнь ее была в опасности... Наконец отчаяние превратилось в тихую скорбь и томность. Она соорудила мраморный памятник любимцу души своей и каждый день орошала его жаркими слезами.

Я смешал слезы мои с ее слезами. Она увидела в глазах моих изображение своей горести, в чувствах сердца моего узнала собственные свои чувства и назвала меня другом. Другом!.. Как сладостно было имя сие в устах любезной!

3. (фрагмент)

А там свирепый Марс, рушитель мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав:
Полей не обагрят кровью,
И наконец, забыв военный свой устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней любовью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят
И вымыслами игр повсюду производят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украшают,
И тихо вокруг ее летающий зефир
Рисует образ сей, чтоб им украсить мир;
Но в ревности от взглядов вольных,
Умеривая ум любителей свобод,
Иль будто бы странясь от критик злокрамольных,
Скрывает в списке он большую часть красот;
И многие из них, конечно чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались сами.
Везде в чертогах там
Царевниным очам
Торжественны ей в честь встечалися предметы:
Везде ее портреты
Являлись по стенам,
В простых уборах и нарядах
И в разных платьях маскарадных.
Во всех ты, Душенька, нарядах хороша,
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света,
Во всех являешься прекрасным божеством,
И только ты одна прекраснее портрета.

4. Зрел ли ты, певец Тииский!

Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят

И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышát?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка – души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Вариант 6

1. (*фрагмент*) В престольном граде славного русского царства, в Москве белокаменной, жил боярин Матвей Андреев, человек богатый, умный, верный слуга царский и, по обычаю русских, великий хлебосол. Он владел многими поместьями и был не обидчиком, а покровителем и заступником своих бедных соседей, – чему в наши просвещенные времена, может быть, не всякий поверит, но что в старину совсем не почиталось редкостью. Царь называл его правым глазом своим, и правый глаз никогда царя не обманывал. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, он призывал к себе в помощь боярина Матвея, и боярин Матвей, кладя чистую руку на чистое сердце, говорил: «Сей прав (не по такому-то указу, состоявшемуся в таком-то году, но) по моей совести; сей виноват по моей совести» – и совесть его была всегда согласна с правдою и с совестью царскою. Дело решилось без замедления: правый подымал на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на доброго государя и доброго боярина, а виноватый бежал в густые леса сокрыть стыд свой от человеков.

Еще не можем мы умолчать об одном похвальном обыкновении боярина Матвея, обыкновении, которое достойно подражания во всяком веке и во всяком царстве, а именно, в каждый двенадесятый праздник¹ поставлялись длинные столы в его горницах, чистыми скатертьями накрытые, и боярин, сидя на лавке подле высоких ворот своих, звал к себе обедать всех мимоходящих бедных² людей, сколько их могло поместиться в жилище боярском; потом, собрав

¹ Двенадесятый праздник – один из двенадцати важнейших праздников, признаваемых православной церковью.

² В истине сего уверял меня не один старый человек. (*Прим. автора*)

полное число, возвращался в дом и, указав место каждому гостю, садился сам между ими. Тут в одну минуту являлись на столах чаши и блюда, и ароматический пар горячего кушанья, как белое тонкое облако, вился над головами обедающих. Между тем хозяин ласково беседовал с гостями, узнавал их нужды, подавал им хорошие советы, предлагал свои услуги и наконец веселился с ними, как с друзьями. Так в древние патриархальные времена, когда век человеческий был не столь краток, почтенными сединами украшенный старец насыщался земными благами со многочисленным своим семейством – смотрел вокруг себя и, видя на всяком лице, во всяком взоре живое изображение любви и радости, восхищался в душе своей. – После обеда все неимущие братья, наполнив вином свои чарки, восклицали в один голос: «Добрый, добрый боярин и отец наш! Мы пьем за твое здоровье! Сколько капель в наших чарках, столько лет живи благополучно!» Они пили, и благодарные слезы их капали на белую скатерть.

Таков был боярин Матвей, верный слуга царский, верный друг человечества.

2. Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинные,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! – видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! – Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, –
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

3. (фрагмент)

Еще восточную России древней часть
Заволжских наглых орд обременяла власть;
На наших пленниках гремели там оковы,
Кипели мятежи, росли злодейства новы;
Простерся бледный страх по селам и градам,
Летало зло за злом, беды вослед бедам;
Курений алтари во храмах не имели,
Умолкло пение, лишь бури там шумели;
Без действия в поле плуг под тернами лежал,
И пастырь в темный лес от стада убежал.
Когда светило дня к полуночи взирало,
Стенящу, страждущу Россию обретало.
В ее объятиях рожденная Казань
Из томных рук ее брала позорну дань;
Сей град, российскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит,
Отколе на берега шумящей Волги зрит.
Под тению лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Через кои в сердце он России выбегал,
Селенья пустошил и грады пожигал.
С вершины видя гор убийства и пожары,
Где жили древние российские болгары,
Разженны верою к закону своему,
Казань, поверженна в магометанску тьму,
В слезах на синий дым, на заревы взирала
И руки чрез поля в Россию простирала;
Просила помощи и света от князей,
Когда злочестие простерло мраки в ней.
Подвигнуты к странам природным сожаленьем,

Народа своего бедами и томленьем,
 На части полночь всю расторгшие князья
 Смирjali наглых орд, во бранях кровь лия.

4. (фрагмент)

Пролаз в течение полвека
 Все полз, да полз, да бил челом,
 И наконец таким невинным ремеслом
 Дополз до степени известна человека,
 То есть стал с именем, – я говорю ведь так,
 Как говорится в свете:
 То есть стал ездить он шестеркою в карете;
 Потом вступил он в брак
 С пригожей девушкой, котора жить умела,
 Была умна, ловка
 И старика
 Вертела как хотела;
 А старикам такой закон,
 Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
 То не она уже, а он
 Быть должен наконец игрушкой;
 Хоть рад, хотя не рад,
 Но поступать с женою в лад
 И рубль подчас считать полушкой.
 Пролаз хотя пролаз, но муж, как и другой,
 И так же, как и все, ценою дорогой
 Платил жене за нежны ласки,
 Узнал и он, что блонды, каски,
 Что креп, лино-батист, тамбурна кисея.

Вариант 7

1. (фрагмент)

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то попытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высесть не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?

Стародум. Мастерница толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмеяться, а я теперь же всех с головы на голову... (Порывается идти.)

Правдин (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабomyслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. (*Простакову.*) Подите.

Простаков (*отходит, всплеснув руками*). От кого это, матушка?

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

2. Поймали птичку голосисту

И ну сжимать ее рукой.

Пищит бедняжка вместо свисту;

А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

3. (*фрагмент*) Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? – Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но – когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел – на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сживал я подгорюнившись в припадках

своей меланхолии и где так часто заставляло меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные, – одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной.

С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчен, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае.

Но вы мне всегда любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце мое так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! – Минута, в которую мы прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за нее заплатят.

4. (фрагмент)

И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
 Когда своим наставлять его не умеешь
 Примером? когда в тебе видит повсечасно,
 Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
 Если молодому мать раку обличает
 Кривой ход: «Прямо сама пойдя, – отвечает, –
 Я за тобой поплыву и подражать стану».

Нельзя ль добрым быть? – будь зол, своим не к изъяну;
 Изряднее всякого убежать порока
 Нельзя ль? – укрой лишнего от младенча ока.
 Гостя когда ждешь к себе, один очищает
 Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
 И убирает весь дом, третий трет посуду,
 Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
 Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
 Глаз гостей малейший сор, чтоб он не приметил
 Малейшу нечистоту, – а ты же не тщишься
 Побережь младенцев глаз, ему не стыдишься
 Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
 Бóльшу бэрежь ты для них должен бы имети.

Вариант 8

1. Се образ изваян премудрого героя,
 Что, ради подданных лишив себя покоя,
 Последний принял чин и царствуя служил,

Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатом,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И словом, се есть Петр, отечества Отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

2. Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесья мои дела, пускай наименует меня, какую он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою, на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла приискать себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: «Шей-де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльня слова». Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винули и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом, ударилася было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилася, взяла меня под свое покровительство, и столько сожалела о моем несчастьи, что на другой день поутру сыскала молодого и статного человека для моего увеселения. Сперва показалася было я упорною, но через два дня охотно предприяла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невступно две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели хорош, а я пригожа довольно, а на «красенький цветочек и пчелка летит». Он был дворецкий некоторого господина и тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не его собственные. Таким образом, были они доказательством любви его ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гостиный двор узнали, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имяние.

3. Кто для сердца всех страшнее?
Кто на свете всех милее?
Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?» –
Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких;
Не блистает острою,
И движеньем глаз своих
Не умеет изъясняться;
Не умеет восхищаться
Аполлоновым огнем;
Философов не читает
И в невежестве своем
Всю ученость презирает.

Знайте также, что она
Не Венера красотою –
Так худа, бледна собою,
Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!..

«Что ж такое думать должно?
Уверяют старики
(В этом деле знатоки),
Что любовь любовь рождает, –
Сердце нравится любя:
Может быть, она пленяет
Жаром чувств своих тебя;
Может быть, она на свете
Не имеет ничего
Для души своей в предмете,
Кроме сердца твоего?

Ах! любовь и страсть такая
Есть небесная, святая!
Ум блестящий, красота
Перед нею суета».

Нет!.. К чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вам, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нежной, страстной не бывала
И с любовью на меня
Глаз своих не устремляла.
Нет в ее душе огня!
Тщетно пламенем пылаю –
В милом сердце лед, не кровь!
Так, как Эхо³, иссыхаю –
Нет ответа на любовь!

Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!
Ядовитую стрелюю
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И ученых кабинет
В жалкий Бедлам⁴ превращая,
Где безумие живет!
Счастлив, кто не знает страсти!
Счастлив хладный человек,
Не любивший весь свой век!..
Я завидую сей части
И с Титанией люблю⁵
Всем насмешникам в забаву!..

4. В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон

³ Эхо – То есть Нимфа, которая от любви к Нарциссу превратилась – в ничто и которой вздохи слышим мы иногда в лесах и пустынях и называем – эхом.

⁴ Бедлам – Дом сумасшедших в Лондоне.

⁵ И с Титанией люблю... – Любопытные могут прочитать третье действие, вторую сцену Шекспировой пьесы «Midsummer-night's dream» (Сон в летнюю ночь).

Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенным!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт?
Пучину благости, величия, щедрот?
В его правление невинность не страдала
И правда на суде бесстрашно председаала;
Он скотолобие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель».
«О лесьть подлейшая! – шепнул Собаке Крот. –
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик слабоум, писатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех Лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных;
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско росписал монаршую пещеру, –
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!

Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями, –
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

Вариант 9

1. Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных –
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием ты живишь.
Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вяют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистающих серпов.
Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бременя,
Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима, – еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Без скуки долги дни, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенныя в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды,
Никто не странствовал знакомой сени дале
И всяк возделывал отечески бразды.
Не заблуждались их смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты,
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

2. У Тришки на локтях кафтан продрался.

Что долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов –

И локти заплатил. Кафтан опять готов;

Лишь на четверть голее руки стали.

Да что до этого печали?

Однако же смеется Тришке всяк,

А Тришка говорит: «Так я же не дурак

И ту беду поправлю:

Длиннее прежнего я рукава наставлю».

О, Тришка малый не простой!

Обрезал фалды он и полы,

Наставил рукава, и весел Тришка мой,

Хоть носит он кафтан такой,

Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

3. Пусть счастье коловратно –

Нельзя не знать того;

Но мы еще стократно

Превратнее его.

Всё нового желаем,

От старого бежим

И счастье презираем,

Когда знакомы с ним.

Любя во всем измену,

Позволим же любить

И счастью перемену,

Чтоб нам, неверным, мстить!

4. (*фрагмент*) Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало.

Вариант 10

1. (*фрагмент*) Волны пенились под рулем корабля нашего, берег гревендский скрылся в отдалении, северные провинции Англии чернелись на другом краю горизонта – наконец все исчезло, и птицы, которые долго вились над нами, полетели назад к берегу, как будто бы устрешенные необозримостию моря. Волнение шумных вод и туманное небо остались единственным предметом глаз наших, предметом величественным и страшным. – Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть на открытом море, где одна тонкая дощечка, как говорит Виланд, отделяет нас от влажной смерти, но где искусный пловец, распуская парусы, летит и в мыслях своих видит уже блеск золота, которым в другой части мира наградится смелая его предприимчивость. «Nil mortalibus arduum est» – «Нет для смертных невозможного», – думал я с Горацием, теряясь взором в бесконечности Нептунова царства.

Но скоро жестокий припадок морской болезни лишил меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пеною бурных волн, едва билось в груди моей. В седьмой день я ожил и хотя с бледным, но радостным лицом вышел на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже к западу, море, освещаемое златыми его лучами, шумело, корабль летел на всех парусах по грядкам рассекаемых валов, которые тщетно силились

опередить его. Вокруг нас, в разном отдалении, развевались белые, голубые и розовые флаги, а на правой стороне чернелось нечто подобное земле.

2. «Как, милый Петушок, поешь, ты громко, важно!» –
 «А ты, Кукушечка, мой свет,
 Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!» –
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». –
 «А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
 Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
 И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
 А песни, что твой соловей!» –
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –
 Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

3. Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так, любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская⁶

Я во младости с дронтейцами в сраженье был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;

⁶ Можно бы сказать, как в подлиннике: «а меня всё презирает девка русская»; но «презирает», мне показалось, не будет отвечать слогу богатырских лет.

А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать,
Я веслом владеть умею и добрым конем,
По водам глубоким плавать я навык давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка русская.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,
Как стоял в земле полуденной под городом,
И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка русская.

Я рожден в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.

4. О! если то не ложно,
 Что мы по смерти будем жить, –
 Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
 Надеждой сей себя питаю
 И дни в тоске препровождая,
 Я смерти жду, как брачна дня;
 Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятьях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утешь тем супруга...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. План лекций и практических занятий	6
<i>Содержание лекций</i>	<i>6</i>
<i>Программа практических занятий</i>	<i>18</i>
Раздел II. Материалы к практическим занятиям	33
Тема 1. Система жанров русской литературы XVIII в.	33
<i>Таблица жанров</i>	<i>33</i>
Тема 2. Человек в литературе Петровского времени	33
<i>Гистория о российском матросе Василии Кориотском</i> <i>и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли</i>	<i>33</i>
<i>Ф. Прокопович. Слово на погребение Петра Великого</i>	<i>49</i>
Тема 3. «Петербургский текст» русской культуры	51
<i>Таблица (произведения о Петербурге)</i>	<i>52</i>
Тема 4. Сатиры А.Д. Кантемира	52
<i>Сатира I. На хулящих учение. К уму своему</i>	<i>52</i>
<i>Сатира VII. О воспитании. К князю Никите Юрьевичу</i> <i>Трубецкому</i>	<i>60</i>
Тема 5. Жанр оды в творчестве М.В. Ломоносова	72
<i>Ода на день восшествия на всероссийский престол ее</i> <i>величества государыни императрицы Елисаветы Петровны</i> <i>1747 года</i>	<i>72</i>
Тема 6. Русская трагедия XVIII в. «Димитрий Самозванец» А.П. Сумарокова	79
<i>Таблица (цитаты-характеристики)</i>	<i>79</i>
Тема 7. Русская комедия XVIII в. «Недоросль» Д.И. Фонвизина	82
<i>Таблица (цитаты-характеристики)</i>	<i>82</i>
Тема 8. Синтез оды и сатиры в «Фелице» Г.Р. Державина	86
<i>Фелица</i>	<i>86</i>
<i>Таблица (оды М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина)</i>	<i>93</i>
Тема 9. Эстетика и поэтика сентиментализма в повестях Н.М. Карамзина	97
<i>Бедная Лиза</i>	<i>97</i>
<i>Остров Борнгольм</i>	<i>107</i>
Раздел III. Учебно-методические материалы	117
Раздел IV. Самостоятельная работа студентов	125

Раздел V. Методические рекомендации	127
Раздел VI. Контрольные вопросы по курсу	130
Раздел VII. Тексты для определения жанра	133
<i>Вариант 1</i>	133
<i>Вариант 2</i>	136
<i>Вариант 3</i>	139
<i>Вариант 4</i>	142
<i>Вариант 5</i>	146
<i>Вариант 6</i>	148
<i>Вариант 7</i>	151
<i>Вариант 8</i>	153
<i>Вариант 9</i>	158
<i>Вариант 10</i>	160
Для заметок	164

Учебное издание

Русская литература XVIII века

Учебно-методическое пособие

Сост. Н. С. Рубцова

Авторская редакция

Подписано в печать Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. Уч. изд. л.

Тираж 100 экз. Заказ №

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс: +7 (3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru